

География/этнография

Невероятная Индия:
религии, касты, обычаи

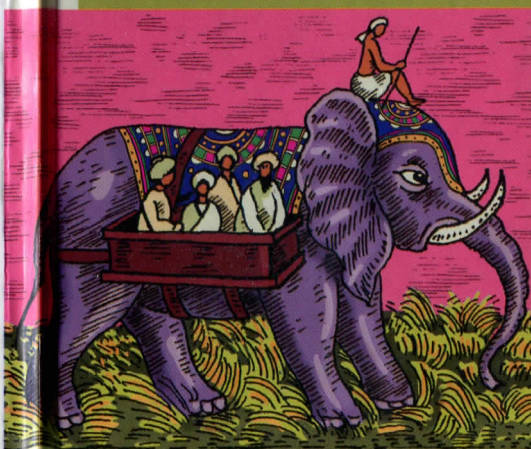
Андрей Снесарев

Н

евероятная
Индия: религии,
касты, обычаи

Андрей Снесарев

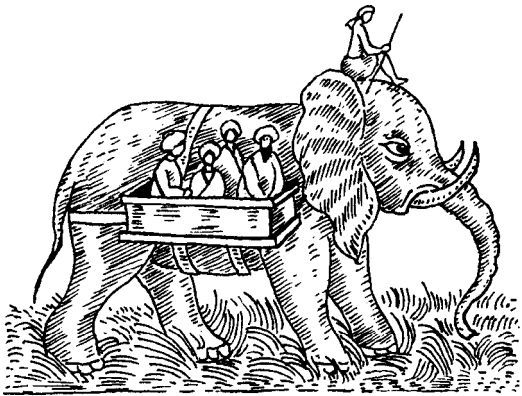

Ломоносовъ
ИЗДАТЕЛЬСТВО

Андрей Снесарев

Невероятная Индия: религии, касты, обычаи

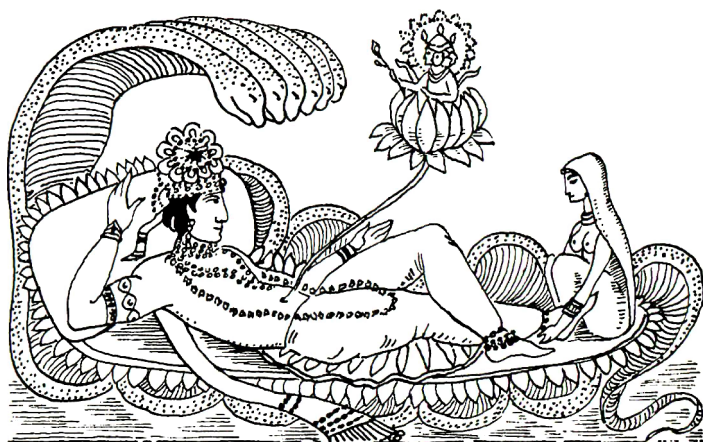
Издательство «Ломоносовъ»
Москва • 2012

УДК 94(549.1)
ББК 63.5(3)
С53

Иллюстрации И. Тибиловой

Scan by Greego

Понять Индию, особенно массовую, народную, без должного углубления в ее религию нельзя. Но как изложить эту религию? Простой подсчет числа представителей, обрисовка форм и обрядов, перечень мест паломничества и т. д. дают слишком пестрый, путанный узор, малопонятный по своему содержанию, связи и трудный для запоминания. Эти соображения заставляют нас коснуться, хотя вкратце, динамической стороны религий Индии, то есть их истории. Стих гаятри*, читаемый ранним утром¹, сложные, а с этим и дорогие родительские похороны, свадебный ритуал, обездоленное положение женщины, кастовые коридоры, святость коровы, милосердие к животным и т. д. — все это идет от дней глубочайшей старины, все это, хотя кое-что только вчерне, набросано уже в «Ригведе».

* Гаятри — стихотворный размер, которым написаны большинство индуистских священных текстов. *Здесь и далее — прим. ред. Примечания автора см. в конце книги.*

Индуизм

Индия — страна индуизма по преимуществу; около этой религии, как думают некоторые, сплеталось всегда единство страны. Разгадать и установить сущность этой религии, свести ее к каким-либо аналогиям пытались очень многие, и это никому не удавалось. Индуизм сложен, он и социальная организация, с одной стороны, и религиозный синтез — с другой. В качестве социальной организации он покоится на касте как базе, уходящей корнями в этнические элементы народа Индии; как религиозный синтез индуизм представляет сочетание старого ведийского культа брахманов, перемешанного и с буддизмом, и с первобытными культами преариев и индоскифских масс.

Сложность содержания обусловлена еще и тем, что, являясь религией многомиллионного народа, от многомудрого брахмана, европейски образованного профессора университета или судьи и кончая представителем угнетенной касты, живущим в лесу, индуизм должен был выработаться в сложнейшую религиозную систему — гибкую, полную неуловимых нюансов, должен был создать сложнейший пантеон богов, число которых исчисляется миллионами², и, наконец, всю эту цепь понятий опутать тесным кольцом культа и церемоний, которые главным образом и позволяют индуизму сохранить свою жизненность и единство. Пестрота и разнообразие религиозного сюжета представляют для людей неисчерпаемый источник переживаний: надежд, страстей, отчаяния, исступления, ужаса, слез, мольбы, мечтаний, — источник, из которого они пьют вот уже много сотен лет и будут пить грядущую череду столетий, конец которой трудно и предвидеть.

Но индуизм не довольствуется сложной системой достигнутого им развития, он не стоит на месте, он не окаменел в своих последних формах, наоборот, он находится в процессе непрерывного преобразования, эволюции, неустанных приспособлений. Эта замечательная, неуловимая в своем существе религия заимствует из самых разнообразных источников, ни на минуту не теряя способности к беспре-

рывному пополнению своего запаса догм, верований, обрядов, почерпаемых то из пропастей примитивного миропонимания, то с дерзновенных высот поисков передовых умов.

По сравнению с мировыми религиями — христианством, буддизмом, исламом — индуизм ярок и самобытен, представляя собою особую, оригинальную систему и мировоззрения и богопочитания, и эта самобытность протекает по всему содержанию религии от верхов — философская космогония, где еще есть кое-какие аналогии, до низов кровавого жертвоприношения и самой грязной эротики, присущих только индуизму.

Нигде в мире мы не находим столь полной и столь длительной картины развития религии, как в Индии. В своих ведах эта страна сохранила нам самые древние и самые полные документы для изучения первичных шагов естественной религии, начальных попыток человеческого ума разобраться в окружающей его природе. Индия, несмотря на все превратности истории, сохранила по крайней мере зерна первичных верований до наших дней. Авторитет брахмана, святость коровы, техническая сторона жертвоприношений, сложная, но пунктуальная подробность обрядов, даже облики богов, таких, как Шива или Вишну, насчитывают за собою не менее 4—5 тысяч лет.

Начало индуизма коренится не внутри Индии, а где-то вне ее, в далеких степных пространствах, где некогда кочевали арии. Эти старые властители и законодатели Индии, наложившие потом на нее свою печать до наших дней, были чрезвычайно набожны, обладали наивной, но очень крепкой верой. Природу, их окружающую — небо, воздух и землю, — они наполняли сонмом богов, олицетворяя непонятные им силы природы. Их всемогущество они переносили и в свою повседневную жизнь, вводя небожителей в стены своих хижин, разделяя с ними трапезу у домашнего жертвенника.

Быт ариев был прост, демократичен и жизнерадостен. Жена — госпожа дома, подруга мужа и заместительница его при жертвоприношениях. Предки индусов желали иметь больше детей, а главным образом мальчиков. О них они страстно молили бога, предоставляя ему «девочек послать кому-либо

другому». Во внешних сношениях они были круче, жестче, аморальнее — умерщвление противника не было убийством, присвоение чужой собственности являлось подвигом. Умножение коров было их экономическим идеалом. Это было по-детски простодушное, ясное, счастливое и полное энергии племя, не ведавшее ни размышлений, ни сомнений.

Но мы сказали, что зачатки религии подмечаются гораздо раньше момента подхода ариев к Индии. Некоторые из ведических богов, очевидно, получили свою жизнь уже тогда, когда иранцы и индоарии жили еще общей семьей. Яма, ведийский бог мертвых, соответствует Йиме, правителю рая в «Авесте», а ведийский бог солнца Митра полностью совпадает с персидским Михтрой, культ которого широко был распространен по Римской империи во II—IV веках. По-видимому, еще раньше, в эпоху индоевропейской общности, созданы были некоторые религиозные концепции, донесенные потом до Индии.

Древнейшими документами о религии Индии являются сборники, называемые «ведами» (то есть ведение, знание, а потом возвышенное знание). Их насчитывают то три, когда говорят об их содержании, то четыре, когда говорят о самих сборниках. Первое, более древнее деление устанавливает три типа литургических текстов: риг, или гимны, то есть заклинания и хвалы (главным образом) в стихах, произносимые нараспев; яджус — формулы, касающиеся различных действий при жертвоприношениях, произносимые шепотом; и саман, или кантилены, сопровождаемые припевом хора. Знать риг, яджус и саман значило обладать «тройным знанием», тройной ведой. Подобное знание, недоступное простому мирянину, заранее предопределяло привилегированное положение брахмана, сохраняемое в Индии и поныне гуру (наставником), который «знает веды». Второе деление, по сборникам, дает четыре веды. Это «Ригведа», содержащая сборник гимнов; «Яджурведа», в которой собраны формулы; «Самаведа», содержащая кантилены; и «Атхарваведа», состоящая из песен, предохраняющих от болезней и вредных животных, из проклятий врагам, заговоров, заклинаний и т. д.

«Ригведа», наиболее замечательная из вед, может быть названа книгой псалмов; она состоит из 1017 гимнов: по раз-

мерам она равна любой из поэм Гомера. Гимны сгруппированы в десять книг, или мандал (циклов). Шесть из этих книг (II—VII) однородны по составу, и каждая из них считается произведением одной семьи жрецов; I, VIII и X мандалы, как полагают, составлены из стихов, принадлежащих одному и тому же автору; единство IX мандалы определяется тем, что все ее гимны обращены к одному и тому же божеству — Соме. Ядром «Ригведы» является, несомненно, «семейная» серия книг, за исключением десятой, которая была создана явно позднее как дополнение. Эта книга затрагивает темы, чуждые первым книгам, каковы, например, космогония и философские законы, похоронный и брачный обычай, колдовство и чары. По своей исторической роли, как первая книга индоевропейской группы народов, «Ригведа» является крупнейшим документом человечества, по красоте и разнообразию форм и по силе религиозного пафоса она не уступит псалмам Давида, а по силе проникновения в природу человека она дает нам чудные картины оформленной и отчетливой психики человека за пять тысяч лет до нашего времени (например, диалог между Урваши и Пурурава как предтеча «Ромео и Джульетты»; психология азартного игрока, врача и т. д.). Язык, на котором написаны веды, — старая форма классического санскрита, отличающаяся от последнего приблизительно так, как язык Гомера от классического греческого.

Но ведийская литература не ограничивается упомянутыми четырьмя книгами, так как их простая задача сводилась лишь к тому, чтобы дать словесный и музыкальный антураж жертвоприношению богам, совершаемому в форме подношения или «божественного» напитка сомы, или растительного масла по преимуществу. С ростом и жизни и самой религии, а главное, обрядности четырех вед оказалось недостаточно, и они потребовали дополнений и пояснений. Такими новыми творениями оказались брахманы³ и сутры, а четыре веды были объединены под именем «самхит», то есть сборников гимнов, молитв и жертвенных формул. Таким образом, дополненная и поясненная веда распалась на три отдела: 1) самхиты, 2) брахманы и 3) сутры. Брахманы были созданы в VIII—V веках до н. э. Брахманы,

или «книги, занимающиеся набожностью», написаны прозой и являются древнейшим типом подобного литературного творчества; они заключают в себе древнейшие уставы обрядов (видхи), объяснение слов этого ритуала (артхавада) и рассуждения (упанишады) над природой вещей. Постепенно брахманы получили священный характер и наряду с ведами начали объединяться под общим наименованием «шрути», то есть священное откровение (точнее, «слышанное»).

Период создания сутр — V—II века до н. э. Сутры (слово значит «нить» или «ключ») — дополнения или пояснения к брахманам; они делятся на шраута-сутры, которые исключительно относятся к церемониям, описанным в брахманах, и смарта-сутры⁴, которые говорят об обрядах, установленных смрити, то есть преданием; сутры также написаны прозой. Как брахманы, так и сутры написаны языком, близким уже к санскриту, и авторы их часто не совсем даже знают язык вед, хотя они и берутся дополнять их или растолковывать. Эти сутры являются третьей, и последней, стадией ведийской литературы.

Ведизм

Какую же картину оставили нам веды? Основа ее та, что вся природа божественна; отсюда можно сказать, что Индия с самой колыбели своей пантеистична по существу. Перед нами целый сонм богов, из которых один как будто выше, другие ниже, но, строго говоря, иерархии среди богов нет. Ранги меняются непрерывно, и роли путаются. Среди богов не только «нет ни великих, ни малых, ни старых, ни молодых, ибо все равно велики», но даже высшее верховенство принадлежит многим, и одному и тому же богу приписывается то абсолютное владычество, то самое решительное подчинение. Индра и все боги подчинены Варуне, а сам Варуна и все боги подчинены Индре. В таком же духе говорится об Агни, Соме, Сурье, Савитаре и т. д.

Этот факт очень характерен для ведийской теологии. В момент взывания к какому-нибудь богу он и становится

главным, а другие как бы исчезают; является ли это преувеличением в пылу молитвы, или это бедность языка, не умеющего дать более тонких оттенков, или это неопределенное стремление к единству, отождествление одного бога с другим, сказать трудно. По-видимому, ведизм уже отбросил или оставил в тени большой запас мифов, полученный им от старины, как слишком стеснительный для его более широкого и менее конкретного применения.

Боги имеют департаментский колорит, то есть ведают определенным куском природы, но и эта департаментность в ведах не всегда выдерживается, и боги без труда (особенно смежные по своим обязанностям) захватывают прерогативы своего соседа. Не входя в подробности, для нас достаточно будет бегло пересчитать ведийский пантеон, подчеркивая лишь наиболее типичное.

Боги неба

Таковыми будут: Дьяус, наиболее старый, соединяемый часто с Притхиви, землей-матерью; пара эта прославляется как всеобщие родители.

Варуна — величайший из богов, стоящий рядом с Индрой, — бог лазурного неба, великий поддержатель физического и морального порядка (рита). Гимны, посвященные ему, хотя немногочисленны, но являются наиболее возвышенными и вдохновенными среди других. Варуна после вед быстро потускнел и потом держался только в роли властителя вод и морей, в роли индийского Нептуна. Характерно, что ореол Варуны систематически падал, заменяясь ореолом Индры, с продвижением ариев в те районы Индии, где дожди муссонов и связанные с ними грозы потрясающе действовали на их воображение и где лазурное небо прежних степей постепенно стиралось из народной памяти.

Боги солнца

В «Ригведе» пять солнечных божеств, произведенных от разных проявлений солнечной энергии. Древнейший — Митра («друг»); он — пережиток глубокой древности и часто

сопрягается в молитвах с Варуной; Сурья — более конкретное воплощение солнца, едущее, как и Аполлон, на колеснице, запряженной семью конями; Савитар, подстрекатель, воплощение бодрящей силы солнца; Пушан («благодетель»), олицетворение продуктивной деятельности солнца, пастушеское божество по преимуществу; Вишну, исторически наиболее важный, так как оказался бессмертным среди других, давно умерших богов, и ныне чтится на пространстве всей Индии. Мы на нем остановимся ниже с большей подробностью. К солнечным богам нужно отнести пару богов утра, по имени Ашвины, или «всадники»; оба сына неба, вечно юны и красивы, едут на колеснице вместе с Сурьей.

Боги воздуха

Во главе их — Индра, царь неба и национальный бог ариев. Он прежде всего — бог воинственный. Стоя на военной колеснице, запряженной двумя рыжими конями, он представляет идеальный тип вождя арийского клана. Как бог неба (грома и туч) он — создатель всех благ, творец и податель всякой жизни. Одной и той же рукой он наполняет вымя коровы молоком и удерживает колесо солнца на склоне тверди небесной; он указывает рекам их течение и без стропил утверждает свод небес. Он — исполин, земля умещается на его ладони; он — владыка и демиург. Индру чаще всего призывают в молитвах. Исторически, по-видимому, Индре повезло: он подошел к воротам Индии, может быть, лишь в качестве скромного бога грома, но войны, непрерывно ведшиеся завоевателями, создали из него по естественной аналогии (гром — шум битв, молнии — стрелы) бога войны, а затем Индия, где тучи («небесные коровы») и дождь играли громадную роль, еще более возвеличила Индру как творца и хранителя жизни. Отсюда важны не его земные сражения, а небесные, где он, опьяненный сомой, дает сражение для освобождения вод — коров, супруг богов, содержащихся в плену у демонов; здесь он поражает молнией Вритру, демона засухи.

Два других бога воздуха — Парджания — бог дождя и Вайю — бог ветра — не ярки и часто ассоциируются с Инд-

рой. Типичнее других и примечательнее Рудра; страх перед его огненными стрелами или ужасным гневом заставляет возносить ему бесчисленные молитвы. Он в «Ригведе», под именем Шивы («благоприятный»), встречается один-два раза, но все чаще и чаще в других ведах, а в послеведийский период имя его самое популярное. В ведах он не ясен, но основной тон его как ужасного бога определяется с достаточной выпуклостью; этот колорит сохраняется и поныне. Рудра в форме Шивы пережил всех своих товарищей по ведийскому пантеону и теперь вместе с Вишну разделяет престол в индуизме. На нем мы еще остановимся. Если Вишну представляет еще некоторые аналогии с божественными концепциями других религий, то Шива — индийский бог по преимуществу, бог народный, широкий и дешевый: он должен быть отчетливо понят, чтобы постичь своеобразную психику народа.

Земные боги

Наиболее чтимый из земных богов Агни, бог огня: воплощение солнца в небе, молнии в воздухе и огня на земле. Рожденный далеко вне Индии, где тепло играло слишком большую роль, где зимы слишком подавляли обитателей⁵, Агни должен был подняться на высоту первоклассного божества. Его роль до Индии, может быть, была более крупна, так как есть некоторые основания считать индоариев огнепоклонниками, но и в ведах мы находим Агни раздвинутым широко за пределы прежнего конкретного бога, до степени мирового начала; в этом смысле он — существо божественное, предвечное, самосушее, единое, которое, проявившись, наполняет собою все миры, обитает во всем существующем и все существующее содержит в себе, он — прародитель людского мира. Но среди этого величия он ни на одно мгновение не перестает быть огнем, материальным пламенем, рожденным от трения двух кусков дерева и пожирающим дрова на жертвеннике; ни один из множества посвященных ему гимнов не забывает этой стороны природы бога.

Жертвенными животными ариев были крупный рогатый скот, лошадь, коза и овца. Но самый верный успех достав-

ляла сома, опьяняющий напиток, получаемый из «лунного растения» (*Sarcostemma viminalis*, или *Asclepias acida* ботаников); оно собиралось в лунную ночь в горах; раздавленные стебли жрецы протирали сквозь сито «руками, на которых надеты золотые кольца», сок сливали в жертвенную чашу и оставляли бродить. В древнейших песнях вед сома — только жертвенный напиток, «пища богов», потом — первобытная божественная сила, называемая «источником жизни», «сильной породительницей богов»; сома, в конце концов, делается богом⁶.

Другие боги

Веды прочно стоят на богах, производных от сил природы, и только в последней, десятой, книге «Ригведы» наблюдается явный шаг в дальнейшем религиозном творчестве. Тут мы встречаем Праджapati — господа тварей или владыку потомства; этот эпитет сначала прилагался к таким богам, как Савитар, Индра и Сома, а в конце концов преобразовался в отдельное божество с характером создателя. Позднее, в период брахман, Праджapati признается главным божеством, отцом богов; в сутрах он уже отождествляется с Брахмой, его преемником в послеведийский период.

Скажем два слова о богинях: Ушас⁷ — богиня рассвета, утренней зари; Сарасвати в «Ригведе» только богиня реки, но в брахманах уже отождествлена с Вач, богиней слова.

Кроме упомянутых богов имелись еще парные, групповые боги (маруты, адитьи), полубоги, герои, нимфы и т. д. Но эта сторона ведийского пантеона была развита слабо, ибо в нем отражались только сильные стороны природы, которые только одни производили впечатление на духовно здоровых, жизнерадостных и благодатно живущих людей. Мы потом увидим, что сделала Индия с этими сильными и жизнерадостными завоевателями, как она превратила их в темных и худосочных карликов, ослабила их физически, повела в безбрежное море запутанных мечтаний и тумана, втиснула в жесткие рамки брахманского культа и, оторвав их от радостей реальной земли, увлекла в область потусторонних идеалов. Но об этом после.

Все ведийские боги давно сошли со сцены, кроме двух: Шивы и Вишну, но обряды, обычаи, отношение к людям и животным, бытовой уклад пережили богов и сквозь толщу тысячелетий дожили до современной Индии, властвуя над ее народной жизнью и поныне. Эта сторона ведийской религии для нас гораздо более интересна, чем ее боги или теоретические отделы религиозной философии. Последние, столь много изучаемые историками, составляют интересное звено в развитии общечеловеческих идей, настроений, дум, но они бывают достоянием немногих, скользя по вершинам социального строя; народ же в массе от религии берет, выражаясь грубо, только сор, отбросы, но ими он реально живет и ими восполняет неизбежную часть своих духовных переживаний. Особенность этих обрядов — они оказываются необыкновенно устойчивыми, так как всегда близки к жизни человека всех ступеней, проникают в его домашний обиход, связаны с видными моментами жизни — рождением, браком, смертью; вот почему они продолжают долгие века руководить человеком, хотя исходные идеи и обстановка, родившие эти обычаи, могут радикально измениться и даже совершенно отмереть.

Жертвоприношения

Ведийский культ состоял из действий двух родов — молитв и приношений. Сначала не было речи о молитвенных сборниках и, значит, о знании их или повторении кем-либо; молитвы являлись свободным излиянием настроения тех из присутствующих (включая и женщин), которые эмоционально к этому были более пригодны. Сами же приношения совершались у простого семейного алтаря или на поле пред камнем и состояли из топленого масла, похлебки, лепешек или, наконец, из сомы, смешанной с водой и молоком. Приносились также животные, в особенности лошади, жертвоприношение которых (ашвамедха) подробно описано. Заметим, что эти простые приношения сохранились и сейчас в Индии в ее деревенских углах.

Культ жертвоприношений рос и усложнялся. Правда, по ведам трудно уловить, в чем технически состояли эти жерт-

воприношения, но, вероятно, обрядов было много, и церемониал был сложен. Они теперь распадаются на два вида: простые, или домашние, приношения и большие религиозные празднества. Последние были особенно сложны: они требовали значительных приготовлений и многочисленного персонала жрецов, певцов и служителей. Нет сомнения, что эта сложность, вероятная величественность актов производила на умы большое впечатление, а таинственность процесса и непонятность сопровождающих его молитв еще только усугубляли впечатление; сами же служители культа должны были с процессом усложнения культа все более и более расти во влиянии и почете. Чем сложнее и непонятнее делался культ, тем он становился священнее, тем он повелительнее действовал, тем больше он вращался в сознание как нечто важное, неизбежное, без чего нет ни индивидуального счастья и успехов, ни общего, ни даже мирового порядка.

В первичном смысле жертвоприношение было торгом между богом и человеком: человек нуждался в предметах, бывших в распоряжении бога: в дожде, свете, тепле, потомстве, в поражении врага, а бог хотел «есть» и жаждал жертвоприношений, но и на этой примитивной стадии в акте жертвоприношения уже чувствуется пафос любви и трепета перед могуществом бога, в руках которого находится судьба человека. В дальнейшем понимании жертвоприношения мы видим более сложные и новые элементы; оно уже не является актом торга любви или благодарности, оно уже таинство, а затем оно уже прямое вмешательство в явления природы и необходимое условие нормального течения вещей. Если бы на мгновение прекратились жертвоприношения, то боги перестали бы посылать дожди, возвращать зарю и солнце, давать жизнь злакам и животным.

Если мы в современной Индии встретим жертвоприношения как наиболее частый акт культа и даже натолкнемся на идентичность как церемониала, так и приносимых предметов, мы не должны удивляться: во-первых, это — акт таинственный и священный, от которого зависят судьбы и отдельного человека, и всего мира — так давно мыслит Индия; во-вторых, это — акт, выполняемый народом более трех тысяч лет и ставший поэтому чем-то неизбежным,

как голова и руки для человеческого организма; наконец, в-третьих, это — его бытовой календарь, регулятор его жизни и труда, педагогический ресурс в семье, столь редкое разнообразие в ходе серой жизни, то есть своего рода развлечение.

Обряды

Из других обрядов, унаследованных Индией от вед, заслуживают внимания погребальный и брачный. На них также блестяще подтверждается устойчивость народных обычаев, раз они к тому же еще подкреплены религией. Нужно отметить сначала, что семья с отцом как главой и хозяином дома (грихапати) являлась базой арийских обществ; положение жены, как говорилось выше, было высоко и почтено. Семья как устой, как тесно сплоченная единица перенесла все исторические невзгоды, выпавшие на долю Индии, и в наши дни представляет собою типичное явление страны, переходя в своем крайнем развитии, в форме, например, больших семей, доходящих до 100 душ и собирающих семь поколений, далеко за пределы экономически разумного. Что касается женщины, то она с ведийского пьедестала свободной и властной подруги мужа ниспала до степени существа, подчиненного и руководимого в родительском доме отцом, в доме мужа — супругом, а по смерти мужа — сыном⁸, закабаленного во власть свекрови, запертого в гареме и т. д.

На этом интересно остановиться.

Трудно уловить, когда начался этот перелом в судьбе женщины, столь крупный по своим последствиям. В ведах мы видим только намеки в форме отношений к девочкам. Ясно, что в кочевой жизни ариев женщина была столь большой экономической ценностью, что должна была стоять на равной высоте с мужчиной. Но войны заставили поблекнуть все прежние социально-экономические ценности, выдвинув на первый план ценность боевую, а вместе с этим и мужчину. В молитвах просят мальчиков по преимуществу, невесте высказывают пожелание, чтобы она «рожала богатырей». Положение женщины должно было падать; это падение отражается и в ведийской литературе. Уже в «Ригведе» не высказывается желанис, чтобы родилась девочка, в «Атхар-

ваведе» встречается мольба, чтобы родилась не девочка (а «девочек пошли, боже, другим»). «Яджурведа» упоминает, что рожденные девочки подкидывались, а одна из брахман идет дальше, подчеркивая, что «иметь девочку — несчастье». От этих понятий еще далеко до гаремной жизни, сати или систематического убийства девочек, но перед нами уже налицо религиозная санкция, предопределяющая постепенное социальное падение женщины.

Сати

Наиболее диким актом отношения к женщине является сати (от санскритского слова *sati*, что значит «существующая», «настоящая», «хорошая», а в переносном смысле «преданная жена») — добровольное сожжение вдовы после смерти мужа. Усилиями англичан оно было прекращено в 30-х годах прошлого столетия, женщину перестали сжигать, то есть физически ныне она не умирает, но граждански и нравственно вдова в Индии и теперь является «существом умершим». Вопрос о происхождении сати, пустившего столь глубокие корни в жизни Индии, не решен еще удовлетворительно. Большинство ученых держатся мнения, что сати ведет свое начало от более древнего и более дикого обычая насильственного погребения жен и невольниц при похоронах вождя. Этот обычай господствовал среди многих племен Центральной и Западной Индии и даже в Восточной Европе, где он получил название скифского.

Из пяти гимнов, посвященных погребальному ритуалу, мы узнаем, что хотя обычай погребения в земле иногда практиковался в ведийское время, но сожжение было более привычным. Можно даже подметить по тексту гимнов, как стихи, созданные на случай погребения в земле, были потом дополнены или изменены под давлением обычая сожжения, то есть погребение было более ранним обычаем, вытесненным постепенно сожжением. Сообразно с обычаем глубокой древности, удержавшимся в Индии и теперь, умершего богато одевали и снабжали оружием для пользования в будущей жизни.

Есть основания предполагать, что арии перед входом в Индию: 1) хоронили мертвых в земле и 2) с мужем хоронили живую жену, но уже на протяжении ведийского периода мы замечаем перемену в обоих отношениях. Что обычай сожжения должен был заменить старый погребальный, понятно: жаркий климат Индии, сильные дожди и разливы рек, массы хищников (гиены, волки, шакалы) исключали погребение, делая его ненадежным, слишком трудным (необходимость очень глубоких могил) и по необходимости слишком быстрым (тело разлагалось в первый же день). Обычай сати в период вед или временно был изжит, или прямо запрещен. Веда его не признает. На это ясно указывает стих знаменитого погребального гимна: «Восстань, о женщина, к миру живых. Ты лежишь рядом с этим, бездыханным, иди сюда! Ты вступила в брак с этим твоим супругом, взявшим тебя за руку и жаждущим тебя» (Ригведа X, 18, 8).

А между тем исторически установлена картина широкой практики этого обычая в Индии начиная не менее как за 300 лет до н. э. и кончая XIX столетием. Напрашивается гипотеза, что обычай сати занесен был в Индию еще дравидами и с тех пор в ней удержался. Вопрос о сильных туземных влияниях на культ и обычаи ариев находит себе все больше и больше приверженцев. Нет ничего удивительного в том, что обычай сати, занесенный из Средней Азии раньше вторжения ариев, начал к моменту этого вторжения распространяться с юга на север и в конце концов одолел лучезарное и равноправное миросозерцание ариев. Конечно, сати нашло для себя очень подходящую почву в экзальтированном культе социального положения мужа⁹, в болезненной борьбе за чистоту крови (вдова являлась потенциально сильной угрозой), в туранских влияниях на Индию, в частом количественном перевесе женщин над мужчинами и т. д. Нужно, говоря о сати, добавить, что обычай никогда, по-видимому, не был универсален как территориально, так и социально (блюлся не всеми кастами и классами) и редко рассматривался как акт обязательный для всех вдов. Но почти так же несомненно, что в высоких слоях (раджи, принцы крови, богачи) сати часто получало обязательный характер, и история сохрани-

ла память о целых гекатомбах подруг жизни, принесенных на гроб мужа-владыки.

Похоронный обряд

В всдах мы находим лишь намеки на почитание предков: оно связано с верою в загробную жизнь, которая написана недостаточно отчетливыми красками. Над умершими царит солнечный герой — Яма. Он жил и, имея право остаться бессмертным, предпочел смерть, чем совершил путь безвозвратный, пролагая его будущим поколениям. С тех пор на самых отдаленных окраинах неба, в жилище света и вечных вод он царит мирно в соединении с Варуной. Там под звуки своей флейты под ветвями мифического дерева он собирает вокруг себя умерших, хорошо проведших жизнь. Они стекаются к нему толпою. Облеченные в сияющие тела, наполненные небесной сомой, дающей бессмертие, они наслаждаются вместе с Ямой бесконечным блаженством; как сотрапезники самих богов, они сами становятся богами, и на земле им поклоняются под именем питри, или отцов. Кто эти питри, которых боготворят и которые пользуются райской жизнью? Прежде всего это первые жрецы, бывшие певцы, а затем предки до последнего умершего. Но этот последний вводится в сонм питри лишь тогда, когда над ним совершится погребальный обряд, на десятый день будут собраны и погребены его полусгоревшие кости, насыпан курган или положен камень и, наконец, совершена первая шраддха — поминки. Рядом с этой радостной жизнью в «Ригведе» намечается, хотя и туманно, какая-то и печальная жизнь в темноте, среди мучений¹⁰, которая, очевидно, постигает как грешников, так и не сподобившихся соответствующего погребения. Таким образом, похоронный обряд и поминки, по мысли вед, делали умерших богами, хранителями своих детей и их очагов, распределителями нужных благ; между землей и небом путем ритуала устанавливалась тесная связь, священные и родовые узы во все века, прошлые и грядущие. Получался круговорот действий и причин, а также и взаимных обязательств: живущие путем ритуала (похороны и поминки) делают умерших блаженными и бога-

ми, а последние, в свою очередь, хранят живущих и покровительствуют им.

Из такого круга идей, столь импозантного по своему размаху, где материальные, ежедневные и насущные блага тесно связаны с небесными, легко мог выработаться сильный и прочный культ, царствующий в Индии и теперь. Что он потом как существенная обязанность был сосредоточен на сыне умершего, на «полателе бессмертия» — это, естественно, вытекало из дороговизны культа, требовавшего больших трат и, значит, затронувшего право распоряжения; кроме того, культ установил очень сложные правоотношения между умершими и живущими, что могло быть решено только главами семейств — умершим, распоряжавшимся в потустороннем мире, и сыном, оставшимся среди живых.

В культе предков заложены соблазнительные идеи, окутанные большою святостью, он же перепутан сильно с правовыми нормами; он, наконец, отвечает столь характерной в индусской семье черте — взаимной любви между родителями и детьми. Что исполнение его стоит дорого — об этом нам говорит уже ведийская литература. Сложность погребального обычая с подробностью начертана в грихья-сутрах, в которых говорится об участии нескольких жрецов, принесении в жертву животного, разлитии масла по огромному количеству сосудов, сооружении костра; естественно, что поминки, своею сложностью и торжественностью отвечая величю совершаемого акта, должны были стоять очень много. Молитвы, читаемые при этом обряде, являются наиболее трогательными и вдохновенными по сравнению с остальными гимнами вед¹¹.

Брачный обряд

Брачный обряд и последующие праздники также являются культом, производным от ведийских обычаев, отличающимся и поныне в Индии пышностью и дороговизной. Описание обряда мы находим в большом свадебном гимне X, 85. Не останавливаясь на подробностях, скажем, что в ведах проведены по отношению к браку высокие, а для того времени паразитально высокие идеи. Святость и нерушимость брака

и вытекающих обязанностей, равенство мужа и жены, свобода или право девушки на выбор себе мужа, единоженство. Многие из этих норм на пути многострадальной истории Индии были забыты, отмерли или поблекли — обстановка в этой стране, ее ранние обитатели и последующие пришельцы в нее, по-видимому, не были на высоте указанных правил; для сохранения «идей» веды оказались бессильными, но внешняя обрядовая сторона по странной игре судьбы сохранилась со времен вед в значительной неприкосновенности.

По совершении сговора, ведомого третьюм лицом, совершалось благословение родителей, напутствующих дочь, покидающую родительский кров. В благословении следовал ряд пожеланий, из которых одно типично тем, что обнаруживает ясное представление о наследственности¹²; по обычаю, высказывается пожелание богатства «сыновьями и добром». Бракосочетание праздновалось в доме родителей невесты, куда жених приходил, сопровождаемый толпой, состоявшей из друзей и родственников. Здесь их угощали мясом коровы, убитой в честь большого торжества. Самый брак заключался в том, что жених брал невесту за правую руку и водил три раза вокруг домашнего очага, слева направо, произнося при этом священные слова¹³. Потом невеста в праздничных одеждах и «помазанная маслом» садилась вместе с супругом в колесницу, украшенную красными цветами и запряженную парой белых быков; сопровождаемые процессией новобрачные отправлялись в ее новый дом.

Каста

О касте, столь характерном для современной Индии явлении, будет в свое время сказано специально. Сейчас интересно осветить вопрос, как далеко в глубине истории мы застаем этот институт и в какой форме. Принято говорить, что в ведах можно отыскать все, чем живет современная Индия. Это верно, но только относительно. Касты, вернее всего, не было в ведийский период, иначе непременно нашлось бы указание на ее существование, хотя бы косвенное. Только в одной песне¹⁴, смысла крайне темного с мистическим оттенком, мы находим отдельно брошенную мысль, как бы говорящую

о касте. Здесь описывается сотворение мира в виде исполинского жертвоприношения, совершаемого богами. Центральной фигурой и жертвой является первородный великан Пуруша (одно из названий человека). Пуруша, говорится в гимне, «это вселенная, которая была и которая будет», и боги принимаются извлекать из него миры, и животную тварь, и людей. И вот из уст его создан брахман, из рук его — кшатрия, вайшья — из его бедер, и, наконец, шудра родился из его ног. Попытки найти в других местах «Ригведы» намеки на касту приходится считать или ошибками, или натяжками. Но нельзя забывать, что X книга — самая поздняя книга «Ригведы», отличающаяся резкими особенностями языка, духа, миросозерцания. Гимн и упоминание о касте могли попасть в книгу с более поздних времен, как отражение позднейшего ведийского или, скорее, брахманского (классического) периода. Зато в независимых частях¹⁵ «Яджурведы» и особенно во многих гимнах «Атхарваведы» мы встречаем более частые и отчетливые упоминания о касте; а в брахманах и в религиозно-законодательных трактатах, например в «Законах Ману», мы находим уже полную (правда, чисто брахманскую) картину состояния и роли касты.

Если к скудости и сомнительности сведений «Ригведы» мы прибавим, набросанную нами выше картину жизни, быта и миропонимания ариев, то можем с некоторой уверенностью утверждать, что арии — по крайней мере к Индии — подошли без кастового деления, однородной и равноправной массой, индивидуально или посемейно, может быть, отличной и разноживущей, но уже в зависимости от личных качеств или личной житейской удачи. Может быть, надежнее будет сказать, что арии вступили в Индию с почти потухшим институтом касты. Отсюда следует вывод, что веды и ведийский период, пожалуй, и не виновны в суровом и непреклонном институте касты; однако все те же веды дают нам ключ к уразумению того источника, из которого потекла река касты, чтобы затем постепенно окрепнуть, превратиться в огромное смрадное болото и затопить наглухо бедную страну.

Этим ключом является постоянное и отчетливое деление, проходящее через всю «Ригведу», народов современ-

ного Пенджаба (а позднее и районов восточнее него) на два главных разряда, которые противопоставляются один другому: это — деление на ариев и дасью. Первые нам известны, а вторые, надо полагать, были главным образом неарийские туземные народы, которых пришельцы после многолетней, а может быть, и многовековой борьбы поработили. В этом нельзя не видеть первого зародыша касты.

Само слово «дасью» на пути длительного соперничества ариев с аборигенами и вызванных им враждебных чувств претерпело ряд изменений. Это — старинное арийское слово, которое древние персы долго употребляли в безобидном смысле, означая «народы». В надписях Дария слово встречается нередко и обозначает коренных обитателей областей и районов в противоположность ариям. В Индии оно с первыми шагами ариев получило явно враждебный смысл, обозначающий неприятеля, врага, а потом перешло и в распоряжение ведийской мифологии, обозначив бесов, злых демонов, сил тьмы и засухи. Наконец, последняя переменна, которой подвергся смысл слова «дасью», особенно заслуживает внимания: слово «дасью» (в несколько измененной форме «даса») стало обозначать собою раба, что, вероятно, совпало с окончательным порабощением туземных народов ариями. Но этим не все сказано. Рабы могли занимать низшие должности, работать на владык, терпеть унижения, но от этого еще далеко до запрета общей еды, устранения брачных сношений и т. д. Необходимо еще раз обратиться к ведам и посмотреть, нет ли в них указаний на зародыш кастовых требований относительно, например, брака, общей трапезы и т. п., и затем подумать, чем это вызвано.

Ведийские тексты помимо характеристики дасью как врагов испещрены терминами, изобличающими глубокое презрение и отвращение к туземным народам. Это чувство, исходящее из расового антагонизма, своего рода дасиофобия, достигает в текстах исключительной пылкости, разнообразия и резкости. Прежде всего оттеняется физическое различие между врагами в цвете кожи, облике и чертах лица. Дасью величают «безносыми» (вероятно, подразумеваются плоские лица), «козлоносыми», «черными», «чернокожими». С разных сторон осуждается и высмеивается их быт и миро-

понимание — «люди без священных огней», «без богов», «без жертвоприношений и обрядов», «объедающиеся мясом», «питающиеся сырым мясом», «беззаконные». А когда дасью были оттеснены в леса и непроходимые горы, то в поэзии арийских поэтов и жрецов они превратились в «чудовищ» и «дьяволов». Конечно, вся эта порочащая литература не была создана исключительным вдохновением или злословием жрецов, но очевидно, что они подогревали народное чувство умышленно, стараясь сделать его активным, прочным и широким. Нет ничего удивительного, что подобная агитация, развиваясь и организуясь, могла пойти дальше и вылиться потом в ряд правил и запретов — не вступать с нечестивыми в сношения, не есть с ними, избегать брачных уз и т. д.

Таким образом, идея касты носилась в воздухе, зарождающаяся в атмосфере вражды, недоверия, взаимного науськивания друг на друга. Но к этому нам хочется добавить еще одно соображение. Дасью не были исключительно народом неарийского корня; по-видимому, в дасийскую массу входили и арии, раньше вступившие в Пенджаб и успешные ассимилироваться с туземцами. Но ведь всех этих врагов независимо от их «благородного» происхождения и языка объединяла теперь чернота кожи, «безносие», нечестие и т. д. Какое же отсюда могли вывести заключение арии? А то, которое хорошо сознавали все завоеватели Индии, афганцы, моголы, до португальцев и англичан включительно, а именно: в физической природе Индии, во-первых, и в ее черной многомиллионной массе, во-вторых, заложена страшная ассимилирующая сила, которая всяких пришельцев скоро — в три — пять поколений — превращает в однородный со всеми другими тип.

Если же наша догадка верна, то выходит, что победители — арии боялись побеждаемых дасью. На основании изложенных предположений известное восклицание ведийского поэта, что, «истребляя дасью, Индра защищает арийский цвет»¹⁶, я склонен понимать в прямом или, точнее говоря, в биологическом смысле.

Сделаем краткое резюме: к воротам Индии арии подошли без кастовой организации, но в пылу многовековой вражды

с дасьё, под влиянием возникающего понимания их ассимилирующей силы у ариев начало созревать кастовое сознание, которое позже было религиозно-законодательным образом оформлено; разумеется, экономические и социальные факторы играли при этом немалую роль.

Святость коровы

При изложении влияния ведийского периода на современный индуизм интересно проследить за оригинальнейшим догматом индуизма — святостью коровы. Роль коровы в арийском быту, где она составляла неотъемлемую его принадлежность, очевидна.

Мы уже упомянули мимоходом, как роль коровы, этого огромного хозяйственного фактора в быту ариев, сказалась на их языке. От слова «го» («корова», мн. ч. «гавас») произошел большой цикл слов, обнимающих очень крупные и, казалось бы, далеко отстоящие друг от друга понятия, как, например, гопа — пастух, а впоследствии — государь; готра — буквально «ограда», охраняющая стадо от воров и мешающая ему разбежаться, принимает потом смысл семьи, рода и, наконец, племени; гавешана — «стремиться к обладанию коровами», а в переносном смысле «воевать»; гавиджа — «домогающийся коров», а в переносном смысле — «пылкий, страстный»; само слово «го» означает «благо, богатство» и т. д. Полагаем, что подобное распространение в арийском лексиконе слов, производных от «го», объективно доказывает исключительную роль коровы в жизни наступавших на Индию ариев. Нужно еще подчеркнуть, что лошадь, которую арии успели приручить до вторжения в Индию, хотя и признавалась значительной ценностью (в молитвах часто молятся о ниспослании лошадей), но была скорее привилегированным товарищем арийца: лошадь, например, запрягали в боевые колесницы или в колесницы на беговых состязаниях, но, по-видимому, на ней еще не ездили верхом и, несомненно, не пользовались ею для полевых работ. Таким образом, у ария оставался единственный работник — корова, что, несомненно, еще более поднимало ее ценность.

Из изложенного очевидно, что хозяйственная обстановка ариев вполне подготовила принцип святости коровы, и не будет особой натяжкой сказать, что эта святость была установлена уже в ведийский период и ведами достаточно отражена. Тогда же улавливаем идею святости жизни коровы. Мы обособляем эту идею потому, что она в настоящее время является преобладающей в общем культе коровы, хотя, замстим попутно, далеко не включает в себе мысли об уважении к человеческой жизни или обязанности гуманного обращения с животными вообще или с тою же коровой в частности. В «Ригведе» еще не находим следов решительного запрета посягать на жизнь коровы, так как свадебные гимны говорят даже об убийстве коровы при особо торжественных случаях, но уже в «Яджурведе» убийца коровы наказывается смертью¹⁷.

Конечно, от большой полезности животного в быту и естественных отсюда к нему любви и заботливости еще далеко до запрета убивать его (для нужных, конечно, целей), а еще дальше — до правила вообще не есть говядину и даже ничего мясного, то есть до полного вегетарианства, столь типичного и столь, вероятно, глубокого по своему влиянию на население Индии, и нам придется еще подумать, чтобы понять развитие принципа святости коровы до его современного состояния; но одно можно сказать: источник его коренится в допенджабской жизни ариев, сам принцип довольно отчетливо был оформлен в ведийский период и только вегетарианская добавка, вероятно, появилась в жаркой Индии.

Чтобы покончить с ведийским периодом, скажем два слова о более мелких темах. Как видно из дошедших до нас источников, арии были любители выпить, и эта их слабость улавливается с самых древних времен.

У ариев было известно два сорта спиртных напитков. Употребление сомы ограничивалось религиозными обрядами и особыми торжествами, и вообще это был напиток богов и жрецов по преимуществу. Напиток, называемый «сура», приготавливался из какого-либо вида зерна. Насколько потребление суры было обычным, можно судить по тому, что во времена «Яджурведы» занятие «изготовителя суры» сдела-

лось профессией. Та же обычность употребления спиртного напитка видна из многих текстов священных книг: целая книга IX посвящена восхвалению только одного божества — Сомы. Особенно важно отношение к пьющим, в котором ничуть не видно и намека на осуждение и критику, а, скорее, свособразное восхищение или одобрение.

Итак, пьянство было в почете у ариев и если не освящено, то идеализировано религией, но этот обычай Индия от них не унаследовала. Она его заменила более подходящими для народа наркотиками, вроде или бетеля, а в иных местах — опия.

Паломничество

Паломничество — типичное явление современного индуизма, — по-видимому, идет не от ведийского периода, хотя в ведах при желании можно найти косвенный источник, из которого могли развиться последующие паломничества. Древнее жертвоприношение требовало наличия реки — стоячая вода не годилась для церемоний. Жертвоприношения освящали в глазах верующих места, где они совершались наиболее часто, — слияния рек, броды, переправы и т. д. Места слияния рек носят название «пряга», то есть места для жертвоприношений.

Брахманизм, строго говоря, не признает ни путешествий по богомолям, ни святилищ, но уже в «Махабхарате» часто упоминается паломничество к святым рекам или местам; например, определенно называются Сарасвати, Курукшेत्रа (поле в окрестностях Дели) и лес Наймиша¹⁸. Ничего нет мудреного, что небольшого намека со страниц священных вед было достаточно, чтобы позже, когда жизнь народа разбилась на изолированные очаги (деревни) и сделалась наглухо прибитой к этим географическим точкам, паломничество стало неизбежным и самым популярным культом индуса, небольшой отдушиной, через которую он искал и утешений, и отдыха, и разнообразия, и встряски от рабски унылой, монотонной и нищенской жизни¹⁹.

Мы с особой подробностью остановились на религии далекого прошлого Индии, на так называемом ведизме, как

основной базе современного индуизма, но эти подробности помогут нам позже, при выяснении не только религиозного уклада народа Индии, но и многих сторон его быта и жизни. Однако индуизм справедливо считают не прямым потомком ведизма, а производной от дальнейшей ступени последнего, носящей название брахманизма. На этой религии старой Индии необходимо также остановиться.

Брахманизм

Эта интересная ступень религиозного мышления Индии представляет собою лишь ритуалистическое и особенно философское развитие ведизма, но самобытного облика не имеет. Колыбелью ведизма был Пенджаб, в обстановке которого полуоседлое племя ариев, трансформируя принесенных им одиноких степных богов с их примитивным культом, и создало более широкую и сложную религиозную систему — пантеистичную, светлую, демократическую. В следующий период, приблизительно в VIII—II веках до н. э., арийские племена продвинулись дальше к востоку, захватывая богатые и обширные долины Хиндустана, вступили в настоящую Индию, и здесь, в Доабе, между Джамной и Гангом, мы находим колыбель брахманизма.

Раздумывая над причинами возникновения этой религии, исследователи подчеркивают тот факт, что язык древних песен мало-помалу стал непонятным для толпы и темным даже для жрецов, но уже не подлежал изменению. Так появился священный язык, а значит, и священные тексты, а за всем этим — необходимость их специального изучения и специальных людей. В результате появился класс брахманов (а на почве Индии каста), посвятивший себя молитве, богословской науке, выполнению сложных обрядов и духовному руководству народом. Нельзя спорить, что забвение языка явилось крупным стимулом в последующем создании многих сторон брахманизма, но в данном случае причину, вполне возможно, путают со следствием. Священство языка было само отчасти результатом уже усложнившейся жиз-

ни ариев и появления на сцене привилегированного класса жрецов. Кто-то должен был сказать о неизменности священного языка, что в истории религий не всегда является непреложным правилом.

Несомненно, арии, вступившие в совершенно иную физическую обстановку, встретившись с разнообразными народами, носителями иной культуры, перейдя от упрощенных форм полукочевой жизни к более сложной, государственно организованной, превратившись из кочующего племени во властвующий народ, не могли довольствоваться старой, детски простой религией. Ведизм должен был получить неизбежные толчки к развитию в сторону философствования и спекулятивного углубления, классового обособления представителей культа, усложнения ритуала и введения новых техники и приемов, усложнения и видоизменения пантеона и т. д. То обстоятельство, что язык стал священным, то есть непонятным или мертвым, отчего бы это ни произошло, конечно, играло значительную роль. Появились священные тексты, которые надо было изучать и которые нельзя было изменять, — религия укладывалась теперь в несокрушимые догматические границы. В этих условиях класс служителей, возникший уже раньше на фоне огосударствления жизни ариев, должен был при наличии заповедного языка закрепиться и пустить широкие корни. Создать себе привилегированное социальное положение и подняться на исключительную высоту господства и почета будет уже последующей задачей честолюбивого и высокоталантливого класса брахманов²⁰.

Но каково же было происхождение брахманов, давших название не только возглавляемой им религии, но и самому широкому творчеству в области наук и искусств (брахманская поэзия, медицина, математика и т. д.). Сами брахманы выводили свое происхождение от семи риши, глав семи духовных семейств. Веда говорит о «риши-царях» (раджарши), которые иногда являлись составителями гимнов; ими бывали или вожди, или выдающиеся воины, — таким образом, в древности религиозное творчество не замыкалось в определенном круге, а отсюда вывод, что генеалогия была придумана потом, когда брахманы стали у кормила власти.

Возможно и то, что входившие в Индию волны ариев или их отдельные кланы уже выделяли из общей массы особые группы, которых признавали брахманскими. Божеский пантеон как будто подтверждает эту гипотезу, так как говорит о необходимости очень раннего создания жреческого класса.

Для нас важны не предположения о происхождении брахманов а, скорее, вопрос о том, когда они получили силу и легко ли она им досталась. Арии, по-видимому, вступили в Индию, уже имея представление о жрецах как прежде всего руководителях жертвоприношений. «Ригведа» говорит, что лишь царь, перед которым шествует жрец, будет чувствовать себя прочно и хорошо в своем доме; перед ним склонятся народы — «царь, дающий богатства жрецу, одержит победы, так как ему помогают боги». Это показывает, что роль жрецов и их социальное положение были оформлены еще где-то вне Индии. Даже положение царей не вполне было свободно от жреческого влияния. Нужно думать, что лишь потом непрерывные и, видимо, тяжелые войны выдвинули значение кшатриев (воинов), а тем более их вождя на первый план. В этот момент царь захватывает полноту власти: он ведет свое войско против врага, он же является посредником между народом и богами, молит последних о помощи, славит их или приносит им жертвы. В отдельных случаях он мог предоставлять это дело пурохите (букв. «стоящий впереди»), руководившему жертвоприношениями, или совсем передать свои обязанности жреца кому-либо другому, кто обладал нужной внешностью и отличался как певец или творец гимнов. В этом отделении царской власти от сана жреца можно видеть зародыш той розни между кшатриями и жрецами, из которой последние вышли победителями, а это сыграло важную роль в судьбах арийского народа.

Когда совершился и почему совершился переход верховенства от военной аристократии к сословию жрецов, установить трудно, но набросать некую канву предположений возможно. Чем дальше продвигались арии по Индии, тем меньше они встречали сопротивления, натываясь на более слабые и не столь воинственные племена; военное дело и кшатрии теряли свое значение. Но с другой стороны, нарождалась потребность в дирижерах, которые могли

бы навести порядок во вновь завоеванных странах, наметить законы, упрочить религиозный культ и т. д. Этими новыми руководителями и явились жрецы брахманы, которые уже давно имели дело и с правом, и с науками, и с обычаями, не говоря уже про культ. Мог ли кто теперь посягать, как в старину царь или воины, на их жреческие обязанности? Теперь — нет. Священный язык омертвел и требовал специального изучения; ритуал сделался объемистым и сложным и тоже требовал предварительной подготовки; наконец, устная передача всех нужных формул и молитв, с одной стороны, и аристократизм жреческого состояния — с другой, нашли себе лучший исход в наследственной передаче знания. Словом, образовалась группа семейств, неуязвимая и незаменимая в своей жреческой специальности какими-либо другими группами.

В результате аристократия со всем своим мужеством, самопожертвованием на полях сражений и физической силой была отодвинута на второй план, а жрецы со своим знанием жизни и народа, со своей таинственной волшебной силой жертвы овладели духовной жизнью народа. Они не замедлили прочно утвердить за собою эту власть, регулируя по строго выработанному плану всю общественную и частную жизнь, втискивая ум, чувства и волю индуса в предписанные рамки.

В какую же форму богопочитания превратили брахманы религию арийских пришельцев — ведизм? Духовное одиночество, сознательная ложь, лежавшая в основе брахманского могущества, с одной стороны, природа Индии, полная контрастов красоты и безобразия, богатства и бедности, кроткой тишины и разрушительных вспышек — с другой, и что-то третье, труднее улавливаемое, пропитали мышление брахмана глубоко пессимистическим настроением; все существование человека и всего мира есть одно огромное страдание. В своих целях брахманская философия резко отлична от европейской, ищущей истины ради истины, действительно философствующей; брахман в своем мышлении преследует практическую цель — избавление от страдания, тяготеющего как проклятие над миром природы и людей. В своих поисках брахманы подарили миру бесценные открытия, создав музы-

кальную гамму, десятичный счет, грамматику языка, двинув вперед алгебру, медицину, астрономию и т. д. и т. д.

Естественно, что теология брахманов не осталась на платформе старого мирозерцания и вылилась в форму сложного философски-мистического миропонимания. Брахманы исповедовали религию высокого стиля, доходя в своих представлениях до единого бога, бессмертия души и т. д. При этом они поступили мудро, сохранив для народной массы ведийских богов и развив технику ведийских жертвоприношений. Поэтому брахманизм остался в основе тем же ведизмом, но с усложненным ритуалом, с сильно подчеркнутым учением о святости вед, со значительно потускневшими старыми богами, экзальтированной проповедью о важности и привилегиях брахмана, в частности гуру, и со сложной мертвящей системой касты.

Вероятнее всего, народная масса следовала на этом религиозном переломе старой дорогой, по-своему трансформируя проповедуемых брахманами богов, мешая их с местными суевериями и перерабатывая обряды под диктовку экономики, условий быта и велений физической природы. Чем-то сравнительно новым для народа была строго определенная и неумолимо предписанная каста. Но чем бы ни руководились брахманы, столь обстоятельно и императивно изложившие законы о касте (см. «Законы Ману»), последняя в обстановке Индии должна была найти хорошую для себя почву.

Триада

Заслуживает упоминания попытка брахманов конкретизировать ведийский пантеон богов, слишком сложный и бессистемный, в более отчетливую сумму (три), придав ей определенный духовный облик; мы разумеем знаменитую индийскую триаду, состоящую из Брахмы, Шивы и Вишну. Характерно, что она рано стала известна Европе и часто излагалась как основной догмат народной религии Индии — типичное увлечение книжным отражением религии, но не с низовым массовым пониманием. Брахма — первое лицо триады, или Создатель (Вседержитель) мира — являлся по мысли брахманов основным божеством²¹, но для народного

постижения он оказался слишком отвлеченным, и ныне он почти вытеснен из области всенародного культа. Вишну — Хранитель — представлял более полезное и практическое божество. Привлекательный уже своим красивым, жизнерадостным обликом, Вишну особенно отвечал народным чаяниям и фантазиям своими десятью воплощениями, особенно седьмым и восьмым — Рама и Кришна, когда светлый бог «в минуту народных бедствий или испытаний» спускался на землю, принимая вид человека или животного. Шива — третье божество триады — воплощал в себе одновременно Разрушителя и Воссоздателя — глубокую идею брахманов о смерти как о перемене сосояния и в то же время о вступлении в новую жизнь. Поэтому Шива получил широкую базу для своего почитания: с одной стороны, он вызвал к себе специальное внимание философских и мистических сект брахманов, а с другой — разрушительные, губящие свойства связали его с Рудрой («бог бушующих ураганов» вед) и с кровавыми божествами неарийских племен. Такая широкая концепция природы и бога хорошо отвечала сложной обстановке Индии и обещала Шиве в будущем широкое почитание.

Четыре периода жизни брахмана

Брахманы, создавая государственные, общественные, религиозные и другие формы народной жизни, облакая ее непреложными нормами и правилами, обязательными для царя на вершине и для поселянина в низах, для самих себя придумали определенные, достаточно строгие и крайне своеобразные правила.

Вся жизнь брахмана разбита на четыре ясно определенные стадии, а каждый его день отмечен сложной рутинной церемоний и обязанностей. Существование брахмана в религиозном понимании начинается не с момента рождения, а с момента «посвящения» — получения священного шнура по миновании детского возраста. Юность брахман должен провести, изучая наизусть веды у какого-либо из мудрых брахманов, поддерживая в его доме священный огонь и обслуживая своего наставника, собирая, между прочим, для него милостыню. Закончив эту науку (в этот период

брахман называется «брахмачарин»), он вступает во вторую стадию жизни, в роль и обязанности домохозяина (грихастха); он должен жениться, взрастить семейство (особенно произвести на свет сына), приобрести практическое знание жизни и выполнить свои обязанности гражданина. Закон строго и внимательно следит за поведением домохозяина и за каждым часом его жизни; указано, когда и что нужно есть, что пить, когда молиться, как хоронить мертвых, как встречать гостей, как готовить пищу, как относиться к женщинам — старшим, младшим, и многое другое.

В третью стадию своей жизни брахман должен уходить в лес (отсюда ванапрастха — лесной отшельник) с женою или без нее; здесь он питается кореньями или плодами, «обуздывая свои страсти» и выполняя религиозные предписания с повышенной энергией. Брахману в этой стадии рекомендуется истязать себя: «Он [может валяться по] земле или стоять целый день на цыпочках, или же он должен по очереди вставать и садиться. В жаркое время он должен подвергать себя “жару пяти огней”, в дождливый период он должен жить под открытым небом, а зимой носить мокрую одежду».

Четвертая стадия жизни брахмана — период аскетизма (саняси — аскет) или религиозного нищенства; сбросив с себя все оковы жизни, чуждый радости, горя, зависти, телесных нужд, равнодушный ко всем предметам, аскет должен стремиться к одной цели — достижению Высочайшего Брахмы, то есть «слияния с божеством или вечного счастья и на этом свете, и по смерти». Брахман в стадии аскета ест лишь то, что получает милостыней, и притом не более одного раза в сутки²².

Описанный идеальный образ жизни («четвертной священный закон брахмана») нельзя рассматривать как только религиозное утончение форм жизни или как «проповедь подвигов, интересную только теоретически». Те многие тысячи — даже миллионы — факиров, нищих, фокусников, святых, самоистязателей, народных бродяг и т. д., которыми кишит Индия и которые занимают столь видную позицию на ее народном ландшафте, являются производной от упомянутого закона, дополненного различными влияниями социально-экономической среды.

Современный индуизм

Современный индуизм в противоположность ведизму и брахманизму лишен внешнего единства и представляет собою совокупность новобрахманских религий или, скорее, новобрахманских сект; как нечто общее он может быть объединен лишь условно по нескольким правилам или принципам, которые ему присущи на всем пространстве Индии; этими принципами будут: святость вед как первоисточника понятий и правил, признание гуру (наставника), паломничество к святым местам, санскрит как священный язык и, наконец, святость коровы. Эти пять правил, или догматов, пользуются общим признанием, хотя в переломе многомиллионного сознания они получают порою резкие варианты и уклоны.

Это пестрое сектантство, это различие форм богочитания, эти скачки от святости коровы к святости вед намекают на то, что перед нами не создание узкой объединенной группы людей (жрецов, брахманов) и не книжный продукт руководящего класса, а общенародное творение, в русле которого вложен труд разных рас в разные времена. Отсюда вытекает, что «Махабхарата», некоторые пураны могут быть признаны наряду с ведами богословским основанием индуизма²³. Это показывает, что индуизм не имеет типичного и однородного религиозного источника, его книжный материал не выдержан ни своим содержанием, ни колоритом и в некоторых случаях спускается к примитивному народному творчеству.

Конечно, и в области индуизма преобладающая роль остается за брахманами. Но они, что может быть самое важное, не повели в этом случае народ за собой, а скорее плыли по течению реки народных исканий и чаяний. Почему они уступили — можно думать разное. Они могли чувствовать изношенность прежних доктрин и охотно шли навстречу новым нормам, не пугаясь их часто нескладной внешности; они могли в этих новых течениях находить источник для борьбы с буддизмом, врагом для них опасным; наконец, они боялись

потерять вековое влияние на массы, которые могли найти себе и новых вождей. Так или иначе, но мы видим, что брахманы оказались усердными богословами в новых токах религиозного переворота, его толкователями и законоположниками; поэтому в основе литература, поспевавшая вслед за бурлящей религиозной революцией, была чаще всего творением брахманских рук. Брахманы, отвечая упадку или, скажем, вульгаризации религиозных устремлений, сами спустились с прежних высот философско-моральной платформы и стали даже служителями²⁴ новых культов: они начали служить в храмах, больших и малых, и приняли всестороннее участие в паломничествах в качестве жрецов, агентов, проводников и т. д.

Но народный колорит все же ярко чувствуется в современном индуизме и наглядно отличает его от брахманизма. Повторим для отчетливости. Это сказывается в том, что священство и неизбежность санскрита часто оказывались нарушенными; «Махабхарата» и некоторые из пуран, например, довольно свободно переводились на местные наречия, не теряя при этом своего религиозного ореола. Наиболее видные творцы этой своеобразной полусветской, полурелигиозной литературы часто выходили из глубоких низов народной жизни. Так, автор «Курала» был парией; Вальмики, автора «Рамаяны», легенды считали кули; даже великое имя Вьясы, мифического автора «Махабхараты» и пуран, было опорочено рассказами о его брахманской второсортности²⁵. Третьим признаком народного колорита является то обстоятельство, что обрядовая сторона культа в значительной степени сбросила с себя старое иго брахманов; например, жреческие должности, особенно на юге, оказались по преимуществу в распоряжении выходцев из народа, даже среди гуру, духовных наставников, попадают выходцы из скромных каст; в этой роли выступали и женщины.

Важной особенностью индуизма является его деление на две ясно обособленные секты — на поклонников Шивы и поклонников Вишну. Старый сложный сонм ведийских богов, как будто равноправных, но всегда первенствовавших

в моменты жертвоприношений, заменился двумя их представителями, сохранившими народное почитание в течение трех-четырёх тысячелетий.

Шива

Шива, несомненно, представляет наиболее яркий и своеобразный образ, он — типично народный бог, бог бедных по преимуществу. Его биографию можно проследить без особого труда, начиная с далеких дней первой веды. Прообразом его в «Ригведе» является Рудра, бог бурь и гроз, сильнейший из сильных, с молнией в руках сидящий на высоком престоле; он очень сурово карает злых и преступников, но рад прийти на помощь обиженным, ищущим его защиты; как гроза, он очищает воздух, давая лучшую пищу людям и животным; он лучший из врачей (Ригведа II, 33, 2, 4, 7). В «Атхарваведе» роль Рудры возрастает; его призывают как владыку жизни и смерти, но предпочтительно восхваляют его грозные и убийственные стороны, а не его благодетельный характер, значительно оттеняемый в «Ригведе». Здесь Рудру часто отождествляют с Агни (чего нет в «Ригведе»), с огнем как символом разрушения. Теперь Рудра обрамлен другими богами, которые позже будут элементами, или «формами», Шивы. В «Яджурведе» отождествление Рудры с Агни стало обычным; он получает имена Ишаны или Ишвари (господа), Махадевы (великого бога); вокруг него появляются легенды, повествующие о его рождении, победах над асурами, уничтожении Трипуры (тройного города). Все эти легенды, родство с Агни (откуда трезубец, символ молнии, третий глаз посреди лба с исходящим пламенем как следы родства с солнцем — постоянные атрибуты современного Шивы) и многие эпитеты (элементы) Шива унаследовал и донес до наших дней.

Но, как ни ярок и красочен Рудра в последующих ведах, он все же не успевает достичь верховной власти — он даже не поднимается выше среднего уровня богов. Когда же Рудра совершит свой последний шаг, переименит имя и сделается наконец верховным божеством? Об этом говорит один из гимнов (гимн ста Рудрам, шатарудрия), встречающийся

во всех исправленных изданиях «Яджурведы». В этом гимне Рудра является со всеми чертами чисто народного божества, участвующего во всех сторонах сложной и многострадальной жизни Индии. У него и его спутников вымаливают покровительство домам, полям, стадам и дорогам. На этой ступени своей эволюции Рудра — покровитель ремесленников, тележников, столяров, кузнецов, горшечников, охотников, лодочников; сам он — хитрый купец. Вместе с этим он предводитель войск, бог храбрых, преимущественно пехотинцев, и тех, которые сражаются на колесницах, кто добывает себе пропитание копьем, луком и мечом. Но Рудра больше чем солдат — он бандит; поэтому он — патрон воров, грабителей, разбойников, всех ходящих по ночам шайками и живущих хищением. Он также бог нищих и факиров, тех, кто носят длинные и заплетенные волосы, и тех, кто бреют головы. Он вездесущ и сам по себе, и через посредство бесчисленных духов, ему подвластных, — он в домах и полях, в реках и источниках, в ветре и тучах, в растущей траве, в зеленеющем дереве, в падающем листе; главным же образом он пребывает в лесах и уединенных местах и царит на горах.

Этот живой, грубо реальный образ, от которого веет духом народного понимания и на котором лежит неумирающая печать анимизма, есть уже настоящий Шива, бог добрый, но более страшный, бог капризно разнообразный, пригодный для всех углов многогранной Индии, тот упрощенный бог, которому будут молиться люди попросту, не прибегая к помощи брахманов, которого враждебные сектанты презрительно обзовут «богом шудр и негодяев».

Он и теперь еще не верховное существо, но он уже близок к этой стадии; вот почему этот образ, как еще нескладный, но многообещающий материал, и был избран брахманами для окончательной обработки; им осталось вложить в это детище живой народной фантазии нужную долю богословия и метафизики, украсить слишком серые и разнородные легенды, и прежний Рудра предстал современным Шивой, настоящим Махадевой, то есть великим богом.

Когда совершился этот факт, сказать трудно, по-видимому, за много лет до нашей эры. В «Махабхарате», имеющей в теперешней редакции вишнуитский колорит, самым

распространенным культом, несомненно, является культ Шивы. Мегасфен^{*} (306–298 до н. э.) отождествляет его с Дионисом и говорит о нем как о боге, которому поклоняются в горах. В конце первого столетия нашей эры, как это упоминается в «Перипле», культ Дурги — страшной жены Шивы — достиг крайней оконечности Индии и дал наименование мысу Коморину. Китайские паломники свидетельствуют, что пять столетий спустя Шива пользовался почетом в Северной Индии. Но по-видимому, лишь в пуранах, вероятно позднее X века, мы находим наконец полное развитие облика Шивы. Установление культа Шивы в Бенгалии или, точнее, формулировка этого богопочитания приписывается Паламате Каланала (из Варанаси)²⁶.

Ученые склонны в природе Шивы видеть два созидательных влияния — арийское и дравидское, то есть, говоря иначе, считать Шиву продуктом общенародного творчества. В этом смысле сложное и неоднородное отображение бога они толковали состоящим из двух слагаемых: арийского (или брахманского), по которому Шива в образе красивого мужчины изображается сидящим в глубокой задумчивости с символом оплодотворяющего Ганга над головой и быком (эмблема как плодородия, так и арийской пахоты) около руки, и дравидского, в котором Шива представлен с ожерельем из человеческих черепов, с воротником из извивающихся змей, покрытый тигровой шкурой и вооруженный дубиной с наконечником из человеческой головы. Пять лиц Шивы и четыре руки, по-видимому, имеют источником своего происхождения также два начала — арийское и неарийское. Совершенно аналогично супруга Шивы, в ее чисто арийской форме, фигурирует как Ума («свет»), грациозная дочь Химавата, полная высокороденной прелести; в ее же составной форме Дурга («недоступная»), золотоцветная, красивая, но грозная, едущая верхом на тигре; наконец, она же, в ее страшном неарийском аспекте, выступает как Кали («черная»), черная

^{*} Мегасфен — древнегреческий путешественник, в начале III века до н. э. по поручению Селевка, основателя государства Селевкидов на Ближнем Востоке, посетил с дипломатическим заданием двор объединителя Индии Чандрагупты.

фурия с отвратительным лицом, забрызганная кровью, увенчанная змеями и увешанная черепами.

Двойное происхождение Шивы можно усмотреть и в списке его бесчисленных наименований: как арийское божество он — Пашупати, то есть господин животных (стад) и покровитель коров; Самбху — благоприятный; Мритиунджайна — победитель смерти; Вишванатха — властитель всего; в своих неарийских атрибутах он — Агора — страшный; Вирупакша — уродливые глаза; Угра — гордый; Капаламалин — увешанный черепами. Точно так же Деви, его женская форма, в качестве арийской богини будет Ума — грациозная; Арья — чтимая; Гаури — блестящая или золотоцветная; Джагатгаури — красавица мира; Бхавани — источник жизни и Джагатмата — мать вселенной. Ее неарийские атрибуты выявляются в таких именах, как Кали или Шьяма — черная; Чанди — гордая; Бхайрави — страшная; Рактаданти — краснозубая и т. д.

В результате длительного и многогранного народного творчества получилась широчайшая концепция бога вне границ и конкретизации, отвечающая всем ступеням и всяческому разнообразию религиозных устремлений. Шива — вечен, он Махакала, то есть безграничное время, которое все порождает и все пожирает. Как производитель он имеет символами быка и фаллос, а также луну, которая служит иногда ему диадемой; как разрушитель он облачается в разные, но всегда ужасные формы; он вооружен трезубцем и, как упомянули, носит ожерелье из черепов. Но от этой, еще относительно возвышенной, концепции Шива спускается вниз, он глава бхутов — злых духов, ведьм и вампиров, которые носятся на местах казни, сжигания трупов, и с этим сонмом он бродит по ночам. В его природе, кроме того, есть элемент оргиастический; он — Бхайрава, бог бешеного безумия; облеченный в кровавую кожу слона, он — Тандава — предводителем дикой пляской. Но еще чаще он бог аскетизма и самоумерщвления; он глава йогов, подобно им, он ходит нагой, измазанный пеплом, с длинными волосами, сплетенными и поднятыми на темени. Легенды полны рассказов о его ужасных самоумерщвлениях, о том, например, как одним взглядом своего циклопского глаза он превратил

в пепел Каму («любовь»), которая дерзнула взволновать его душу.

Но эти разнообразные изображения иногда упрощаются до самой первобытной символизации; среди таковой надо подчеркнуть наиболее встречающийся по всей Индии символ Шивы — линга (фаллос), который является настоящим идолом бога. Начало культа теряется в тумане большой древности; он встречается в значительном распространении в Передней Азии, даже в Греции, его предполагали у дравидских племен²⁷. Вполне возможно, что народное сознание Индии могло самостоятельно напасть на религиозную символизацию фаллоса. На пространствах Индии и этот символ находит свою пару в виде йони (женского органа), олицетворяющего собою Деви. По наружному виду, как можно наблюдать ныне, линга и йони потеряли свой конкретный облик, вылившись в чистые символы. Линга представляет собой простой каменный столб или конус, выделанный из глины, а йони — треугольную призму с углублением наверху или горизонтальный плоский камень с проходящим через него лингой; оба символа бесконечно разнообразны по своему материалу, украшениям, ценности, убранству, почему доступны всяким состояниям и усердию²⁸. Эта простота и дешевизна богосоздания, может быть, скорее всего, снискали популярность упомянутым символам, которым простой народ, несомненно, молится как идолам, забывая непристойность их первоначального смысла; народ называет их просто Шива или Махадева.

Ко времени мусульманского вторжения в Индию в ней было двенадцать особо чтимых мест, где процветал культ линги. Здесь были линги колоссальных размеров — они назывались Шива-линга. Некоторые из этих мест сохранили свое значение до наших дней — особенно храм Вайдьянатха (Бенгалия) и храм Маликарджуны (Декан). В праздник Шиваратри («ночь Шивы»), отмечаемый в конце февраля или в начале марта, в эти храмы стекаются десятки тысяч богомольцев.

В настоящее время из всех богов Индии Шива имеет наибольшее число святилищ. Эти святилища необычайно разнообразны: начиная от храмов и часовен, кончая простыми

нишами и насыпями; в последних двух линга будет единственным идолом. Вообще нужно подчеркнуть, что святилища Шивы отличаются сравнительной простотой и бедностью.

Что касается культа Шивы, то он также повторяет двойной источник происхождения бога. Более высокие представители шиваизма чтут бога в молчаливом созерцании, не прибегая к помощи какого-либо внешнего ритуала. Более скромные брахманы увешивают лингу венками из цветов или складывают у его подножия цветы и рис, поливая его маслом. Простой и бедный люд несет свою лепту в форме полевых цветов или увлажняет своего бога вместо масла простой водой... В старые времена культ Шивы омрачался человеческими жертвами, но кровь их, по-видимому, проливалась не перед изображением самого бога, а на жертвенниках его мрачных жен, пред ужасающими идолами Дурги, Кали, Чандики и Чамунды.

Секты шиваизма

В Индии насчитывается до тринадцати главных сект шиваизма — разного объема и разной степени культуры. Более культурные из них ведут свое идейное начало от Шанкары²⁹. Шанкара оставил после себя ряд учеников; некоторые из них, в свою очередь, поднялись до ранга основателей религиозных школ. Наверху сложной лестницы шиваитов стоит самая древняя секта — тридандины (санскр. «носители трех палок»)³⁰ и большинство смартов (от смрити — «правоверное предание»). Первые ведут аскетическую жизнь и имеют центром Варанаси. Вторые, довольно многочисленные, особенно в Декане, живут частью в миру, частью в монастырях. Обе секты принимают в свою среду только брахманов. Данди (аскеты) делят свое время между нищенством и религиозной практикой; некоторые из них чтут Шиву (но без ритуала) как члена триады, а другие практикуют, по-видимому, неарийский обряд посвящения, пуская кровь из внутренней части колена посвящаемого; данди хоронят своих мертвых или отдают труп какой-нибудь священной реке.

Лингаяты являются более народной сектой; члены ее носят небольшую лингу на шнуре на шее; некоторые носят

ее в золотом или серебряном ящике, другие подвязывают под платьем; во время частой молитвы они держат лингу на ладони левой руки. Своим основателем они считают брахмана Бхасаву (родом из Западного Декана), жившего в XII веке. Лингаиты делятся на несколько кланов, члены которых не заключают браков между собой. Секта особенно распространена в Майсуре. Секты арадхья («почтенные») и ситтары («совершенные») являются наиболее возвышенными, но они находятся в упадке.

Йоги, которых мы уже касались, заключают в себе всякого рода подвижников, от наложившего на себя обет молчания мистика, который длительной работой над дыханием теряет сознание, оставаясь «в неземном союзе с Шивой», и гипнотизера, левитирующего перед многочисленной толпой, до нищего факира, собирающего гроши с помощью дрессированной козы или прирученной кобры.

Низшие секты шиваизма более пропитаны неарийскими традициями, чем арийскими, например, их члены употребляют мясо, склонны к непристойным ритуалам и т. д. Из них нужно выделить секту шактра, или шакта, поклонников Шакти³¹, и их ритуал. Секта делится на два культа: открытый, признанный культ дакшина-чара («идущий направо») и более или менее тайный — вама-чара («идущий налево»). Первый, за исключением животной жертвы в честь Дурги, Кали и других страшных форм Махадеви, соблюдает большей частью обыкновенные обряды индуизма и молится богиням Дурге, Бхавани, Парвати, Лакшми и т. п.; второй, поклоняющийся главным образом тантрическим воплощениям Махадеви (Девы, Кали, Шьяма) или просто голой женщине, прибегает к чарам, проклятиям и обыкновенному колдовству с целью приобрести сверхъестественные силы (сиддхи). Многие из этих церемоний восходят к ведам, даже к «Ригведе» (X, 136). На почве шиваизма и культа Шакти весь этот древний оккультизм привился очень прочно. Жестокая сторона секты Шакти — человеческие и животные жертвы — теперь или исчезла, или сохранилась в тайниках народных переживаний в пору голода, засухи, чумы, циклона и т. д.; что касается чувственной и неприличной стороны культа Шакти, подробно излагаемой в тантрах, то она продолжает держаться.

Действительный культ состоит в признании панча-таттва, то есть пяти элементов или предметов, на санскрите начинающихся с буквы «т»; это — вино, мясо, рыба, высушенное зерно и половое сношение. Необходимой принадлежностью ее являются излишество в употреблении спиртных напитков и животной пищи, настоящие оргии-пиршества, сопровождающие поклонение Шакти в виде обнаженной женщины и заканчивающиеся свальным грехом всех посвященных. В этих обрядах не все — одна голая чувственность. По правилам посвященный должен принимать участие в таинствах с благочестивыми чувствами и мыслями, направленными к одной молитве; прибегать к ним для удовлетворения чувственности значило бы профанировать их. Но действительность оказывается более грязной и эгоистичной. На самом деле шакты, «идушие налево», почти всегда являются лицемерными и суеверными развратниками; уважающий себя индус избегает открытых сношений с вама-чарами. Сколько их — судить трудно, но народная молва считает число этих религиозных распутников значительным. «Идушие налево» образуют небольшие, довольно замкнутые общины, допускающие в свои ряды людей всяких классов, но членами оказываются, по крайней мере в Бенгалии, преимущественно брахманы и богатые люди. «Идуших направо» можно встретить по всей Индии в большом числе. В главном празднике этого культа (Дурга-пуджа, или Шакти-пуджа) обычно принимает участие значительная часть населения и богомольцев, причем картины массового разврата достигают крайних пределов цинизма и распущенности.

В последние годы секта не обнаружила каких-либо тенденций модернизироваться, но национально-религиозный подъем сказался в желании обелить и оправдать те непристойности, к которым общественное мнение Индии, включая даже низы, всегда относилось с предубеждением. Это оправдание толкует излишества как ступени к подъему настроения и даже к «духовной дисциплине».

В какой стадии своей распространенности или жизненности находится сейчас шиваизм? Вопрос очень интересный для определения эволюции религиозного настроения народа Индии. Статистически установить число представи-

телей шиваизма или вишнуизма не представляется никакой возможности. В Северной Индии, кроме Кашмира, Непала, где «индусский» элемент населения исключительно шиваитский, и Варанаси, города Шивы по преимуществу, Шива потерял почву и уступил ее Вишну. Здесь, правда, каждый не забудет поклониться и Шиве, как поклоняются всякому другому богу, но истинные и полные его почитатели находятся лишь в рядах профессиональных духовных. Зато на Декане шиваиты занимают явно преимущественную позицию, особенно на юге, где они местами составляют сплошное население. Можно высказать догадку: Шива — грозный разрушитель и бурный восстановитель жизни — есть настоящий и реальный бог народа Индии, живущего в пышной раме богато творящей и богато представленной природы, но отравленной злыми придатками — это засухи, циклоны, дикие звери, кобры и т. д., с одной стороны, и длинная череда иноземных завоевателей, захватывавших Индию и ее терзавших, — с другой³². И пока природа Индии не устранил своих злых начал, а народ ее не сбросит со своих плеч бремя внешней власти, будет неизменно царствовать над народом и страной трехглазый и пятиликий Шива, имеющий 1008 имен, бог с синим горлом от выпитого яда, с ожерельем из черепов на шее (мунда-мала), со змеями в качестве воротника (нагакундала) и с трезубцем (пинака) в руке... И своего престола он не уступит веселому, доброму и красивому Вишну.

Вишну

Вишну — второе божество, успешно борющееся за первенство в пантеоне богов современной Индии. Первоначально в «Ригведе» Вишну — бог солнца, олицетворение солнца как животворной силы природы, является первостепенным богом. Здесь Вишну рисуется богом светлым и добрым. Но, обращаясь к солнцу с молитвой, часто призывают его и под другими именами, как-то: Савитар, Рохита («красный» в «Атхарваведе»), позже под именем Суры и Адитьи. В эпоху гимнов и в ближайшую к ней эпоху брахманов особенно воспевается один подвиг Вишну: в три шага он проходит

все воздушное пространство, что, очевидно, представляет собою лишь мифическую переработку солнца, совершающего свой дневной путь, — шаги Вишну воспроизводят собою восход, зенит и заход солнца. В брахманах, где так много всяческих легенд, миф о хождении Вишну по воздуху передается с большими подробностями, но здесь мы не найдем стремления изменить старый облик бога или поднять его над другими в иерархической лестнице богов.

Ученые предполагают, что с продвижением ариев по Северной Индии они наталкивались на племена, у которых имелись свои местные боги солнца, с которыми Вишну постепенно сливался в народном сознании. Имена этих божеств стали потом прозвищами Вишну (Хари, Джанардхана, Васудева или Пурушоттама). В древнейших буддийских памятниках имя Вишну еще не встречается, но вместо него находим имя Нараяны. Таким образом, последующий Вишну является результатом слияния в одном образе ведийского Вишну, разных местных божеств и брахманского Нараяны Будды. Очень возможно, что этот процесс произошел без участия брахманов, которые поспешили использовать народную концепцию, чтобы противопоставить ее молодому и быстро растущему буддизму. Эта сборная фигура бога являлась крупным шагом к грядущему верховенству Вишну. Таковое мы находим уже ярко отраженным в «Махабхарате». Но одновременно же в этом эпосе является герой, богочеловек Кришна, которого признают за воплощение божественной сущности Вишну. Перед нами наглядный образчик впитывания в себя ведийским божеством местных религиозных концепций и расширения через это своего влияния на большую народную массу, что равносильно было поднятию на большую высоту божественной роли (новые формы, наименования, атрибуты, усложнение легенды и т. д.). Таким образом, культ Вишну, считающийся более поздним по сравнению с таковым Шивы, прошел, как и этот последний, через те же фазы развития, главными моментами которых являются слияние ведийского бога с местными, народными, и богословская обработка его концепции брахманами.

Но культу Вишну принадлежит особенность, чуждая шиваизму и делающая вишнуизм особенно привлекатель-

ным для народа, так много испытавшего в своем прошлом; эта особенность — идея воплощений, или аватар (avatara — «сошествие»). Когда с образом Вишну связалась идея воплощений, наука сказать не решается. Несомненно, в обеих поэмах — «Махабхарате» и «Рамаяне» — как в целом, так и в дополнениях мы находим теорию аватар в полном развитии. Не лишено вероятности предположение, что догмат об аватарах был принят брахманами в процессе религиозных споров с буддистами как равносильное оружие против их учения о том, что Будда раньше был богом и сошел на землю в лоно Майи, чтобы вновь родиться и достигнуть еще более высоких ступеней. Сущность теории аватар красиво изложена в «Бхагавадгите»³³: «Ибо всякий раз, как происходит ослабление дхармы, о Бхарата, и процветание беззакония, тогда я себя создаю. Для спасения благочестивых, для уничтожения злодеев, ради установления закона я возрождаюсь из века в век» (IV, 7–8).

Эта интересная теория не только отмечает новый, своеобразный фазис в религиозном развитии Индии, она сообщает вишнуизму гибкость, применимость во всех возможных тонах религиозных переживаний, сообщает ему таинственность, отвечает мессианским наклонностям народа, много видевшего горя в истории, наконец, совмещает умозрительные предметы с ясно конкретными до антропоморфизма или даже зооморфизма, соединенного с самым грубым идолопоклонством. Многие из аватар имеют своим источником ведийское прошлое, некоторые отмечают интересные моменты истории³⁴, а другие закрепляют совершившееся слияние Вишну с местными богами. Число аватар указывается разное: 10, 12, 22, 24, 28 и т. д., доходя до бесчисленности. Представляет ли собою аватара мимолетное появление божества, или соединение последнего с человеком или животным, или, наконец, рождение какого-либо существа, заполненного божеством, — это тайны, которые понимаются людьми разное по степени их культуры, темперамента, даже настроения; важнее то, что теория аватар представляет большой простор для религиозных переживаний, затрагивает широкую массу и своим ореолом надежд хорошо отвечает обездоленному лику Индии.

Если Шива имеет множество святилищ, то Вишну является в настоящее время наиболее популярным божеством Индии. Вишну в той или другой стадии (форме) чтит ныне средняя часть населения, так как его верхи и низы отобрал себе преимущественно Шива. С момента возведения в высшее достоинство Вишну все более и более удалялся от своего солнечного характера, воспоминание о котором сохранилось лишь в некоторых из его атрибутов: например, диск (чакра), его военное орудие или птица Гаруда, которая служит ему конем и осталась предметом особого культа. Вишну теперь восседает на престоле в своем раю вместе со своей супругой — Шри или Лакшми — богиней красоты, наслаждения и победы. Скрываясь мало-помалу в таинственном отдалении, он присваивает себе функции Брахмы: отождествляется с Хираньягарбха и особенно с Нараяной (первенец из существ), который, носимый на сгибах Шеши или Ананты (бесконечная змея), проявился в начале всего и носился над первобытными водами. Сообразно с этим, пробуждается ли Вишну или вновь погружается в мистический сон, он дает начало творению или поглощает его в себя, и из его пупа выводится золотой лотос, из которого исходят Брахма и боги-демиурги. Итак, Вишну потерял свой первичный характер бога деятельного, теперь он часто пребывает в покое, но он по-старому добр и неизменно красив. Его образ далеко не так сложен и разнообразен, как образ Шивы.

Иногда он изображается с четырьмя руками, с палицей и диском, верхом на птице Гаруде. Но чаще он возлежит на ложе, погруженный в сон: у его ног находятся его жены — богини, лотос растет из его пупа (или над ними), наверху реют фигуры его богов-соперников. Лишь представленный в своем шестом воплощении, в виде вепря или, чаще, в человеческом образе с головой вепря, Вишну теряет в изяществе, но приобретает в силе и космической непосредственности.

И у Вишну, как у Шивы и Девы — линга и йони, есть свой символ; таковым является окаменелый аммонит шалаграма и растение тулси. И тут по форме мы имеем дело лишь с символами, а в действительности они — настоящие фетиши. Например, шалаграма не только знак Вишну, но является местопребыванием бога, который присущ ему, как Шива

линге. Шалаграма и тулси отличаются от линги только тем, что гораздо реже встречаются в общественном культе (в храмах) и скорее относятся к области частного благочестия.

Общественный культ Вишну доходит иногда до очень сложных и длительно протекающих форм, и в этом отношении он резко отличается от простого, дешевого, иногда далее строгого культа линги; культ Вишну очень часто опускается до половых излишеств. Но, как правило, он никогда не был кровавым — в том смысле, что не требовал ни человеческих, ни животных жертвоприношений.

В религиозном обиходе Вишну как основного бога хорошо дополняют его воплощения или образы в лице Кришны и Рамы. Кришна («черный»), рассматриваемый в своем натуралистическом происхождении, есть сложный образ, в котором перемешались мифы огня, молнии, грозы, неба и солнца. Как эпическая личность — в том именно виде, как он принят вишнуизмом, — Кришна является воинственным князем, героем, одинаково непобедимым как на войне, так и в любви, очень храбрым и хитрым, обладающим очень сомнительной нравственностью. Биография Кришны представляет собою очень сложную картину жизни и действий бога и говорит о необыкновенном богатстве мифов, которые содействовали его образованию. В народном культе Кришна по преимуществу является божеством эротического характера, а так как, кроме того, церемониал Кришны отличается особой роскошью, то в конечном результате этот бог пользуется особым почетом у денежного среднего класса.

Главным районом поклонения Кришны является город Маттра и его окрестности, но он также пользуется почетом в Бенгалии и Ориссе.

У Кришны очень много жен, из которых наиболее почтенной является Рукмини. В свое время интерес к индийским легендам о Кришне был возбужден в европейской науке сходством некоторых из них со свидетельством Евангелия о детстве Иисуса Христа, а это приводило к мысли о заимствовании кришнаизма от христианства, или наоборот.

Цикл Рамы гораздо менее обширен, чем таковой же Кришны. Он главным образом сохранился в «Рамаяне», эпосе более стройном, выдержанном и артистически задуман-

ном, чем «Махабхарата». Происхождение цикла Рамы менее древнее; хотя в мифической истории Индии Рама появляется раньше Кришны, его образ, особенно в качестве аватары Вишну, рисуется нам более молодым. Подобно Кришне, Рама является местным героем какого-то кшатрийского клана в Кошале, в его лице воплощены легенды и сказания современного Бихара. Здесь, в колыбели буддизма, вырос культ Рамы, почему, естественно, он многим обязан и многое воплотил из доброго учения Шакьямуни. И действительно, в культе Рамы вишнуизм имеет нежность и благотворительность буддизма и такую же снисходительность к жизни животных. Вообще культ Рамы не подвергся такой дегенерации, как культы других божеств, кроме того, он лишен всяких эротических колоритов, элемент сладострастия и распущенности остался чуждым культу Рамы.

Чтобы более сознательно рассмотреть некоторые из главных сект вишнуизма, упомянем вкратце историю его развития. Основы вишнуитских верований заложены в «Вишну-пуране»³⁵. «Вишну-пурана» признает единого бога, но лишь бога брахманов по преимуществу. Этот общий тон лишь слегка облагораживается к концу сочинения, где мудрец заявляет, что к последнему золотому веку одной преданности богу Вишну будет достаточно для спасения всех людей и всех каст. Популяризация культа Вишну является делом целого ряда реформаторов, из которых первым был Рамануджа, брахман из Южной Индии, живший между 1017 и 1037 годом; 700 монастырей, из которых четыре существуют и ныне, были его наследием. Рамануджа принимал верующих из всех классов, но лишь его преемникам суждено было более определенно возвестить братство народов.

Пятый из апостолов после Рамануджи — Рамананд, живший в XIV веке, сделал вишнуизм национальной религией Индии и особенно способствовал распространению его на севере страны. Главной квартирой Рамананда был один из монастырей в Варанаси, но он ходил с места на место, проповедуя поклонение Вишну под формой Рамы (одного или с супругой Ситой) и выбрав себе двенадцать учеников не из знатных или богатых людей, но среди низших каст³⁶. Это допущение в культ в качестве учеников представителей

гонимых каст было, пожалуй, главнейшим новшеством учения. Рамануджа еще обращал свою проповедь к чисто арийским кастам и писал на санскрите, но Рамананд взывал ко всему народу, не требовал никаких внешних обрядов и не признавал каст; он проповедовал на простонародном диалекте, почему и литература его секты изложена на наречиях, доступных массе.

Вообще нужно сказать, что языки Индии развились в письменные отчасти благодаря народным песням и военным балладам раджпутов*, но главным образом благодаря литературным требованиям новой народной религии; вишнуизм сильно отразился на современных языках Северной Индии.

Один из двенадцати учеников Рамананда — Кабир (ок. 1380—1420), крупнейший религиозный и литературный реформатор Индии, наиболее ярко разработал учение своего наставника. Его учение заслуживает особого внимания — впоследствии оно вдохновило основателей сикхизма. Главной чертой кабиризма является тенденция слить индуизм с исламом. Ткач по касте, Кабир проповедовал духовное равенство всех людей. «Али или Рама, — говорил он, — это лишь разные имена одного и того же бога»³⁷. Кабир к этому добавлял, что разница в касте, ранге или религии, перемены или удачи земной жизни не более как майя (иллюзия). Свобода духа и мир могут быть достигнуты лишь на пути признания божественного духа в этих многогранных иллюзиях. Путь к счастью лежит не через формулы или жертвы, но через горячую преданность богу (бхакти) и непрерывное размышление о боге. Большая секта (кабирпантхи) ныне следует учению Кабира. Основной ее принцип — обязанность повиновения духовному наставнику (гуру), хотя Кабир в свое время признавал свободу личного суждения. Употребление мяса, напитков, а также поклонение идолам запрещены сектантам. Кабир оставил свою печать на верованиях Северной Индии. Его изречения и по сие время на устах всякого образованного человека — будь то мусульманин или индус.

* Раджпуты — этно-сословная группа в составе варны (сословия) кшатриев.

Чайтанья (1485—1533) распространил вишнуизм под формой служения Джаганнатхе* в дельтах Ориссы и Бенгалии. Он был брахман из Надии (возле Калькутты); как реформатор и проповедник он представлял собою тип бедного и восторженного галлюцината. Жизнь его окружена легендами, учение находило живой отклик среди народной массы, особенно среди тех, кто еще недавно были буддистами. Он, по существу, развивал те же идеи, что и Кабир. Сильно восставал против жертвоприношений животных, против мясной пищи и учил, что дорога спасения лежит в бхакти. Он рекомендовал поклонение Радхе** и учил, что ее любовь к Кришне является высшей формой преданности. Допустимые жертвы — цветы, деньги и т. п.; но высшей формой богослужения является санкиртана, или процессия богомольцев, поющих и выполняющих нужные обряды, за которыми на практике иногда следуют оргии в честь Кришны.

Сочинение популярных гимнов сделалось своеобразной специальностью последователей Чайтаньи. В результате из этого религиозного движения выросла богатая литература религиозных песен на местных языках. Эти поэмы и гимны явились источником, вдохновлявшим выдающегося индийского писателя Рабиндраната Тагора в начале его литературной карьеры.

Особенность культа Чайтаньи та, что в нем духовный вождь (хуссейн) отнюдь не всегда бывает из брахманов; некоторые, например, из наиболее крупных принадлежали к касте вайдья³⁸. Чайтанья создал несколько сект, из которых одна интересна тем, что провозглашала духовную независимость женщин. Во всех его сектах преклонение перед наставниками доведено до степени культа.

Новейшие течения, связанные с обновлением культа Кришны вообще и в частности с оживлением духа Чайтаньи, носили более литературный, чем религиозный характер. Они

* Джаганнатха — божество, культ которого наиболее распространен в индийском штате Орисса. В вишнуизме Джаганнатха почитается как одна из форм Вишну-Кришны.

** Радха — одна из женских форм бога в индуизме. В пуранических текстах описывается как вечная возлюбленная Кришны.

проникнуты духом соперничества с христианством. Против утверждения ориенталистов и миссионеров, что воплощение Рамы и Кришны — миф и что «Бхагавадгита» не исходила от Кришны, неокришнаизм ведет упорную борьбу, стараясь Христа заменить Кришной и Евангелие — «Бхагавадгитой»... В результате бенгальская проза обогатилась рядом прекрасных произведений.

Смерть Чайтаньи отметила собою начало духовного падения культа Вишну. Чайтанья заложил фундамент эротического уклона в этом культе, что должно было повести к злоупотреблениям. Низшая форма учения нашла свое отражение в секте Валлабхачарьи, имеющей главные районы своего распространения в Западной Индии и в Гокуле; глава секты, или хуссейн, здесь считается божеством, и его приверженцы должны быть в его полной власти — телом, духом и существом.

Одной из разновидностей вишнуизма является сикхизм — церковь, вылившаяся в большую нацию, отмеченную героизмом и военным энтузиазмом. По представляемому интересу сикхизм будет выделен нами далее особо.

Говоря об индуизме, нельзя пройти мимо его священных животных, представляющих собою или спутников богов, или символы, или настоящих непосредственных богов.

Священные животные

Корова издревле священна. Уже со времен ирано-арийского периода считалось добрым делом заботиться о ней, ухаживать, спасать ее, рискуя своей жизнью, и очень рано стало грехом приносить коров в жертву или убивать для других целей. Прикосновение коровы считается очистительным, а ее моча, как и в ритуале парсов, имеет свойство предупреждать или смывать материальные или нравственные осквернения. Панчагавья, смесь из пяти продуктов коровы (молоко, творог, масло, моча и экскременты), имеет исключительную силу по очищению не только людей, но и жилищ, по искуплению путешествия через «черные воды» и т. п.

Немногие из индусов — исключая наиболее низкие касты — согласятся питаться мясом, и убийство коровы более ужасает их, чем убийство человека. Вековая привычка к такому настроению вызывает определенные эмоции (негодования, сочувствия, мести...) в массе, если она наблюдает убийство коровы или его тот или иной след (тушу, отрезанную голову, кровь...) и особенно если это убийство производится с умыслом или с небрежной выставкой процесса напоказ. Типичным видоизменением культа коровы является посвящение быков Шиве, и живые «изображения» Нанди — божественного быка, на котором ездит Шива, — множатся вокруг святынь бога. Эти «ходячие идолы» заполняют места почитания Шивы; в Варанаси их можно встретить в храмах, рощах, тесных улицах — холеных, жирных, избалованных; и горе человеку, который попробует их обидеть... Это может вызвать крупнейшие неприятности вплоть до насильственной смерти.

Вишну располагает также своими священными животными — ими являются обезьяны. Северная Индия полна этими богами; чаще всего их чтут как представителей Ханумана, бога-обезьяны, союзника Рамы.

Нужно полагать, что обезьянопочитание является упорным пережитком очень древней народной религии, так как «Ригведа» говорит о Вришакани (обезьяна-самец), в котором есть основание видеть предка Ханумана. Трудно осмыслить, почему обезьяна сделалась предметом обоготворения, но, во всяком случае, этих четвероруких можно найти в изобилии в районах господства вишнуизма заражающими окрестности многих храмов, заполняющими рощи, захватывающими целые деревни и т. д. Назойливость этих животных, подсканная естественными для них любопытством и вороватостью, иногда доходит до крайних — то смешных, то драматичных — проделок, и в этом отношении они гораздо менее удобны, чем животные Шивы.

Более яркий и импозантный колорит носит почитание змеи. Ужас, всегда внушаемый змеей народу и животным, таинственность, связанная с ее внешностью, глазами и всем видом, мрачность трущоб, где она обитает, все эти данные готовят широкую почву для народных эмоций, а затем

и для обоготворения. Глубокая древность культа несомненна. В сказаниях Кашмира мы встречаем упоминание, что змеи были обитателями долины еще в ту пору, когда она вся была болотом, и что еще и теперь они живут в водах (особенно ключах) долины, в отношении которой они являются покровителями.

В мифологии Индии змеи — сыновья Кадру, олицетворения мрака, врагом которых является солнечная птица Гаруда. Обычно змеи описываются, в особенности под именем Нага, в более или менее человекообразных формах и наделяются мудростью, силой и красотой. Большею частью они пребывают в глубинах океана и на дне озер или широких рек, а еще чаще в подземном мире (потале). Глава змей и их царь — то Васуки, то Шеша — тот, который, согласно другой легенде, служит опорой вселенной и образует ложе Вишну. Отвлекаясь от этого теологического обоснования культа змеи и приближаясь более к практике змеипоклонства, мы можем в нем различать три момента: 1) прямое поклонение животному как наиболее страшному и таинственному врагу человека, 2) поклонение водам, источникам и рекам как символизирующим извивающуюся форму змеи и как жилищам ее обитания и 3) представления, связанные с мифом о борьбе света с тенью. Народ чтит змею чаще всего под первой упрощенной формой. В великом множестве местных легенд Нага является местным гением, на что указывает огромное количество собственных имен лиц, урочищ и местностей, в состав которых входит слово «нага». В чисто народном богопочитании змея имеет своих заместителей или фетишей в форме змеиных дыр, камней и т. д.

Растения также играют роль в божеском пантеоне индуса. Священная смоковница (*Ficus religiosa*) признается настоящим храмом, а дупла этого колоссального дерева, согласно верованиям народа, обладают чудодейственной силой очищать грешника, который в них приютится. Большим почитанием также пользуются ямбоза, сал, тулси, особенно же обожание вызывает лотос, который трактуется как образ всего живущего, всего, что распускается в прекрасные, правильные формы. Культ лотоса буддистами из Индии занесен в далекие части Восточной и Юго-Восточной Азии.

Обряды

Обряды индуизма отличаются исключительным разнообразием, не поддающимся никакой систематизации. Они изменяются вместе с богом, районом, расой, сектой, кастой, профессией. Для сельского жителя они не то, что для городского, для богатого далеко не то, что для бедного. Они меняются в разных деревнях, даже в разных семьях. Не говоря уже про то, что обряды будут разные в зависимости от моментов жизни: одни при рождении, другие при браке, третьи при смерти и т. д.

Приходится устанавливать прежде всего отличие публичного культа от частного. В древнем ритуале культ публичный едва признавался, фигурируя как исключение, но в религиях новобрахманского направления становится обычным явлением собираться вместе для общей молитвы и назидания. Чаще всего такие собрания совершаются около священных рощ, ручьев, местных идолов и т. п., имеющих историческую святость, часто сохранявшуюся от глубокой старины, хотя и менявшую свое имя. В этом отношении характерно, что идолы нередко бывают уцелевшими остатками от другого времени и от иной, совершенно другого колорита, религии, но простой народ, окрестив их новым именем и снабдив новыми атрибутами, несет им почести и молитву, беззаботный к созданным этим путем историческим и религиозным несообразностям. На этой дороге преобразований многие памятники буддизма стали индусскими идолами, а колонны Ашоки, возвещавшие некогда высокое учение о благодетелии, превратились в линги, символ плодородия³⁹. К этим типам общественного культа нужно присоединить большую часть грамадеват — богов или идолов — покровителей деревни, происшедших от чисто местных преданий; вокруг этих грамадеват совершаются моления, которые не придерживаются какого-либо постоянного устава. Отличительная черта этого культа — довольно частая кровавость, хотя вместо человеческой крови давно проливается кровь животных, а в более близкое к нам время и эти последние все чаще заменяются какими-либо безобидными символами.

Местные общественные культы не только необыкновенно пестры своим содержанием и обрядами, но они часто

переходят в религиозную универсальность, предоставляя общее место богопочитания для нескольких религий главных религий Индии, где индуисты, мусульмане, буддисты, сикхи, даже христиане сходятся вместе и молятся каждый своему богу, причем каждый молится по-своему. На этих общих молениях брахманы фигурируют как исключение, да и вообще вблизи мало бывает профессионального люда — священников, монашествующих, членов священных каст, нищих и т. д.

Те обряды, которые совершаются в храмах, гораздо более пышны, сложны, а для верующих разорительны. Здесь уже, как правило, служат брахманы, которые живут частью приношениями верующих, частью доходами с земель, составляющих собственность храмов, а частью побочными доходами, вытекающими из сложной организации паломничества (оповещение, содержание домов, лавок, проводников и т. д.).

Культь, здесь совершающийся, не берется апеллировать к разуму посетителей, но, по свидетельству наблюдателей, он часто производит сильнейшее впечатление на их чувство, воображение и нервы⁴⁰. Существенную часть культа составляет служение идолу и храму как его жилищу. Всякий день надо подметать святилище, поддерживать огонь лампад, дающий в сумме подчас своеобразное — то жуткое, то таинственное — впечатление, звонить в колокол в определенные минуты ритуала. Особенно же много внимания вызывает к себе сам идол: его надо будить, одевать, мыть, давать ему пищу, укладывать, блюсти его сон, ублажать цветами, танцами и т. д. Этот уход за идолом и его жилищем в скромных святилищах выполняют служители храма, а в великих для этого существует многочисленный персонал слуг, подразделяющийся на разряды различных по достоинству ступеней, причем некоторые должности передаются по наследству.

Обыденный ритуал разнообразится праздничным. В известные дни бог, поставленный на колесницу, меняет свое местопребывание, и сотни, тысячи верующих, споря и ругаясь за места, впрягаются в этот тяжелый нескладный экипаж. Колесницу возят несколько раз (чаще семь) вокруг озера или пагоды...

Певицы и танцовщицы, девадаси, то есть служанки бога, составляют необходимую принадлежность как крупных святилищ, так и этих особых празднеств. Этот своеобразный институт, аналогичный иеродулам древней Передней Азии или (отчасти) гетерам Греции, сохранился в Индии до наших дней и особенно ярко представлен на ее Юге. Девадаси частью посвящаются богу с детства, частью набираются, и нередко насильно, во время празднеств. Их основную задачу можно было бы назвать служением богу, если бы этот сухой термин исчерпывал их гораздо более сложную роль. Свои религиозные обязанности они сопрягают с проституцией, внешне носящей религиозный характер, но отмеченной печатью очень тонкой, сложной и практически хорошо рассчитанной профессии. Если учесть, что индусское воззрение не только на эротику вообще, но и на ее формы и публичность резко расходится с нашим, то долю красивых и изящных служанок бога надо признать в высокой мере привилегированной, особенно по сравнению с судьбой обыкновенной индуски. К тому же девадаси обычно грамотны, знают несколько языков (иногда и санскрит), опытны в танцах и музыке, остроумны и живы, всегда красивы. Но когда они становятся старыми или безобразными, когда им выжигают на бедре или на груди раскаленным железом символический знак Шивы — их неблагодарного супруга — и, выдав патент о долгом служении, выбрасывают за дверь, поручая общественной благотворительности, тогда, живя милостыней, блуждая по деревням и празднествам, одинокая и всеми забытая былая девадаси несравненно более несчастна, чем обыкновенная старуха, доживающая дни в кругу огромной семьи.

У индусов как народа южного и темпераментного праздника играют в жизни крупную роль: обычно эти празднества пропитаны религиозным колоритом. Всякая местность, чем-либо знаменитая теперь или славная теми или иными воспоминаниями, с нею связанными, непременно имеет свой праздник, свою мелу. На этой меле всегда найдется свое святилище, которое окажется центром внимания и потребует ряда духовных церемоний; сектантский оттенок последних не помешает, однако, окрестному населению прибыть на мелу независимо от принадлежности к той

или иной секте. Среди таких празднеств имеются крупные, которые уже теряют местный характер и собирают народ с больших территорий. В зависимости от местности или провинции, а главное, традиций празднества они имеют свои особенности, в иных случаях некоторые из праздников исчезают, но те из них, которые носят печать издревле установленного обычая, оказываются очень прочными и соблюдаются почти всеми.

Праздники последней категории мы находим подробно описанными в некоторых пуранах; их хронология установлена особым, объединяющим учетом времени. На них стекается слишком пестрая в религиозном отношении народная масса, усиливающая светскость происходящего; молитва здесь является иногда только придатком к веселью. Например, весь народ участвует в увеселении холи (в марте, праздник Кришны), при этом дни, предшествующие и завершающие празднество, посвящаются посту и воздержаниям в честь душ усопших. Больше религиозного чувства мы найдем в празднике Дурга-пуджа (в сентябре), когда вся Бенгалия проводит десять дней в непрерывных процессиях, мимических представлениях и т. д. В Междуречье (пространство между Джамной и Гангом) торжества заменяются празднествами в честь Рамы и Ситы, также общенародного характера, причем народ увеселяется пантомимой, изображающей перипетии знаменитой брачной пары.

Рядом с великими праздниками надо поставить паломничества, которые с далеких дней истории Индии занимают большое место в религиозной жизни народа и составляют характерную особенность быта страны. Местами, вызывающими благочестивые путешествия, являются отдельные районы, озера, скалы, но преимущественно и главным образом реки. В ведийской литературе мы найдем лишь намек на путешествия к рекам, но уже в «Махабхарате» они упоминаются с полной отчетливостью; великая поэма перечисляет и описывает немало священных мест в Северной Индии, в Декане и даже на крайнем севере у священных озер Кайласа, по ту сторону гималайских снегов. В пуранах мы найдем как общий очерк этой своеобразной священной географии Индии, так и полные топографические

описания этих местностей, перемешанные с легендарными дополнениями. Пураны — настоящие «путеводители» для паломников.

Число центров богомолий значительно. Индия покрыта сетью привилегированных святилищ. Главное место в этой священной географии принадлежит Гангу, который является предметом почитания со времен глубокой древности⁴¹, а со времен Будды представляет собою предмет одного из главных культов Индии. Начиная с Ганготри в Гималаях, где когда-то священная река сошла с неба, до острова Сагар у моря река покрыта святыми местами; из этих мест первое принадлежит Варанаси — «лотосу мира», городу с двумя тысячами святилищ и с пятьюстами тысячами идолов. Едва ли есть в мире другой город, в котором богопочитание началось столь давно и удержалось непрерывно до последних дней. Число паломников в любой момент года редко бывает менее тридцати тысяч. Они стекаются сюда со всех углов Индии, а буддисты идут сюда из Непала, Тибета и Бирмы. Умереть и быть сожженным на берегах Ганга, особенно в Варанаси, — это пламенная мечта каждого индуса, почему сюда приносятся старики, тяжело больные, умирающие, и приносятся нередко из далеких углов. Восхваляется даже подвиг ускорения часа смерти, дабы найти себе могилу в очистительных водах реки богов.

Такой же святостью отмечены реки Нарбада, Голавари (с притоками), Кавери, Кришна, а особенно приток ее Тунгахадра. Как антипод этих священных и целительных рек имеется приток Ганга — река Карманаса (Карамнаса), «губительница дел благочестия»; эта река считается проклятой, и одной капли ее вод достаточно, чтобы смыть заслуги многих лет.

Ислам

Мусульманство нашло себе доступ в пределы Индии очень рано — например, на Малабарский берег или в Синд в начале VIII века, но первое массовое наступление ислама, а вместе с этим и столкновение его с индуизмом име-

ло место на закате X века Набеги Махмуда Газневи^{*}, хотя они в конце концов ограничились захватом лишь Пенджаба, имели целью не столько, может быть, захват территории, сколько сокрушение предметов богослужения (идолов, скульптуры, храмов) и ограбление святилищ и городов. А в конце XII столетия Мухаммеду Гури^{**} удалось свергнуть индусские династии Дели и Канауджа, чем он и открыл дорогу мусульманскому владычеству. Для истории религии наиболее важным результатом этого завоевания было то обстоятельство, что временное сокрушение раджпутских государств вызвало расселение кланов по всей Индии, из которых некоторые переселились в Раджпутану, которая сделалась потом цитаделью индуизма в Северной Индии. Другие кланы были отеснены вниз по долине Ганга и сделались старшинами деревень, или волостей, или даже крупных районов, которыми и поныне владеют их потомки в Ауде, Бихаре и низовьях реки.

В течение пяти веков, протекших между рейдами Махмуда Газневи и окончательным установлением империи Великих Моголов, буддизм и индуизм понесли тяжелые потери, поскольку суровые воины из Средней Азии признавали для себя богоугодным делом убивать служителей чужих алтарей и разрушать храмы неверных. Но систематический прозелитизм, по-видимому, был чужд этим завоевателям, исключая, конечно, фанатиков вроде Сикандара Лодхи^{***}. Положение ранних мусульманских династий было еще слишком ненадежно, чтобы решиться на широкую пропаганду. Даже в пору первых Моголов императоры были слишком индифферентны к духовным вопросам, слишком были поглощены задачами завоевания. Их власть в значительной мере

* Махмуд Газневи (971—1030) — эмир и падишах среднеазиатского государства Газневидов (с 998 года). При нем государство достигло наибольшего могущества; совершил семнадцать походов в Северную Индию.

** Мухаммед Гури (г. рожд. неизвестен — 1206) — султан государства Гуридов, включавшего большую часть территории Афганистана и Северной Индии.

*** Сикандар Лодхи (г. рожд. неизвестен — 1517) — султан Делийского султаната из династии Лодхи, правил с 1489 года.

зависела от связи с раджпутскими владыками; туземные принцессы, на которых они женились, способствовали терпимости к индуизму. И только в последние годы существования империи, когда власть оказалась в руках фанатичного Аурангзеба*, начались преследования и насильственное обращение в мусульманство.

Наблюдая ныне распространение ислама по Индии, мы найдем его по преимуществу в тех районах, где завоеватели, прибывшие из Средней Азии, осели не только в качестве политических властителей, но и как владельцы захваченной земли. Число мусульман не так велико в районах бывших столиц — Дели и Агры, так как они столкнулись здесь с хорошо организованными индусскими племенами. В Пенджабе, не считая специальных этнических условий северо-западных районов, мусульмане резко доминируют в западной и южной частях, омываемых Индом и его притоками, но не в восточных округах, всегда тяготевших к Дели. В Кашмире подавляющая часть населения — мусульмане, вероятно, потому, что после завоевания его Акбаром (конец XVI века) Кашмир является излюбленной летней резиденцией двора. После падения империи Великих Моголов Кашмир попал во власть афганцев, исключительно ревностных мусульман, и только в 1819 году власть над Кашмиром вернулась после пяти столетий в руки индусской династии.

Следуя далее на восток, мы найдем, что индуизм остался неприкосновенным на склонах Гималаев (их армии Моголов никогда не занимали), к югу от Джамны, где правили неукротимые бунделы, и вдоль границы с Раджпутаной, где индуизм отстояли наиболее сильные и объединенные раджпутские кланы. И только в Бенгалии ислам ныне представлен очень сильно. Это нужно объяснять тем, что Бенгалия издавна была слабо индуизирована, так как прослойка арийского элемента в ней всегда была ничтожна, а к приходу мусульман она была еще и страной чисто буддийской. Но буддизм в этот момент обнаружил политическую и военную

* Аурангзев (1618—1707) — падишах державы Великих Моголов (1658—1707 годы), при котором государство достигло наибольшей протяженности и могущества.

беспомощность — монахи и духовные лица панически бежали в горы, и народная масса, покинутая руководителями, без сопротивления перешла в ислам.

Ислам в Индии как религия носит крайне консервативный характер, располагает простым и отчетливым обиходом и вообще мало отличен от ислама других прилегающих стран, однако при внимательном подходе можно подметить, что индуизм, особенно в сельскохозяйственных районах, оказал на него несомненное влияние. Приняв в свое лоно отступников от индуизма, ислам вместе с ними воспринял и некоторые обряды и даже воззрения, отличающие его от первичного аравийского и даже среднеазиатского мусульманства. От индуизма ислам воспринял много демонологии, веру в колдовство и поклонение умершим святым. Земледелец-мусульманин наших дней нередко пользуется индуистом-астрологом, чтобы наметить счастливый день для брака, он не отказывается помолиться также и местному богу о даровании сына своей жене. Все это тем более естественно, что обращение в ислам, если оно случается, происходит в среде низших каст, всегда сохраняющих и при переходе в новую религию своих старых богов.

Не избежал ислам и влияния анимизма, как об этом было упомянуто выше. Наиболее замечательным примером слияния ислама и анимизма являются панчпиры⁴² Бенгалии и Соединенных провинций*. Пять небольших кучек из глины, поставленных в углу дома или под священным деревом деревни, образуют алтарь этого пятибожия; жрецом всегда будет член какой-либо из низших каст.

Буддизм

Третьей религией Индии по числу представителей является буддизм. Слабая распространенность буддизма

* Соединенные провинции Агра и Ауд — провинция Индии в 1902–1950 годах, состоявшая из исторических областей Агра и Ауд; в 1950 году стала штатом Уттар-Прадеш.

в Индии могла бы нас освободить от изложения истории и основ старого буддизма, но научный интерес, столь сильно и упорно с ним связанный, его влияние на другие религии и множество путаницы и ошибок, существующих относительно буддизма в обществе, заставляет нас несколько расширить масштаб нашего изложения...

Изложить буддизм, отвлекаясь от личности его основателя, невозможно, так как эта личность помимо воли самого учителя в последующем развитии религии, дойдя до стадии обоготворенности, сделалась сердцевиной культа и тем восполнила первичные недочеты буддизма, который, представляя собою, скорее всего, нравственную систему, был мало доступен для широкой народной массы.

В конце VI века до н. э. в роде Шакьев, одного из многих кшатрийских кланов, у сына небольшого князя или начальника группы деревень, расположенных в благодатных холмистых пространствах последнего яруса Гималаев, родился ребенок Сиддхартха⁴³; местом его рождения был город Капилавасту.

Теперь уже с достаточной отчетливостью установлено в науке, что Будда не миф, а историческое лицо, хотя жизнь его окружена массой легенд, совершенно затмивших и, мы бы сказали, профанировавших скромную и тихую фигуру основателя религии. В юных годах Будда испытал все радости и наслаждения, которые могла ему доставить чувственная сторона жизни. Но «внезапно» его чувство было потрясено глубоким сознанием пустоты человеческой жизни, а выход из последовавших внутренних терзаний для того времени был один, и Будда ему последовал; он сделался йогом, или странствующим аскетом. На этой ступени спасения задача Будды, как всякого индусского аскета, сводилась к обузданию страстей, выливавшегося в формы тяжелого подвижничества, к выработке характера, а в общем к личному спасению, а не к спасению других людей. Но вновь «внезапно», после исключительных подвигов аскетизма, вчерашний аскет становится Буддой, «просвещенным», и теперь намечает новую дорогу спасения, совершенно расходившуюся с общим взглядом тех дней, который источник и способ человеческого спасения видел в механическом

пользовании культа и формул, непрерывном от колыбели до смерти.

Во избежание скорбей жизни и для достижения нирваны Будда возвестил святой восьмичленный путь: истинная вера, истинная решимость, истинное слово, истинное дело, истинная жизнь, истинная мысль, истинные помыслы и истинное созерцание.

Таково было евангелие, которое проповедовал Будда в течение сорока пяти лет, блуждая по Магадхе (современный Бихар) и в окрестностях Варанаси. Хронология жизни учителя страдает многими неясностями. По-видимому, Будда достиг глубокой старости (88 лет) и умер около 486 года до н. э.

Религия Будды не представляет собою столь резкого шага в религиозном мышлении народа Индии, как это мы наблюдаем на примере других религий, например ислама. Будда был органически связан с господствовавшим в его время брахманизмом и создал просто своеобразную секту, не более. Многие, что привыкли считать чисто буддийским (монашество, этика, ахимса, то есть непричинение зла, нирвана), имело старые и глубокие корни в брахманизме; даже терминологию Будде не пришлось придумывать: она была у него под рукой в богатом лексиконе религиозных и философских трактатов древней Индии. Вообще появление Будды не представляло ничего такого, что могло бы показаться его современникам чем-то необыкновенным.

На первых порах основанная Буддой религия не представляла собою религии в общепринятом смысле слова. Это была, в наиболее ранней форме, просто монастырская община, орден нищенствующих братьев, вроде доминиканцев или францисканцев. И это не было новшеством для Индии. Еще задолго до появления Будды монашеский орден представлялся религиозному сознанию индусов необходимой формой, в которой могла найти свое место жизнь личностей, соединенных общим стремлением к искуплению. Но Будда дал начала новой морали и нового миропонимания, хотя звал сначала немногих и связывал их старыми формами монастырского общения и дисциплины, не придумывая ничего нового. Буддизм лишь потом, много позже, создал

ритуал, литургику, нужные молитвословия — словом, культ, заполнив его своими богами и идолами.

Правда, на фоне развитого к тому времени брахманизма с его исключительным аристократизмом жрецов, с отброшенной в социальную пропасть народной массой, со священным языком, для нее совершенно уже непонятым, — на фоне слишком выпукло и резко построенных классовых контрастов учение Будды являлось новым по духу толкованием людских судеб. Оно, говоря о милосердии, воздержании от страстей и высоте всепримиряющего духа, тем самым апеллировало ко всем людям без различия, всех равняло. Довольно было уже того, что предание приписывало Будде такие слова: «Я приказываю, ученики, чтобы каждый учил на своем языке». И Будда проповедовал не на санскрите, а на наречии Восточного Индостана, то есть на местном языке.

Но демократизм первых шагов Будды не должен быть преувеличен. Первыми его учениками были не рыбаки, мытари и нищие, а люди привилегированные и даже образованные. Среди них мы находим двух брахманов Шарипутру и Маудгальяну, его двоюродного брата Ананду (значит, лицо княжеского рода), Рахулу — сына Будды, Девадатту, его двоюродного брата, и т. п. Некоторый контраст среди этого привилегированного кружка как будто представлял собою Упали, служивший ранее цирюльником у «благородных Шакьев», но не нужно забывать, что роль цирюльника при князьях как лица доверенного была не из низких (не ниже какого-нибудь «стольника», «спальника», «стремяного»), да и Упали, которого священные тексты много раз называют «первым учителем духовных правил», вероятно, был не лишен образования. Среди последователей Будды также фигурируют дети богатых купцов и высокопоставленных городских чиновников, как, например, Джаса, то есть люди высокого положения, получившие соответствующее воспитание.

Вообще довольно часто встречаемый взгляд, приписывающий Будде роль социального реформатора, разбившего узы кастового устройства и давшего приют нищим и угнетенным в основанном им духовном царстве, к сожалению, не подтверждается конечными итогами истории. Правда, Будда

неоднократно в своих собеседованиях теоретически разбивал идею о касте (особенно о брахманстве), приводя биологические (в особенности) и этические соображения, а в свое общество принимал всех без разбора (рабов — с согласия господ), но решительно, по соображениям очень разумной политики, он не выступал ни против социального порядка, ни против каст...

Этика буддизма не была всецело творением учителя. Брахманская метафизика предупредила буддизм как в идеях, так и в словах. В «Шатапатха-брахмане» («Брахмана ста путей»), созданной в той же местности, что и буддизм, мы находим набросок учения Будды. Здесь много той же самой терминологии, которую мы позднее найдем в буддизме, а среди проповедников упоминается Гаутама — фамильное прозвище Шакьев, племени Будды. Правила, которые учитель обозначал словами «истины» и «пути», были в значительной степени обычны для брахманских писателей по этике. Неприкосновенность жизни животного (ахимса) — древнее верование народа Индии, возникшее непосредственно из идеи переселения душ, которая связывает в одну непрерывную цепь все живые существа — богов и демонов, людей и животных.

В теологии и психологии буддизм игнорировал спекулятивные итоги прежних духовных мыслителей. Будда не отрицает существования бога, он просто уклоняется от решения вопроса. Он предоставляет жрецам отвращать гнев богов или вымаливать у них награды, на его взгляд не имеющие цены. Его точка зрения в этих вопросах — безразличие светского человека. В области метафизики опять-таки его не трогают вопросы происхождения вещей или их конечная судьба; он принимает их как данность. Он более занят практической задачей спасения. Он избегает вопроса о сверхъестественном Создателе, объясняя Вселенную как Волю и Идею и ставя карму, или этическую доктрину о возмездии, на место контролирующего разума Божества.

Ученые часто ставили вопрос, каким образом столь пессимистическая религия, как буддизм, столь туманная по своему содержанию и потому столь малодоступная массе, все же снискала энтузиазм народа Индии. Не входя в подроб-

ности вопроса, упомянем только общий ответ авторитетов на вопрос о причинах успеха буддизма.

Новая религия несла с собою весть об освобождении от брахманского закона жертвоприношений, отчасти заменив их ступенями морально-духовных достижений. Возникший среди сословия кшатриев по преимуществу, буддизм спустился к массе, давая возможность духовного мира всякому человеку независимо от его племени или касты. Являясь в основе религией страдания и искупления, буддизм удачно отвечал основному настроению мечтательно-печального населения Индии. Но быть может, более всего популярность религии покоилась на обаятельной личности Учителя, жизнь которого протекла в активном «излиянии добра» и вокруг имени которого постепенно сосредоточился узел наиболее трогательных легенд. После того как буддизм с ходом истории прошел через орбиты влияний зороастризма, гностицизма и христианства, Будда стал рассматриваться верующими как существо божественное, как Спаситель, к которому потекло обожание. Это было новое течение, совершенно чуждое духу старого буддизма, но, видимо, подпираемое снизу духовным искательством масс.

Сила и устойчивость буддизма значительно зависели от сангхи, или товарищества членов монашеского ордена. Это был институт, чуждый брахманизму, не имевший главы, но руководимый невидимым главою в лице учения и правил, возвешенных Буддою.

Со смертью Будды эта община сделалась единственной видимой носительницей идеи, раньше воплощенной в Будде, единственной обладательницей «искупительной истины». Ее устройство, по-видимому, усложнялось постепенно. Во всяком случае, во времена Ашоки (ок. 273—236 годы до н. э.) мы находим хорошо организованный коллектив, владеющий каноническими книгами. Община выработала сложную систему морали, ритуала и правил, начиная с простых правил общежития для монастырей. Они с годами становились более и более сложными, и старый, краткий перечень правил дисциплины для монахов, набросанный после смерти основателя, стал позднее сложным и тягостным. С веками правила стали даже более жесткими, чем в брахманской кастовой

системе, и вылились в конце концов в форму рокового гнета, направленного против всякой духовной независимости.

Поворотным пунктом в истории буддизма является III век до н. э., когда в Северной Индии политическая обстановка вызвала к жизни военную монархию Маурьев, которая во время Ашоки распространила свои границы далеко за пределы влияния брахманизма. Монархия явилась созданием авантюриста Чандрагупты, человека низкого происхождения (традиция считала его шудрой). Необходимы были какие-то скрепы для нового государственного организма, и династия воспользовалась той религией, которая захватывала в свои тенета людей разных рас, пониманий и положений. Индуизм не отвечал задачам политического момента, и буддизм при Ашоке сделался государственной религией. Едва ли приспособление буддизма к политической жизни было для него удачей как для религии; возрастая в мировом влиянии, он, естественно, падал в своем духовно-воспитательном содержании. По всей видимости, на период 200—100 годов до н. э. выпадает наиболее успешная пропаганда буддизма⁴⁴. С этим же периодом связано появление изображений Будды, искусство, начатое в Пенджабе, может быть, под влиянием греков, но позднее усвоенное индуистами и джайнами для украшения их многочисленных храмов.

Преобразование местного культа в мировую религию было делом почти одного Ашоки. На Цейлон буддизм был внесен при современнике Ашоки короле Деванампийатиссе. Отсюда он распространился в Бирму (в середине V века н. э.) и Таиланд; несколько ранее был перенесен в Китай и позднее (552 год) в Японию.

Наконец, нужно подчеркнуть еще одну стадию развития буддизма, относящуюся к концу I века н. э. и отмеченную именем Канишки, который около 100 года собрал буддийский собор в Джаландхаре. Фактически это событие отмечает собою начало падения индийского буддизма.

О последующей судьбе буддизма мы знаем по сообщениям китайских пилигримов, многочисленным скульптурным и эпиграфическим данным и из огромной непальской, тибетской и китайской литературы. Китайский пилигрим Фа Сянь, прошедший в 401—410 годах Индо-Гангскую долину от Афга-

нистана до Бенгальского залива, нашел обе религии — брахманизм и буддизм — живущими рядом одна с другой; брахманские жрецы пользовались одинаковым почетом с буддийскими монахами. Сюань Цзан, объехавший почти всю Индию (630—644 годы), описывает, как брахманизм начал побеждать буддизм, хотя преобладали властители-буддисты. В Северо-Западной Индии среди буддийских монастырей и монахов Сюань Цзан видел «тучи еретиков», то есть брахманские секты, но в Северной Индии, где царствовал сильный Шиладитья^{*}, буддизм, по-видимому, еще процветал. Начало падения буддизма нужно относить приблизительно к 750 году. В XI столетии он еще держался в отдаленных провинциях, вроде Кашмира и Ориссы, а Бихар оставался верным буддизму до завоевания его Бахтияром Халджи^{**} в 1199 году. Окончательное установление власти мусульман в Северной Индии повело к полному исчезновению из нее учения Шакьямуни. В Западной Индии буддизм был жизненной религией еще в IX веке и, кажется, держался до XII века, когда оживление шиваизма оказалось одинаково губительным и для буддизма и для джайнизма.

Итак, просуществовав в Индии тринадцать столетий, буддизм почти исчез из пределов своей родины, захватив, однако, почти всю восточную часть азиатского континента. Как это вышло? Считается, что, хотя в некоторых местах приверженцы буддизма и страдали от преследований, все же он погиб главным образом естественной смертью, не выдержав соперничества двух сект индуизма, возникших из-под крыла реформированного брахманизма. К моменту своего падения буддизм оказался слишком далек от своей первичной простой формы и был запутан формальностями и обрядами точно так же, как и брахманизм в дни возникновения буддизма; поэтому он был побит новыми религиями, как некогда им был побит брахманизм.

^{*} Шиладитья (VII век) — правитель княжества Мевар в Северной Индии, представитель раджпутской династии Гухилотов.

^{**} Бахтияр Халджи (кон. XII — нач. XIII века) — турецкий военачальник. Во время вторжения его армии был уничтожен монастырский комплекс Наланда, библиотека которого содержала 9 млн. буддистских рукописей.

Что же до этих новых форм богочитания вишнуизма и шиваизма, то они, являясь созданием народной массы, имели весьма богатую и многогранную притягательную силу, которая отвечала настроениям людей всех рас, положений, классов, темпераментов. Яркая красочность и многоличие их богов много говорили народному воображению, побивая сухую простоту буддизма. Широта средств увлечения индуизма, начинающаяся тонкой идеей аватар и кончающаяся чувственными перспективами изобретательного Юга, более отвечала страстям народа Индии, чем слишком высокий столб буддийской морали. Буддизм к тому же не гармонировал с некоторыми из народных обычаев, имевших корни, может быть более глубокие, чем религиозное чувство; он, например, проповедуя целибат, бил по семейным чувствам индусов... Конечно, для судеб Индии буддизм сыграл свою роль, но, сыграв таковую, он был брошен, как бросають заржавевшее оружие.

Анимизм

Несмотря на ряд культурных эпох и властителей, Индия в своих своеобразных недрах сохранила много пережитков глубокой старины; в области религии таким пережитком будет анимизм.

Анимизм в его наиболее чистой форме наблюдается среди лесных племен центра и юга полуострова Индостан и на южных склонах Гималаев. Некоторые из этих племен дошли до создания государств, как, например, гонды. Ряд других племен основали княжества Гарха, Мандла, Деогарх и Чанда в центральных провинциях и Куч в Ассаме. Племена, исповедующие анимизм подобного рода, во многих случаях быстро подпадают под индусское влияние. Так было с санталами, гондами и бхилами, живущими в холмистой местности к югу от среднего течения Ганга. Эти народы являются легкой добычей индусского миссионера, который не хочет многого от новообращенных.

Анимизм, вероятно, имеет источником своего происхождения неарийские расы, среди которых он и удерживается более прочно, хотя правильнее предположить, что анимизм проходит постоянной темой по всем страницам религиозной истории Индии. Ведь даже ведизм можно рассматривать как анимизм высокого порядка; простой же народ боготворил змей, обезьян или камни.

Христианство

История христианства в Индии имеет в себе много поучительного и прежде всего характерного для самой же Индии. Она своим началом имеет установление сирийской церкви в Малабаре, которая заявляет претензию на основание ее апостолом Фомою, миссионерские труды которого закончились во владениях Гондофареса* — по-видимому, в Нижнем Синде. По сохранившимся легендам, апостол обратил в христианство несколько брахманов, установил два пресвитерства, а также основал семь церквей — шесть в Траванкуре и Кочине, седьмую на юге Малабара. Во всяком случае, христианство проникло в Индию на исходе II века (около 190 года), и притом сначала в южную ее часть, вероятно на Малабарский берег. Какого вида было это первичное христианство, сказать трудно, но в конце VI века здесь находилась несторианская коммуна, которая считала своим главой патриарха Вавилона. Последний снабжал несториан епископами халдейского (сирийского) толка.

С появлением португальцев жизнь этой небольшой общины подверглась большим притеснениям; португальцы всеми силами стремились поставить индийскую христианскую общину под контроль Рима. Это отчасти было достигнуто⁴⁵. Но в 1653 году обнаружилось движение против папского контроля, и в сирийской общине произошел раскол,

* Гондофарес (Гондофермес) — индо-парфянский правитель северо-западных районов Индии в 20—48 годах н. э.

создавший две ветви, которые существуют и теперь: старая церковь, или сирийские христиане, имеет своих епископов, подчиняющихся патриарху Антиохийскому и проводящих богослужения на сирийском языке*, и новая церковь, или яacobиты, сохранившая некоторые из своих догматов и обрядов, но связанная с Римом.

Католическая пропаганда началась с первых же шагов португальцев в Индии, когда в 1500 году сюда прибыли братья-францисканцы. С прибытием (1542 год) знаменитого иезуита Франциска Ксавье дело обращения туземцев в христианство вышло за пределы португальских поселений и повелось с применением угроз и при властной поддержке инквизиции (основана в Гоа в 1560 году). Трудно сказать, насколько такие форсированные приемы были удачны в смысле увеличения количества христиан, но в памяти туземцев Индии они оставили очень тягостное впечатление; последнее хорошо учли внимательные англичане, что предопределило надолго их политику по отношению к религии и обычаям индусов, внося в нее разумный элемент. Да и сами католические миссионеры скоро заметили неудачливость своих приемов и стали (как знаменитый аббат Дюбуа в более позднее время) больше приспосабливаться к этнографической и бытовой обстановке, среди которой они проповедовали; например, они усваивали приемы, одежду и часто даже титул брахманских аскетов, старались набирать священников среди туземцев, даже признавали касты среди новообращенных и т. д. Иезуиты развили выдающуюся деятельность по печатанию священных книг на разных языках; они же выдвинули из своей среды крупнейших ученых⁴⁶. Иезуитам принадлежит широкая организация школ, трудовых коммун, показательных полей и т. д. Пользуясь веротерпимостью или, может быть, религиозным безразличием Великих Моголов, католики перенесли свою деятельность в Северную Индию, но здесь она не увенчалась таким успехом, как на Юге.

* Сирийский (сирский) язык — мертвый литературный язык христиан Восточного Средиземноморья, имеющий в основе один из диалектов арамейского языка.

Протестантская миссия начала работать с появлением голландцев на территории Индии (около 1705 года). Ее деятельность протекала в умеренных тонах по сравнению с практикой католиков, и число адептов протестантизма оказалось очень скромным.

СИКХИЗМ

История развития сикхизма интересна тем, что, начавшись в форме чисто религиозной реформы в конце XV или в начале XVI века, он ко второй половине XVII столетия объединил своих последователей в политическую организацию, пропитанную военным духом. Завершением этой интересной эволюции было превращение сравнительно небольшой военно-религиозной общины в могучее государство, основанное Ранджит Сингхом в начале XIX столетия.

Сикхизм был основан в Пенджабе гуру Нанак (1469—1539), развит и дополнен был последующими гуру, а особенно гуру Говинд Сингхом (1675—1708). Как стадия религиозного мышления народа Индии сикхизм вырос на почве сильного реформаторского движения, обнимающего собой все XVI столетие.

Свою задачу апостола Говинд Сингх излагал резко и непримиримо; он говорил, что пришел возвестить совершенную веру, распространить добродетель и уничтожить зло; о других религиях он говорил с осуждением: «Обряды мусульман и индусов бесполезны, чтение Корана и пуран — дело пустое, а поклонники идолов и почитатели мертвых никогда не получают блаженства». Говинд Сингх старался выделить сикхов среди окружающих их индуистов и мусульман. Он приказал им носить «пять К»: длинные волосы (*kes*), короткие штаны (*kachh*), железный браслет (*kara*), стальной нож (*khanda*) и гребень (*kangha*). Кроме того, учитель предписал сикхам не курить табак и есть мясо лишь тех животных, которые обезглавлены одним ударом меча по шее.

Вообще проповедь гуру сводилась не к возвещению новых религиозных тенденций, а к социальному строительству

на религиозной подоплеке, к созданию общины, а затем и народа, проникнутого местным патриотизмом и большой воинственностью. И если эта духовная закваска оказалась при малочисленности последователей сикхизма бессильной, чтобы бороться с Моголами в пору их расцвета, то с падением их династии она стала базой для создания сикхской империи Ранджита Сингха. Впрочем, после того, как это государство в 40-х годах XIX столетия захватили англичане, политическая платформа сикхизма была подорвана, и с тех пор наблюдается его падение. Параллельно с этим замечена тенденция к ассимиляции с индуистами⁴⁷; некоторые из сикхов пользуются обрядовыми услугами брахманов, а также начинают посещать святые места, а особенно Хардвар, где Ганг покидает пригималайские холмы.

В последние годы в сикхизме наблюдается разделение на тех, кто воспринял обряды индуизма, и более чистых сикхов (основное ядро их составляют акали, или «бессмертные»). Можно сказать, что сикхизм неуклонно идет к возврату в огромное и многогранное море индуизма, и толпы сикхских аскетов все чаще и чаще видны на паломнических путях к индусским храмам. На вопрос, как могут ходить сикхи в идолопоклоннические храмы, пилигримы уклончиво отвечают, что они идут посмотреть на идолов, но не поклоняться им. А между тем идолы проникают не только в хижины поселян-сикхов, но даже в их храмы. Ведь храмовая служба у индусов так красочна и привлекательна, так многолюдна по сравнению с тусклыми обрядами сикхизма, а идолы так величественны, страшны и обольстительны...

Джайнизм

Эта религия откололась от брахманизма, как и буддизм. Как и последний, она выросла в Магадхе, и ее основатель, как и Гаутама, был из варны воинов; это был Вардхамана, прозванный Махавирой («Великим героем») и Джиной («Победителем»), откуда и название самой религии. Буддизм и джайнизм поражают своим сходством, которое объясня-

ется тем, что источник был один и тот же. У обоих конечная цель — нирвана, но у буддистов — это угасание, у джайнов — удаление из тела в иное, блаженное бытие. Мораль налагается на верующих одна и та же. Пятикратная клятва джайнов предписывает: святость жизни животных; отказ от лжи («она происходит от страха, жадности и легкомыслия»), отказ брать вещи, «не данные»; осуждение прелюбодеяния, чистоту и свободу от мирских привязанностей, в том числе от собственности. Особенно джайнизм строг к принципу святости животного, и ему принадлежат те курьезные учреждения (пинджранолы, или госпитали для животных), где призываются и кормятся животные до червей включительно. Будда не придавал значения аскетизму, между тем как среди джайнов он существует, и часто в очень отталкивающей форме.

Наиболее крупное явление в истории джайнизма — это его разделение на две секты: шветамбара, или «белоодетые», на севере и западе Индии, и дигамбара, или «одетые небом», другими словами, голые аскеты; дигамбара, вероятно, более древняя секта.

Первый собор джайнов заседал в Паталипутре около 310 года до н. э., когда и был основан их канон. В Средние века джайнизм переживал пору очень большого влияния и бывал государственной религией Гуджарата и Марвары и королей Коромандельского берега. Многие из джайнов были первыми министрами при дворах Западной, Центральной и Южной Индии, и к этому времени относится постройка блестящей серии джайнских храмов, каковы, например, на горе Абу и в Гирнаре. При мусульманском завоевании некоторые из джайнских святынь были разрушены, а резные столбы пошли на постройку мечетей.

Джайнизм — единственный из древних монастырских орденов, который уцелел в Индии до нашего времени. Он избежал катастрофы, случившейся с буддизмом, — вероятно, потому, что никогда круто не порывал с брахманизмом и не преследовал активной политики прозелитизма, предпочитая выполнение своих обрядов в тиши и уединенности своей религиозной коммуны. Но может быть, еще важнее было то обстоятельство, что он в свою общину призывал не только

монахов и монахинь, но и мирян обоего пола. Не получилось той пропасти, которая отделяла монахов-буддистов от мирян и которая погубила в Индии эту религию, лишив в нужное время монастырскую общину общенародной поддержки.

Джайнский пантеон состоит из сонма обоготворенных святых, тиртханкаров, «создающих проход через круговорот жизни», или джина, «тех, что одержали победу», из которых двадцать четыре относятся к трем векам: прошлому, настоящему и будущему. Аскеты ордена известны под именем «джати»; они не имеют собственности и покидают свое жилище лишь только затем, чтобы просить милостыню; они носят опашала из козьего волоса, которым сдувают всякое живое существо, попадающее им на пути и на месте сидения; кроме того, они носят перед ртом сетки, чтобы нечаянно не проглотить и не погубить что-либо живущее⁴⁸. Их тело и платье грязны несказанно и кишат насекомыми. Миряне называются «шравака» («братья»). Изображения святых — часто статуи из черного и белого мрамора — у джайнов представляются голыми в противоположность плотно закутанным фигурам буддийских часовен, но они чужды тех непристойностей, которые так безобразят, с нашей точки зрения, индуские храмы. Джайны для своих святынь выбирают лесистые холмы, окруженные красивой панорамой долин или рек; их более древние и более известные святыни, отвечая духу отшельничества, столь характерного для джайнов, расположены обычно далеко от центров власти, или культуры, или торговли. Таковы Параснат в Бенгалии, Палитана в Катхиаваре и гора Абу в Раджастхане.

Не исключено однако, что джайнизм может повторить судьбу буддизма. Линия, разделяющая его и индуизм, очень узка. Джайны пользуются брахманами в домашних обрядах, чтут корову, часто молятся в индуских храмах, следуют индускому закону о наследовании с тем исключением, что наследование у них не связано с выполнением погребальных и поминальных обычаев, посещают места паломничества индусов. Главная разница джайнов от индусов сводится к «еретическому взгляду» на святость вед, невыполнение ими похоронных обрядов индусов, признание своих святых мест и сохранение некоторых специальных обрядов. Но

в индуизме также имеются секты, далеко стоящие от ортодоксальных норм и правил индуизма и тем не менее считающиеся лишь его разновидностями.

Главные центры джайнского влияния находятся в Западной Индии. Здесь действуют три секты джайнизма: дигамбара, которые поклоняются голым идолам и чтут своих гуру (наставников); шветамбара, которые одевают своих идолов в платья и чтут их разными способами; и дхендия, которые боготворят своих гуру, носят белое платье и закрывают рот белым лоскутом; они никогда не кланяются идолам. Миряне ордена, которые отличаются исключительной благотворительностью, составляют очень тесную общину, связанную узами взаимной поддержки.

Парсизм

Парсизм, как и ислам, был занесен в Индию из Центральной Азии. Число его последователей невелико, но по своему богатству и влиянию они занимают очень видное место. Нужно оговорить, что под парсизмом в науке понимается: 1) учение Зороастра, 2) в более узком смысле основанная на нем религия современных парсов. Зороастризм — религия древних жителей Ирана, первоначально мидийцев и бактрийцев, затем персов времен Ахеменидов и Сасанидов. Зороастризм, по-видимому, свои корни имел в какой-то общей религии ариев до их разделения на иранскую и индоарийскую ветви, но это разделение совершилось тогда, когда общая религия еще не имела завершенной организации; поэтому нащупать общие места в ведизме и зороастризме представляется делом трудным.

Временный расцвет зороастризма относится к эпохе Сасанидов, к концу которой он окончательно был вытеснен исламом, направившим свою особую энергию против огнепоклонников. Парсы вынуждены были искать убежища в других странах, и одна из их волн устремилась в Индию через Ормуз. В 717 году они прибыли в небольшой городок Санджана, в девяноста верстах к северу от Бомбея. Здесь они

восстановили священный огонь, «семена» которого принесли с собой, по их словам, из Персии. Приобретши благорасположение местных властей, они разбогатели и в конце концов установили сношения с двором Моголов. Некоторые из жрецов посетили даже императора Акбара, который в поисках новой религии беседовал с брахманами, португальцами-миссионерами, своими мусульманами, а также и с огнепоклонниками. До конца XIII века главными местопребываниями парсов были Сурат, Навсари и прилегающие к ним части Гуджарата. Коммерческий рост Бомбея потянул к себе большую коммуну парсов, а из этого города они распространились по всем городам Индии, где бьет ключ торговли.

На первых порах экономическая и политическая слабость, с одной стороны, и окружение парсов индусской массой, с другой, оказали угнетающее влияние на принесенную религию, и она упала до формы, едва отличимой от примитивного индуизма, ее окружавшего⁴⁹. Парсизм захирел, священный канон был почти забыт. Но рост и обогащение колонии привлекли свежих эмигрантов; пробужденное и теперь обеспеченное национальное чувство вызвало интерес к национальной религии; жрецы стали внимательно изучать старый священный язык⁵⁰, и священные книги были переведены, растолкованы и изданы. Дальнейшим звеном в развитии общины парсов было установление связи с единоверцами, живущими в других частях Азии, а особенно в Персии.

Парсы делятся на два толка: кадими (древние) и шеншай (королевские); догматической разницы между ними нет, и спор сводится главным образом к разному пониманию эры священного года, отчего не совпадают некоторые праздники; есть более мелкие расхождения, например в произношении некоторых звуков при чтении молитв. Первые, как и показывает название, утверждают, что они сохранили более старые формы богочитания.

Древнеиранская религия Зороастра под влиянием монотеистических религий дошла до современных парсов в значительно измененном виде. Поэтому в современном парсизме преобладают черты монотеизма и лишь отчасти

пантеизма, несмотря на его философский дуализм и внешний культ огня. Основой религиозной морали служит авестийская триада — «добрые мысли, добрые слова и добрые дела», о которой взрослому парсу напоминают три шнурка его священного пояса. Особым уважением у парсов пользуется огонь — отсюда отказ от индийского сожжения мертвых и существование простых храмов, где поддерживается вечный огонь. Зороастр как пророк пользуется почетом; Саошьянт*, по их верованию, должен родиться из семени Зороастра в конце света, уничтожить зло, очистить мир и сделать парсизм главенствующим. Среди обычаев парсов наиболее замечателен обычай выставлять трупы умерших в «башне молчания» на съедение коршунам.

Нужно отметить, что в среде парсов существует слишком большая разница в социальном и культурном смысле. Между парсом-богачом, европейски образованным, прекрасно говорящим по-английски, и его простым (особенно недавно переселившимся из Персии) собратом — целая пропасть. Поэтому и парсизм имеет две разновидности — культурную, достояние жрецов и богачей, и простую, достояние бедных; в последней много примеси индуизма и даже анимизма.

* Саошьянт — в зороастризме Спаситель, который придет на землю для окончательной победы Добра над Злом.

Чистые и нечистые

Европейская мысль при решении вопроса о касте вела себя всегда и торопливо и небрежно. Тут оказала значительное влияние самоуверенность европейской науки, убедившей себя, что, изучив европейский пяточок, она нашла и прочно определила все законы человеческой жизни, а главное, установила единство этой жизни, распространенное на всю огромную площадь нашей планеты. Отсюда при решении социальных вопросов вне Европы эта гордая наука подходила к ним с готовыми рецептами, без труда и скоро находила нужные ей аналогии, а за ними и вывод. В Европе и у нас можно натолкнуться часто на людей, для которых каста не представляет даже и вопроса: она — то, что пережила давно Европа и что будет пережито и Индией, она — нечто глупое, вредное, несправедливое и искусственное и, уж конечно, дикое и отсталое. В этом отношении к трудному вопросу вы чувствуете не только предвзятость мысли, но и нежелание изучать явление.

Но Европе трудно разгадать касту, так как для этого недостаточно прочитать нужные книги, а для многих недостаточно даже и побывать в Индии. Каста, существующая едва ли менее трех тысяч лет и исповедуемая почти всей Индией, разбиваемая по крайней мере на три тысячи крупных видов, не считая более мелких подразделений (подкаст), каста, победившая в длинной истории всякие преследования, гонения, террор и агитацию, каста гибкая, как змея, и меняющая цвет, как хамелеон, но умеющая сохранить свою сущность, каста, обставленная тысячами правил, начинающая от высоко философских положений (понятие о дхарме) и кончая правилом о том, кто у кого может обрезать ногти на пальцах ноги... — разве каста представляет собою такое явление, в котором легко разобраться и о котором легко создать отчетливое научное суждение? И можно ли, судя лишь по внешней стороне, такое многовековое и могучее по распространности явление, как каста, приравнять к европейским цехам, нашему старообрядчеству, монашеским орденам и т. д., хотя кое-какие совпадения налицо?

Зададимся вопросом, что же представляют собою касты для простого наблюдателя. Это есть сообщества людей как в несколько миллионов (даже десятков миллионов), так и более скромные, в две-три сотни тысяч, разбросанные по всей Индии (брахманы, чамары, дхоби, кайястхи, лохары, сонары) или же сгруппированные в одной провинции и даже районе (багди — в Бенгалии, ижуваны, кампа, каммаланы — в Мадрасе, хандаяты — в Бихаре и Ориссе, мапилла — в Мадрасе, точнее, на Малабаре и т. д.). Порой это сообщество объединено религиозной сектой и связано целой сетью правил, навыков, обетов — его опутывают бесчисленные формальности в одежде, распорядке дня, еде, взаимоотношениях, содержании жилищ, отдыхе, труде, символах... Есть ли какой внешний признак, определяющий касту? Иногда бывает (в высоких кастах), иногда не бывает (чаще в низших, хотя здесь он может быть навязан), но эта сторона дела не существенна. В чем же сказывается тогда, с одной стороны, объединение касты внутри ее, а с другой — ее изолированность от других? Касты объединяются пестрой совокупностью указанных правил и обрядностей; строгим выполнением поло-

женного и устранением от запрещенного. Эта связь — внешняя, мелочная, но всепроникающая и особенно назойливая. Кроме того, каста объединяется общностью и часто совпадением профессий ее членов, трудовыми традициями, всяческой взаимопомощью, единством общей, религиозной и бытовой⁵¹ школы, организованной внутри ее властью, интересами самозащиты против притязаний правительства (особенно податных инстанций), официального суда, борьбы против невзгод природы (чумы, холеры, голода...) и т. д.

Чем каста изолируется от других каст или внекастовых организаций? Представители разных каст, конечно, бывают вынуждены ко всякого рода общению: участвуют в общественных работах, ездят в общих вагонах, работают на фабриках, живут в теснейших общежитиях, учатся в школах, работают в университетских лабораториях, торгуют, разговаривают, спорят, дерутся... Словом, область общественно-социально-трудовых взаимоотношений с ходом развития культуры и промышленности в Индии, ширясь и углубляясь, все больше и больше захватывает людей в свое общественное колесо. При этом неизбежны нарушения кастовых правил: обмен словами с нечестивым, даже прикосновение, даже, наконец, употребление общей воды, но каста в этом отношении всегда была гибка, прозорлива и своевременно уступчива.

Каста признает, что все это неизбежно, ибо человек живет в грустной и «грязной» действительности, которой он и должен подчиняться в меру неизбежной необходимости. То есть каста опирается на принцип неизбежности или нужды, который мы встречаем во всех религиях и который является спасительным клапаном против излишка религиозных формальностей. Таким образом, в области внешних общественно-бытовых отношений каста дает своим последователям простор, предоставляя индивидуальному анализу и такту каждого блюсти нужную границу кастовой чистоты. Она сама идет навстречу согрешившим, для которых существует ряд искупительных мер — например, для покидающих Индию, пивших общую воду, служащих в общественных учреждениях...

Внешняя картина жизни Индии — городская или сельская — не покажет наблюдателю каких-либо перегородок; все здесь перемешано, все кипит общей жизнью и общими трудом. Но есть область, в которой каста строго и неизбежно отделяет себя от посторонних. Это личная жизнь человека. Дружественные отношения, взаимные посещения домов, общая еда и, самое главное, брачные связи с представителями других каст — все это категорически запрещено.

Назовем главные принципы:

— к касте принадлежат по рождению, а не по случаю, заслугам, положению⁵², классу и т. д.;

— касты не равны между собою, а распределяются по рангу, начиная от самых высоких (брахманы) и кончая презренными; это иерархическое соотношение есть «отражение вечного закона»;

— каста обязана строго соблюдать правила еды и особенно правила брака;

— каста непреложно блюдет свои внутренние правила и обычаи.

Индусы верят, что все люди в мире относятся к четырем кастам — брахманы (жрецы), кшатрии (воины), вайшьи (простой народ) и шудры (слуги) — и располагают их по степени их важности. Все остальные касты произошли от межкастовых браков. Если есть племена, или общины, или нации, где не существует каст, то это потому, что народы эти пренебрегли правилами брака и поведения, впали в варварство и как результат касты у них перемешались.

Кастовая система определяет позицию в обществе не только индуса, но и неиндуса; так, например, мусульмане и христиане, согласно индусской социальной теории, занимают свое определенное место.

Нельзя возвысить свою касту, но можно понизить ее статус небрежностью в исполнении установленных правил и связью с «низменным и варварским». Как человек может потерять свое положение в касте, так и каста может потерять свою позицию в обществе. Причиной подобного понижения может явиться обращение членов касты к «низким» ремеслам, поскольку одни занятия признаются выше других:

труд писателя выше труда торговца, труд золотых дел мастера выше труда медника и т. д.

В Западной Индии некоторые из каст понизились в своем статусе из-за употребления вина или мяса и курения табака, поскольку потребление мяса не одобряется вообще, а поедание говядины или свинины в особенности. Некоторые касты сдали позиции из-за предпочитаемой формы брака⁵³.

Законы, повышающие или понижающие касту, не универсальны и меняются с местами. Принципы обрядовой чистоты, являющиеся в одних местах суровым и твердым правилом, в других будут только делом вкуса. Если вопрос о преимуществе между двумя кастами доходил до коллегии пандитов в Варанаси или Пуне, он решался не соответственно действительным социальным условиям, а авторитетом древних книг. Если не находились ссылки на касту в старой книге, пандиты или отождествляли касту с какой-либо из старых, или придумывали какую-либо версию ее происхождения. Если они соглашались с претензиями на более высокое положение какой-либо касты, то это часто зависело не от действительных условий, а от какой-либо фикции.

Каста чиста или нечиста в той мере, в какой она высока или низка. Эта чистота не есть внешняя чистота, видимая «телесным глазом», — это внутренняя чистота, то есть что-то мистическое. Если чистые и нечистые касты соединены вместе, чистые также становятся нечистыми. На этом основании чистые касты должны вступать с нечистыми кастами в возможно меньшее соприкосновение, ибо чем чище существо, тем легче оно грязнится.

Нужно не забывать, что имеется широкий ряд предметов, которые оскверняются прикосновением к ним низких каст, после чего представители более высокой касты не должны их касаться. Какие предметы чисты и какие нечисты, какие предметы легко оскверняются и какие не оскверняются вовсе, зависит от местных обычаев. У маратхов (Западная Индия) одно прикосновение низших каст навсегда оскверняет пищу и воду, а в Гуджарате и Бенгалии брахман может «снять» скверну. Солдаты некоторых северных каст выбрасывали пищу только потому, что на нее пала тень английского офицера, а претензии мадрасских брахманов шли

еще дальше — еда считалась оскверненной, если представитель низшей касты только посмотрел на нее.

Степень осквернения, которое несет с собою каста, определяется ее положением. Одни касты, скажем, не оскверняют воду, другие оскверняют и подразделяются при этом на тех, которые оскверняют воду в глиняном сосуде, и тех, которые оскверняют воду в медном сосуде.

Соотношения между кастами вообще довольно сложные. Скажем, касты можно разделить на те, которые обслуживаются или не обслуживаются цирюльниками. Но и внутри этого деления есть различия, и поэтому одним цирюльник обрезает ногти, а ногтей других, дабы избежать осквернения, не касается. Но и те, кому обрезаются ногти, отличаются друг от друга, и потому одним цирюльник обрезает ногти только на руках, а другим и на ногах тоже. В общем, когда дело доходит до самых высоких каст, цирюльник не будет осквернен никакими процедурами.

Чем каста ниже по достоинству, тем она должна находиться дальше от представителя высокой касты, чтобы его не опоганить. Исходной точкой для исчисления расстояний будут или брахман, или параян (парий); в последнем случае касты будут располагаться на различных допустимых от него расстояниях — брахман должен быть на наиболее далеком, раджпут — поближе, кайястх — еще ближе и т. д. Когда-то такая иерархическая геометрия довольно хорошо иллюстрировала положение дел в обществе, да и теперь если она и проиграла в точности или резкости граней, то далеко еще себя не изжила.

После общего наброска внешних линий, которые определяют касту, мы можем подойти к более систематизированному анализу. Но сначала надо выяснить вопрос о самом слове «каста». Это слово, которое ныне столь широко распространено в литературе, пошло от португальских авантюристов, которые последовали за Васко да Гамой к западным берегам Индии. Само слово происходит от латинского *castus*, обозначающего чистоту породы. Испанцы первые применили это слово, но его приложение к индийской обстановке сделано португальцами.

Понятно, что иностранные наблюдатели, встречаясь с новым для них явлением, охватили лишь его поверхност-

ные признаки; они, например, просмотрели, что правила, связанные с пищей и питьем, изменчивы и сравнительно скоротечны, а те, что касаются брака, поразительно устойчивы. Но во всяком случае, уже португальские иезуиты подметили, что каста представляет собою систему, имеющую целью сохранение чистоты крови. Это наблюдение заслуживает быть отмеченным, так как оно улавливает одну из основных тенденций кастовой системы, часто почти исчезающую от глаз наблюдателя, но в действительности играющую серьезную роль и никогда и нигде не отмирающую окончательно⁵⁴.

Слово «каста», конечно, не охватывает всего содержания понятия, да и само понятие определить непросто. На это есть свои веские причины. Под кастой надо разуметь не что-либо однородное и монолитное, а целую систему, впитывающую в себя значительное количество элементов. Этими элементами всегда были: класс, военная обязанность, религиозная группировка или братство, национальность, местность, принадлежность к тому или иному ремеслу, всяческие традиции, вообще какая-либо школа (философская, научная, религиозная) и т. д. Перед учеными всегда стояла трудная задача отобрать из этих элементов существенные и устойчивые и отбросить случайные и второстепенные. Это было нелегко, так как огромная Индия представляет слишком пеструю картину.

Приведем некоторые из определений касты, которые заслуживают внимания своим приближением к удаче. Старое определение португальцев, данное четыреста лет назад, гласит: «Каста шире класса, в нее могут входить два или несколько классов»⁵⁵. Богатейший представитель касты должен будет отдать свою дочь за сына беднейшего сокастника, может быть просящего милостыню, если будет ограничен выбор женихов, но он не отдаст ее за сына богатейшего представителя другой, сравнительно низкой касты, хотя бы он имел с ним деловые связи.

Французский ученый Э. Сенар, известный своими трудами по буддизму, так определяет касту: «Каста — это корпоративная группа, теоретически, во всяком случае, наследственная, располагающая определенной традиционной

и независимой организацией, включая главу и совет, собирающаяся при случае в собрания большей или меньшей авторитетности и соединяющаяся воедино в определенные праздники; связанная тесно общностью занятий, придерживающаяся общих обычаев, что особенно относится к браку, пище и вопросам обрядового осквернения, и правящая своими членами с проявлением юрисдикции, размеры которой варьируются, но которая делает авторитет общины особенно ощутимым при наложении особых наказаний, более всего при окончательном исключении из группы»⁵⁶.

Английский этнограф Г. Рисли дает свое определение: «Каста может быть определена как совокупность семейств или групп семейств, носящая общее название, которое обычно обозначает или ассоциируется со специальным занятием, претендующая на общее происхождение от мифического предка — человека или бога, — заявляющая о своем продолжении того же самого профессионального занятия и признаваемая теми, кто компетентен высказывать свое мнение, за отдельную однородную общину»⁵⁷. Имеются дополнения к этому определению, которые звучат как часть определения и могут быть суммированы так: «Каста почти всегда эндогамна^{*} в том смысле, что член широкого⁵⁸ круга, обозначаемого общим именем, не может жениться вне этого круга; но в пределах последнего имеются более мелкие группировки, каждая из которых также эндогамна».

Против определения Рисли особенно возражать не приходится, так как оно суммирует «среднее» из большого статистического материала, но оно слишком грузно, в нем мало яркости.

На первый план всеми знатоками касты выдвигается чистота происхождения. Поэтому главное внимание уделяется правилам брака. Что касается религии, территории и профессиональных занятий, то в этом отношении каста предъявляет очень гибкие требования; очевидно, это для нее дело второстепенное: религиозные воззрения даже внутри сект могут различаться, по территории каста может ока-

* Эндогамия — норма, предписывающая заключение брака в пределах определенной социальной или этнической группы.

заться до крайности разбросанной, и, наконец, формы труда в одной и той же касте резко меняются в зависимости от времени, места и обстоятельств.

Внеся некоторые поправки или, скорее, иные тональности, мы склонны были бы дать такое определение: каста — это социальная группировка, состоящая из семейств или групп семейств, территориально или религиозно не всегда отчетливая, носящая имя какого-либо предка (бога или человека), строго следящая за преемственностью по крови, объединенная нередко однотипностью труда, имеющая свою особую традиционную власть и, наконец, цементированная сложным набором правил и норм, среди которых очень строги и устойчивы правила о браке и еде, особенно же первое.

История касты

Арии к воротам Индии подошли без кастового деления, ас вождями, которых выдвигали или обстановка, или критический момент, и двумя привилегированными классами, жрецами и воинами, но в целом они представляли собой однородную массу. Однако новая страна оказала на них могучее влияние. Впрочем, по мнению Э. Сенара, каста является нормальным развитием древних арийских институтов; последние выработались в эту форму, борясь за приспособление к тем условиям жизни, с которыми они встретились в новых для себя условиях. Французский ученый устанавливает тесную связь, существующую между родом (генсом), курией, трибой — в Риме; семьей, фратрией, филой — в Греции; семьей, готрой, кастой — в Индии. Сенар утверждает, что руководящие начала, лежащие в основе касты, составляют часть суммы обычаев и традиций, общих всем ветвям арийского народа.

В области брака, например, афинский генос и римский генс представляют разительное сходство с индийской готрой. Мы узнаем от Плутарха, что римляне никогда не женились на женщине своего рода и между матронами, фигурирующими в классической литературе, ни одна не носит то

же родовое имя, как и ее супруг; очевидно, идея экзогамии* очень стара. Эндогамия также была уже известна. При Демосфене, чтобы принадлежать к фратрии, надо было родиться от членов этой фратрии. В Греции, Риме, у германцев брак считался законным лишь с женщиной равного ранга. Плебеи долго боролись за право жениться на патрицианках. И то, что патриции, базируясь на религии, сумели удержать лишь несколько столетий, в Индии просуществовало тысячелетия. Мы читаем в «Законах Ману», как презирают боги жертвы, приносимые шудрами; в Риме они также обижались, если семейное жертвоприношение совершалось в присутствии иностранца, то есть шудр Древнего Рима.

Аналогии мы находим и в сферах еды. Странное для нас запрещение разделять пищу с членами другой касты или есть пищу, приготовленную человеком низшей касты, напоминает о религиозном значении, которое придавалось ариями общему семейному обеду. Приготовленный на священном огне, он символизирует единство семьи в настоящей жизни и ее связь с прошлым. У римлян новобрачные съедали вместе особый пшеничный хлеб, что служило символом супружеской общности. Так же было и у древних персов, и совершенно так же в Индии молодые едят с одного и того же листа, что считается моментом наиболее интимного единения. В Риме, как и в Индии, приносились предкам ежедневные возлияния, а погребальные поминки греков и римлян соответствуют обрядам индусов. Даже трибунал касты (панчаят), располагающий огромной властью, имеет параллель в семейных советах Греции, Рима и древней Германии, где в важных случаях отец привлекает членов семьи к решению важных дел, особенно когда речь шла о виновном сыне⁵⁹.

Проведя эти интересные параллели, Сенар ставит вопрос, каким образом из этого общего источника обычаев возникли институты, столь противоположные по своей натуре: с одной стороны, касты Индии и, с другой — нации Европы? Каким причинам обязано то обстоятельство, что на Западе все мелкие группы слились в общий круг национально-

* Экзогамия — запрет брачных отношений между внутри одного рода или общины.

го единства, в то время как арии Индии не сумели создать на своем пути социального строительства ничего иного, как удручающее множество каст и подкаст? Сенар говорит: «Индия не доросла ни до идеи государства, ни до идеи родины. Вместо расширения рама сжималась. В лоне античных республик идея разделения на группы преобразуется в идею более широкую — полиса; в Индии она развивается, стремясь замкнуть всех в узких теснинах касты. Не забудем при этом, что иммигранты распространились на огромной территории; слишком крупные группировки осуждены были на рассеяние»⁶⁰.

Нетрудно построить приблизительную линию процесса, который должен был иметь место, когда вторая волна индоариев вступила в Индию. Вначале это была однородная масса, где было мало женщин. Арийские «казаки» покорили более низкую расу и захватывали женщин по мере надобности. Затем эти завоеватели оказались оторванными от первоначального племени частью расстоянием, частью новыми союзами. Женясь на пленных женщинах, они до некоторой степени изменили первичный тип, но известная доля расовой гордости у них осталась, и, когда они наплодили достаточно женщин для удовлетворения брачных нужд, они плотно замкнули свои ряды, чтобы не допустить дальнейшей смеси крови. С этого момента они стали кастой, похожей на касты нашего времени. Когда число их возросло, молодой выводок вновь оторвался от своего племенного гнезда и сделался основателем раджпутских и псевдораджпутских династий по всей Индии. В каждом случае полное слияние с низшей расой не происходило, потому что победители только брали жен среди местного населения, но не давали ему жениться на своих женщинах.

Принцип, на котором покоится система, это — чувство расовой разницы, подсказанной разницей цвета кожи, чувство достаточно слабое, чтобы уберечь мужчин господствующей расы от связи с женщинами, которых они захватили, но все же достаточно сильное, чтобы не допустить мужчин, которые побеждены, до одинаковых с победителями прав в сфере брачных отношений. Раз возникши, этот принцип был усилен, продолжен и распространен в Индии.

Уже Мегасфен сообщает, что индусы по роду занятий делятся на семь классов и каждый из них так строго прикреплен к определенному роду деятельности, что никто не может вступить в брак с лицом, принадлежащим к другому классу. Правда, Мегасфен совершенно перепутал не только распорядок каст (на первом месте философы, то есть брахманы, а воины — на пятом), но и не понял сути вопроса, отнеся, например, чиновников к особому классу. Но как бы то ни было, сопоставляя его данные с данными других путешественников, мы имеем полное право сказать, что к моменту появления в Индии греков каста была уже вполне развитым и в основных положениях законченным институтом⁶¹.

Нам естественно остановиться на рубеже, отмеченном явлением Будды. В литературе по буддизму много говорится об отношении Будды к касте, и прежде в науке было принято считать, что мудрец из Шакьев — это провозвестник равенства людей, борец против каст и т. д. Ныне на это смотрят иначе, но для нас важнее то соображение, что ко времени Будды каста точно существовала.

В так называемых дхармашастрах, древних сборниках законов Индии, мы также находим указание на касту. Самые старые из них — «Гаутама», «Баудхаяна» и «Апастамба» — упоминают не только четыре традиционные касты, но и производные от них («смешанные»); кроме того, уже отчетливо намечены правила сохранения чистоты крови и еды. Значит, за десять-девять веков до н. э. каста существовала, основные ее линии были намечены, и начало касты следует искать много глубже, чем начинается установленная грань истории Индии. Ученые единодушно исток касты относят к 1200–1100 годам до н. э. — ко времени, когда арии подошли к Индии.

Проследить за развитием касты на первом тысячелетии ее существования не представляется возможным. Можно лишь догадаться о некоторых этапах. Первые годы, судя по ведийскому источнику, отмечены резким разграничением победителей-ариев и побежденных. Войны ариев с туземцами — первоисточник кастового разграничения — выдвинули на видное место кшатриев, которые стали отсеиваться от общей массы; а позднее и прочие представители народа-

победителя начали обособляться от побежденных, успевших слиться с победителями. Возможно, что в этом потоке групповых устремлений и наметились образы четырех каст или, вернее, четырех больших разрядов, которые и были закреплены религиозной нормой. Дальше, когда стала налаживаться совместная жизнь победителей и побежденных, среди последних появились группы вождей, жрецов, богачей, культурных ремесленников, которые заявили претензии на более высокие социальные позиции, чем ожидавшее всех побежденных положение шудр. В результате появились некоторые смешанные касты.

Около начала нашей эры касты уже представляли собой разветвленную систему. Документ, оставивший нам наиболее полную картину, носит название «Манава-дхармашастра», или «Законы Ману», или же его называют просто «Ману»^{*}. В этом трактате нет слова «каста», но взамен его используются два — «варна» и «джати». Первое слово означает «цвет», и таких варн насчитывается четыре — брахманы, кшатрии, вайшьи и шудры. Почти очевидно, что автор под варной разумел не касту, а какую-то более сложную группировку; поэтому установившееся толкование, что «Ману» якобы проповедует о «четырех первоначальных кастах», надо считать ошибочным. Что касается слова «джати», то оно означает «вид, определенный рождением» или, скажем так, биологического индивидуума.

Очевидно, варна могла включать в себя несколько джати, но, как исключение, вся варна могла сводиться и к одной джати (случай с брахманами). Автор «Ману» отчетливо различает джати и варну⁶² — насчитав пятьдесят различных джати, он упорно повторяет, что было только четыре варны. Отсюда напрашивается заключение, что ко времени автора «Ману» каста носила название джати.

Как понимал автор четыре варны? Брахманы, по его характеристике, представляли собой такую же группу людей, какую наблюдаем и ныне в Индии. Брахманы могли отдаваться любым занятиям, исключая тридцать перечислен-

^{*} Авторство «Манава-дхармашастра» («Законы Ману») приписывается Ману — прародителю человеческого рода в текстах индуизма.

ных автором. Брахманы представляли собой не только одну касту, но и одно джати; чистота крови брахмана обеспечивалась сложным рядом правил. Брахманы занимали высшее положение в обществе.

Кшатрии, по-видимому, никогда не образовывали касту и никогда не составляли связного целого. К ним причислялись как правители некоторых племен, так и целые племена, которые господствовали над одним или суммой других племен. Термин «кшатрия» применялся вне зависимости от расы или цвета. Это давало возможность каждому завоевателю, или авантюристу, или целому предприимчивому клану попасть через ворота индуизма в разряд кшатриев.

Вайшьи также не представляли собой одной касты; они включали в себя скотоводов, земледельцев и торговцев. Характерно, что автор «Ману» рекомендует вайшье изучать цену камней и металлов, знать разные страны, цены, языки, уметь продавать и покупать⁶³, но он не советует ему изучать ремесла, например плотника, сапожника, цирюльника, медника, ткача и т. д. Это подтверждает теорию об арийском происхождении первых трех варн. В Индии арии, видимо, натолкнулись на давно здесь осевшее, «технически более передовое население»⁶⁴. Как всегда бывало в таких случаях, занятия победителей⁶⁵ получили статус почетных, высоких, а занятия побежденных были низведены до степени низменных, грязных.

Варна шудр не представляла собою касты или группы каст, составленной из лиц одного и того же статуса. Сюда входили как низшие касты, так и правящие племена, пренебрегавшие священными правилами; среди шудр были и правители⁶⁶. Шудры были и богатыми людьми⁶⁷, некоторые являлись собственниками рабов⁶⁸. Где пролегал разрыв между вайшьей и шудрой? По-видимому, не в области занятий, потому что были шудры, которые являлись пастухами и земледельцами, и, наоборот, были вайшьи, занимавшиеся ремеслами; и не в области социальных различий, так как шудры занимали, по-видимому, все социальные ступени. Главная разница сводилась к тому, что вайшья был двиджа (дваждырожденный), а шудра таковым не был. Это приводит к выводу, что грань прокладывалась чисто этническая: для причисле-

ния к разряду двиджа нужно было иметь арийскую кровь. Об этом же принципе крови говорит и слово «джати» — термин, как мы видели, чисто биологический.

При этом расовые особенности, по-видимому, играли роль в распределении труда. Можно также догадаться, что многие прежние цехи превратились в касты. Приведем примеры этих каст.

Сайрандхра описывается как человек, искусный в услужении своему господину; он не раб, но живет, как раб, и промышляет ловлей животных. Майтреяка описывается сладкоголосым певцом, который звоном в колокол возвещает появление зари и непрерывно восхваляет великих людей. Каравара — кожевник; пандусопака — делатель челноков; антьявасайи — занят в обряде похорон и презирается даже людьми, исключенными из общины ариев⁶⁹. Далее текст говорит: «Для сут [подобаает] уход за лошадьми и колесницами; для амбаштхов — врачевание, для вайдехаки — служение женщинам, для магадхов — торговля. Для нишадов — рыболовство, для айогавы — плотничество, для медов, андхров, чучу и мадху — охота на диких животных. Для кшаттаров, угр и пулькасов — ловля и умерщвление [животных], живущих в норах, для дхигванов — обработка кожи, для вендов — игра на музыкальных инструментах»⁷⁰.

Все это были низкие касты, они должны были заявлять о себе особыми приметами — знаками, сигналами, звуками.

Но были и еще более низкие касты, которые могли опрочить человека не только своим касанием, но и приближением; такими считались чандалы и швапачи, которые признавались апатра⁷¹. Они могли жить только вне деревни. «Одеждами [должны быть им] одеяния мертвых. Пища [должна им даваться] в разбитой посуде, украшения [их должны быть] из железа, и они должны постоянно кочевать»⁷².

Относительно возможности переменить касту, повышая ее, текст «Ману» не даст определенной картины. Указание на Вишвамитру, сделавшегося брахманом благодаря скромности и добрым делам⁷³, говорит о давно минувшем событии и приводится с явно педагогической целью. Правда, есть один способ повышения в касте; если женщина из шудр выйдет замуж за брахмана, и ее дочь также будет иметь

брахмана мужем, и так будет повторяться семь поколений, то конечное поколение может получить брахманство⁷⁴.

Случаев понижения в касте «Ману» приводит много. Наиболее повторяющийся случай — это брак с особой более низкой касты, приводящий к переходу в разряд смешанных каст или падение в разряд более низкой варны. В этом случае перед нами опять-таки биологический момент: «загрязнение» крови вызывает понижение в касте. К понижению в касте приводит также оскорбление брахмана, невыполнение установленных ритуалов, употребление запрещенных напитков, убийство лошади, осла, верблюда или оленя и т. д. Но все-таки кастовая система времен «Ману» прежде всего основывалась на чистоте крови⁷⁵.

Рядом с иерархией каст мы находим глубоко разработанную систему, согласно которой окружающий мир поделен на разрешенное и запретное. Пища, предметы, животные и люди и т. д. разделены на две категории — чистых и нечистых, и параллельно с этим перечислен ряд актов, предметов и церемоний, искупающих грех загрязнения или очищающих человека. Сюда автор относит строгость жизни, самообладание, огонь, воду, землю, священную пищу, ветер, священные правила, солнце, щедрость, священное писание и т. д. Непреложный тон, которым автор описывает осквернения и очищения, а также отсутствие какой бы то ни было мотивировки говорят о том, что все эти нормы проникли в систему касты очень давно и стали догмой.

Не приходится, конечно, удивляться, что варны, поставленные социально на разные ступени, пользовались неравными правами как в области правосудия, так и в сфере экономических привилегий. Одно обращение судьи к свидетелю на суде должно было меняться в зависимости от варны; к брахману судья обращался: «скажи», к кшатрию: «скажи правду», вайшью он должен был предупредить, что лжесвидетельство подобно краже имущества, а шудре он напоминал об ожидающем его в случае лжесвидетельства наказании⁷⁶. Системы наказания за содеянное в зависимости от варны преступника были разнообразны: смертная казнь, например, очень часто ожидала представителей трех варн, но брахман был от нее свободен. При нахождении кладов брахман

мог взять все, а представители остальных варн только часть, соответствующую их достоинству. При отсутствии наследников имущество умершего забиралось царем, но только не имущество умершего брахмана, которое распределялось между брахманами...

Дхармашастры, как правило, старались оградить женщин от мужчин более низких каст. Но брак вне варны запрещается не всегда. Лишь шудра должен иметь жену шудрянку, но последняя может быть второй женой вайшьи, третьей женой кшатрия и четвертой женой брахмана. Впрочем, этому разрешению противоречит ряд предписаний, согласно которым дваждырожденных следует наказывать за браки с низкими кастами⁷⁷. С особой энергией законодатель карает браки мужчин низких каст с женщинами высоких; такие браки строго запрещаются как «Ману», так и другими дхармашастрами. Брак же брахманки с шудрой внушает их авторам неопишуемый ужас; потомки от такого мезальянса приравниваются к чандалам. В рассуждениях о наследовании дети, родившиеся в результате таких браков («браки против семени»), не берутся в расчет.

Прелюбодеяние наказывается, по «Ману», очень строго, начиная с «ужасного» клейма, наложенного на тело грешника, и его изгнания и кончая отланием согрешившей женщины на съедение псам и сожжением мужчины. В этом нет ничего оригинального, так как это совпадает с тоном многих древних законодательств⁷⁸. Гораздо интереснее те места, где автор рассматривает формы прелюбодеяния, — здесь охрана чистоты крови как основной цели ясно выступает наружу. Автора мало беспокоят разновидности прелюбодеяния, он даже не склонен особенно разбирать случай изнасилования — все его внимание устремлено на разницу каст. «Кто обесчестит против ее воли девушку, тот немедленно подлежит телесному наказанию; но человек, обесчестивший с ее согласия, не подлежит телесному наказанию, если он равен ей... Низший, сошедшийся с высшей, заслуживает телесного наказания; сошедшемуся с равной полагается уплатить брачное вознаграждение, если отец согласен»⁷⁹. То же устремление к охране крови видно и в следующем предписании: «Шудра, сожительствующий с [женщиной] дваждырожден-

ных варн — охраняемую или неохраняемую, — лишается: с неохраняемую — детородного члена и всего имущества; если с охраняемую — всего [даже жизни]. Но если вайшья или кшатрий имеют связь с неохраняемой брахманкой, вайшья надо оштрафовать пятьюстами [пан], а кшатрия — тысячу. Но если они оба согрешили с охраняемой брахманкой, они должны быть наказаны как шудра или сожжены на огне из сухой травы»⁸⁰.

Типы каст

Мы уже говорили, что каст насчитывается в Индии более трех тысяч, а одних лишь брахманских подкаст — более восьмисот⁸¹. Чтобы разобраться в таком лесу, необходимо распределить касты по каким-либо крупным группам, объединенным общими признаками. Следуя Рисли, мы получим семь типов каст: 1) племенные, 2) функциональные или ремесленные, 3) сектантские, 4) смешанные, 5) национальные, 6) образовавшиеся в результате переселений, 7) образовавшиеся в результате перемены обычаев.

Племенные касты

Под племенными кастами понимаются те, которые в своем нынешнем составе сохранили явные следы прежнего племенного состояния. По всей Индии заметна постепенная и почти неуловимая трансформация племен в касты. Этот процесс крайне ценен для понимания как касты.

В процессе преобразования племени в касту есть несколько форм, которые не просто повторяются, но возникают самостоятельно в разных местах и в разное время. Вот наиболее типичные:

а) Вожди или богачи какого-либо племени, успевшие сориентироваться в хитростях мира и сделавшиеся самостоятельными поземельными собственниками, решают превратиться в представителей какой-либо видной касты. Они чаще всего дебютируют в качестве потомков раджпутов⁸²;

в этом случае первым их шагом будет найти жреца-брахмана, который придумал бы для них мифического предка, открыл бы затем какое-либо «семейное чудо», связанное с местностью, где проживает племя, и, наконец, удостоверил, что новоявленный дворянин происходит от какого-либо клана, чаще неведомого, великой раджпутской общины. На первых шагах своего выхода в люди эти честолюбцы встречают немало затруднений, особенно в деле выдачи замуж своих дочерей, так как выбирать им мужей в своем племени они не хотят, а настоящие раджпуты не снизойдут до роли мужей этих девиц. Однако после одного или двух поколений упорство новых аристократов пожинает плоды, и они начинают вступать в брачные сношения если и не с настоящими раджпутами, то по крайней мере с такой фабрикацией их, которая процесс вхождения в кастовую среду совершила много раньше и заставила забыть сомнительность пушенных в ход при этом приемов. Новые раджпуты в дальнейшем теснее и теснее будут связываться с «индусами чистой крови», и ничто не вернет их уже в старое русло дравидского или монголоидного племени. От последнего они теперь оторваны в полном смысле слова и отныне будут признаваться индусами высокой касты. Все стадии подобного процесса с фамильным чудом и пр. могут быть иллюстрированы полностью и многократно действительными случаями, имевшими место, например, среди выдвинувшихся семейств в Чхота-Нагпуре.

б) Некоторое число представителей какого-либо из племен обращается в индуизм, вступая в какую-либо из его сект, то есть становится вишнуитами, лингаятами, шиваитами и т. п. В результате новообращенные обычно исчезают как аборигены, и налицо — новая каста или придаток к какой-либо старой.

в) Целое племя аборигенов или значительная часть племени обращаются в лоно индуизма под именем новой касты, которая претендует на древнее происхождение. Так, большая группа из народа коч, обитатели округов Джайпалгури, Рангпура и части Динаджпура, называет себя раджбанси-коч и утверждает, что они являются потомками отдельной ветви кшатриев, убежавших якобы когда-то в Северную Бенга-

лию от Парашурамы⁸³. Они претендуют на дальнейшее родство с раджей Дашаратхой, отцом Рамы, принимают брахманов, подражают брахманским обычаям в брачных церемониях и начинают усваивать брахманскую систему готр⁸⁴. По обычаям их совершенно нельзя отличить от индоариев, хотя в них нет и примеси арийской крови.

г) Целое племя аборигенов или часть племени постепенно обращаются в индуизм, сохраняя свое имя, как это случилось с бхумидж в Бихаре. Этот чисто дравидский народ потерял свой первичный язык и ныне говорит только на бенгали; бхумидж почитают индусских богов в придачу к своим собственным. Таким путем племя постепенно совсем освободится от всех обычаев, которые могли бы выдать его истинное происхождение, и станет кастой в полном смысле слова.

Этот процесс в разных его стадиях можно отыскать и теперь во всех углах Индии. Он, несомненно, имел место в течение длинного ряда столетий, и давно уже было сделано предположение, что шудры индоарийской традиции были первоначально дравидским племенем, которое оказалось включено в общую социальную систему завоевателями в виде низкой касты. Как образчики подобных трансформаций и примеры национальных каст могут быть приведены ахиры, домы и досадхи Соединенных провинций и Бихара; гуджары, джаты, мео и раджпуты Раджпутаны и Пенджаба; коли и махары Бомбея; багди, баури, чандалы (намашудра), кайбарта, поды и раджбанси-коч Бенгалии, Бихара и Ориссы; и, наконец, в Мадрасе — малы, найяры, веллалы и параяны (пари); последние сохраняют и поныне память о тех временах, когда они еще не были осуждены на низменное место в социальной системе индусов.

Ремесленные касты

Касты функционального и ремесленного типа столь многочисленны и так широко разбросаны, а их особенности столь отчетливы, что общность (однотипность) труда нередко рассматривалась как главный фактор в их образовании и эволюции. Почти каждая каста претендует на традиционное

занятие, хотя многие из ее членов уже покинули его; усвоение нового занятия или перемена первоначального часто могут дать повод сначала к созданию подкаст, которые затем постепенно превращаются в самостоятельные касты. Среди крупных каст функционального типа заслуживают упоминания: ахиры — по традиции пастухи, брахманы — жрецы, чамары и мочи — кожевники, чухра, бханги и домы — мусорщики, досадхи — деревенские сторожа и рассыльные, гоала, или гола, — молочники, кайбарта и кеваты — рыбаки и земледельцы, кайястхи — писцы, коери и качхи — огородники, кумхары — горшечники, поды — рыбаки и тели, или тили, — выжиматели и продавцы масла. Но процент членов касты, которые действительно следуют традиционному занятию, у них весьма разнится. Интересный случай образования касты на основе особого занятия представляют собой гарпагари, или заклинатели града, в маратхских округах Центральных провинций.

Перемена занятий, особенно у низких каст, часто влечет за собою формирование отдельных каст. Садгопы Бенгалии обратились к земледелию и порвали с пастушеской кастой, к которой раньше принадлежали; образованные кайбарта и поды постепенно отошли от собратьев, которые не усвоили английский язык; мадхунапиты, прежде цирюльники, сделались кондитерами; чаши-дхоби, прежде прачки, обратились к земледелию и т. д.

Сектантские касты

Каст сектантского типа немного. Как это часто бывало в Индии, какой-либо человеколюбивый энтузиаст провозглашал формулу (или несколько), которая обещала всеобщее равенство и вообще проповедовала просторные горизонты счастья и свободы. Формула собирала людей, которые, пока они могли еще жить ожиданиями и не теряли своего энтузиазма, обходились религиозной обстановкой, возрастая в количестве и вбирая в свою общину все более и более разнообразные элементы. Но со временем практические трудности в достижении идеалов становились ясными для всех, настроение падало; члены секты приходили

к выводу, что их община стала слишком пестра и не может уже управляться только путем воззваний к чувству; тогда они приходили к необходимости реорганизовать себя по образу, который был под рукою, то есть преобразовывались в касту.

Интересный образчик такого подхода представляет собою каста лингятов, или вира-шайва, обитающая в провинции Бомбей и в Южной Индии и по переписи 1921 года насчитывавшая 2738 214 членов. Основанная как секта в XII веке брахманом из Биджапура по имени Бхасава, который провозгласил равенство всех, кто получил от него благословение и кто носил на себе лингу — стилизованное изображение фаллоса, община лингятов на первых шагах не признавала касты и не допускала к себе брахманов в качестве жрецов, но на склоне XVII века, то есть через 500 лет, она начала формировать подкасты, основанные на социальных различиях, когда-то решительно отвергнутых основателем. Ко времени переписи 1901 года процесс образования подкаст зашел так далеко, что община лингятов даже обратилась к правительству Индии с протестом против «в высшей степени обидного и вредного распоряжения», чтобы все члены общины на опросном листке переписи называли себя принадлежащими к одной и той же касте; лингяты просили, чтобы их в зависимости от положения регистрировали как брахманов, кшатриев, вайшьев или шудр.

Это поучительная иллюстрация увлечения народа Индии теми формами, которые дает кастовая схема. Легенда о четырех исходных кастах едва ли имеет под собою историческую базу, но ее влияние, вне сомнения, очень сильно.

Смешанные касты

Традиционная индусская теория все множество смешанных или низших каст выводит из серий сложных перекрещиваний между членами основных четырех; при внимательном изучении каст абсурдность и непоследовательность этой теории очевидны. Однако теоретики давних времен нашли это объяснение размножения каст наиболее подходящим для проповеди: оно наглядно и зиждется на основном дог-

мате касты — чистоте крови. Согласно этой проповеди все касты, вышедшие из племени или образовавшиеся путем слияния племен, касты, развившиеся из торговых корпораций, касты, выражавшие различие между охотой и рыболовством, земледелием и ремеслами, касты, отражавшие честолюбие разжившихся членов общины... — это продукт перекрещивания.

Впрочем, в этом взгляде наличествует и своя доля исторической правды. Человек иногда женится на женщине другого племени, но потомки от этого союза не делаются членами ни отцовской, ни материнской группы, а образуют свою отдельную группу, название которой иногда говорит о процессе бывшего перекрещивания. Например, среди огромного племени мунда имеется девять подобных групп, имена которых говорят о происхождении их путем брака между мужчинами мунда и женщинами других племен. Таких примеров много.

Среди членов высоких каст в Ориссе, а также у кайястхов, эмигрировавших сюда из Бенгалии, распространен обычай брать себе в качестве прислуг и наложниц женщин, принадлежащих к более низким, но чистым кастам вроде часи и бандхари. Дети от этих служанок известны под именем «шагирдпеша» (слуги). Они образуют правильную касту обычного типа и делятся на эндогамные группы, различающиеся по касте отца... Каста матери не дает разницы в рангах детей, но те, которые насчитывают несколько поколений от первичного родителя, значатся выше тех, чье поколение ближе к незаконному браку. Родство между законными детьми человека высокой касты и их незаконными братьями и сестрами признается, но последние не могут есть с первыми. Каста шагирдпеша считается очень молодой.

Более древнюю, относящуюся, может быть, ко времени задолго до нашей эры картину образования касты путем перекрещивания представляют собою кхасы Непала, которые, по-видимому, являются потомками смешанных браков между раджпутами или брахманами, переселившимися в Непал, и монголоидками — местными жительницами.

Национальные касты

Несомненно, в Индии можно найти группы, теперь считае-
мые обычными кастами, которые старательно хранят воспо-
минания о бывшем политическом господстве и в своих осо-
бенностях сохранили следы более усложненной организации,
чем это свойственно обыкновенным племенам. Образчик
национальной касты представляют собой, например, нева-
ры, народ монголоидного типа, когда-то господствовавший
в Непале. Невары включают в себя как индуистов, так и буд-
дистов; обе эти общины сильно различаются между собой,
и каждая подразделяется на очень развитую серию подкаст.

Касты переселенцев

Когда члены какой-либо касты покидают свое постоянное
местожительство и селятся прочно в другой части Индии,
они обнаруживают тенденцию к превращению в отдельную
касту. Стадии этого процесса намечаются с достаточной
отчетливостью. Переселенцы часто вынуждены есть запре-
щенную пищу или нарушать правила, согласно которым
следует употреблять еду, служить чужим богам и вступать
в сношения с чужими женщинами. В результате эмигранты
отрываются от своего народа и женятся только в пределах
своей группы, поначалу образуя особую подкасту, обычно
называемую по местности их проживания, а затем уж и обре-
тая черты полноценной касты.

Хороший пример образования касты в результате пере-
селений — малабарские брахманы намбудури. Они претен-
дуют называться потомками людей, пришедших к западно-
му берегу Индии от различных священных мест Катхиавара
и Северного Декана. Их сложение и черты лица как будто
подтверждают это. Но каково бы ни было их происжде-
ние, в настоящее время они являются совершенно отдель-
ной кастой, отличающейся от брахманов большинства дру-
гих частей Индии — например, тенденцией к полигамии,
непризнанием детских браков, эндогамностью брака лишь
старшего сына и т. д.

Другой пример представляют бенгальские бархи-брахманы. Легенда повествует, что в начале XI века раджа Адишвара, убедившись, что осевшие в Бенгалии брахманы слишком невежественны, чтобы совершать ведийские церемонии, обратился к радже Канауджа (Каньякубджи) с просьбой прислать жрецов, опытных в священном ритуале ариев. В ответ на просьбу были посланы Адишваре пять канауджских брахманов, которые привезли с собою жен, священный огонь и жертвенную утварь; от этих пришельцев и произошли бархи-брахманы. Все это очень правдоподобно: Адишвара сделал то, что раджи отдаленных районов (каким и была Бенгалия в XI веке) делали постоянно. Местный властитель, отброшенный далеко от больших центров брахманского учения, каким-то путем начинает постигать недостаточность или ошибочность совершаемого около него церемониала. Он посылает за более авторитетными брахманами, дарит им земельные участки возле своей резиденции и приступает под их диктовку к реформированию как личного поведения, так и религиозного распорядка, следуя при этом образцу благочестивых царей, вознесенных брахманской литературой на степень идеала, обязательного для всякого монарха. Браhманы придумывают для своего покровителя генеалогию почтенной древности, снабжают его какой-либо красочной фамильной легендой, и с ходом времени при помощи денег и дипломатии раджа получает признание как член местной раджпутской общины, то есть как член касты кшатриев. Это, однако, не значит, что действительные раджпуты пойдут на признание его претензий. Но и брахманы, связавшие судьбу с судьбой этого властителя, не сохранят своего статуса в той общине, которую они покинули, и, следовательно, пойдут по пути образования новой касты.

При таких эмиграциях — правда, как редкое исключение — может осуществиться и социальное повышение. В Чанде, отдаленном округе Центральных провинций, группа людей по переписи 1901 года зарегистрировала себя как бараики. Они утверждали, что происходят из клана раджпутов в Ориссе, которые когда-то пришли в Нагпур в свите раджей Бхонсле и несли при них военную службу. В то же время в Чхота-Нагпуре имеется подкаста касты панов, по имени бараики

или чик-бараики, — рабочие-ткачи и плетельщики корзин, которые выполняют работы у более развитых дравидских племен. Конечно, в данном случае может быть и простое совпадение названий, но немало шансов и в пользу того, что бараикская группа раджутов в Чанде ведет свое начало от очень скромного чхота-нагпурского источника.

Касты, образованные в результате
перемены обычаев

Образование новых каст как результат небрежения старыми обычаями или усвоения новых ритуальных приемов — заурядное явление с самых далеких дней. Люди, не получившие в нужное время посвящения в таинства или предавшиеся запрещенным занятиям, становятся вратья (неправедные), или внекастовыми, а потомки их признаются отдельной кастой. Жить как вратья уже само по себе вызывает исключение из первоначальной касты, и брахман, совершающий для таких людей службу, подлежит покаянию.

Примеров подобных изменений очень много. Например, «Сканда-пурана» рассказывает один эпизод из похода Парашурамы против кшатриев; смысл рассказа — показать, что кайястхи по рождению — кшатрии чистой крови, но за допущение обрядов шудр⁸⁵ они стали вратья. Бабханы, или бхуинхары Соединенных провинций и Бихара, по данным некоторых легенд, были когда-то брахманами, но потеряли свое положение потому, что стали заниматься земледелием.

Этнографическая картина Индии была бы не полна без описания бытовой стороны местной жизни. Но сразу надо сказать, что, пытаясь набросать бытовой пейзаж, мы встречаемся даже с еще большей пестротой, чем мы наблюдали при изучении каст, религии и т. д. Нет никакой возможности, хотя бы приблизительно, исчерпать необъятное содержание темы, столь капризно мняющейся в нюансах и подробностях при переходе от одной местности, или от одной народности, или от одного языка... к другим. Придется поневоле, как и делается обычно, ограничиться наиболее яркими или крупными явлениями и взять из них наиболее типичные и наглядные, хотя для этого придется затрагивать то один угол Индии, то другой, очень далекий от первого.

Нужно заметить в оправдание возможной неудачи, что литература по Индии — при всей ее исключительной обширности — в области быта не дает нам чего-либо законченного или систематического; мы часто видим картину, отражающую быт какого-либо отдельного района или обычаи разных народных групп, и эта картина не создает у читателя цельного впечатления. Нельзя упрекать авторов за это, потому что перед ними встает задача необычайной трудности...

Деревня

На фоне общего бытового пейзажа Индии деревня является наиболее устойчивым и типичным ее объектом, она неотъемлема от страны, как обезьяна от ее животного мира или бамбук от растительного. Это отчетливая единица, центр настоящей и неизменной народной жизни. Во многих местах Индии деревня сохранила свой облик с далекого прошлого почти совершенно неизменным, оставшись «маленькой республикой, имеющей в своем распоряжении почти все, что ей нужно, и совершенно независимой от внешних сношений»⁸⁶.

Эта устойчивость, неизменность деревни просто паразитична, но она и понятна, ибо деревня всегда оставалась «истинной родиной индуса»⁸⁷. Государственная власть, сменяя одна другую, требовала от людей лишь повиновения и податей, не давая почти ничего взамен, а в родной деревне человек находил все: правительство, его защищавшее (панчаят), судью, оберегавшего его права, жреца, который правил его душой, поэта и баядерку*, увлекавших его чувства и глаза, сограждан, составлявших его семью... Что же мудреного, что к большой власти он относился как для него чуждой, понимал ее по-своему и, в сущности, никогда не знал ее. Деревня же для него оставалась родиной, семьей, школой, могилой, ячейкой и всем миром в одно и то же время.

Набросаем облик одной из деревень Соединенных провинций, расположенных недалеко от границы с Пенджабом. Деревня, нужно отметить, не означает только улицу или группу зданий, как, например, в современной Англии; одновременно она обнимает как группу домов с улицами или площадями, так и окружающие их обработанные поля. Все это, взятое вместе, носит свое местное название и имеет определенные границы.

В рассматриваемой нами деревне около 600 акров земли. Почва не всюду одинаковая: то глинистая, то песчаная; неко-

* Баядерка (*норм.* «танцовщица») — европейское название храмовых танцовщиц и певиц в Индии; то же, что и деваласи.

торые участки покрыты кустарником и мало выгодны для возделывания, обычно они остаются под выпас скота. Вообще почва бедна и далека по качеству от черных почв к югу от Джамны, которые так радуют земледельца своим плодородием. Возле деревни два ручейка впадают в небольшую речонку. Имеется четыре пруда: три расположены далеко от деревни, и ими пользуются для ирригации в период между сезонами муссонов, когда нивы без воды рискуют пострадать. В случае слабого муссона, а особенно когда совсем не бывает дождя, эти пруды высыхают и становятся бесполезными, так как они не располагают ключами и своим запасом воды всецело обязаны дождям.

Во время интервалов между муссонами земледельцы проводят из прудов небольшие каналы и простыми приемами (плетенками, корзинками...) выбрасывают воду вверх в свой канальчик. Если поля выше уровня воды, прием на коротких расстояниях повторяется несколько раз, чем в конце концов достигается скромное орошение нивы. Чтобы предупредить споры относительно времени, когда кто может орошать свои поля, выработан общим согласием определенный кругооборот, и в нем договорившиеся хорошо разбираются. Напомним, что речь идет о деревне, поля которой не орошаются из канала и которая не пользуется системой колодцев.

Помимо упомянутых отдаленных прудов близко к деревне имеется еще один деревенский пруд, водой из которого поят деревенский скот. Происходит это обычно к концу дня. Скот к этому времени направляется домой со своих пастбищ, поднимая по пути огромные облака пыли; поэтому на деревенском жаргоне вечернее время называется «временем пыли». После водопоя животные или загоняются в небольшие стойла, или иногда оставляются на пустошах... Нередко бывает, что они помешаются в самих хижинах, куда люди и животные собираются вместе. В жаркое время скот часто остается на открытом воздухе, прямо на улицах деревни. Путнику, идущему ночью по деревне, приходится в таком случае шагать в лабиринте быков, коров, буйволов, телят, лошадей, а иногда и тяжелых деревенских телег.

Не входя пока в деревню, бросим взгляд на ее поля. Март месяц, и поля покрыты созревшими колосьями. В рассма-

триваемой деревне более всего сеют пшеницу, ячмень, лен на семя и картофель. Участки отделены один от другого небольшим земляным валиком. Каждый участок представляет собою крошечную по размерам площадку в пятую часть акра, некоторые даже меньше. Рисовые площадки иногда бывают и до пятнадцатой части акра; впрочем, рис принадлежит к осенней культуре. Дорог мало, и они далеки одна от другой, потому что нужда в земле слишком велика; земледелец предпочитает с тяжело нагруженной телегой ехать по полям соседа, находящимся под паром. Даже пешеходных тропинок немного, причем они чаще всего идут по меже между полевыми участками. Если посмотреть с высоты птичьего полета на поля деревни, то пред взором мелькнет сетка небольших квадратных или прямоугольных площадок, из которых одни покрыты созревшим хлебом, другие лежат под паром, а иные пахутся и боронятся под сахарный тростник.

Нужно заметить, что в деревне очень мало деревьев. В основном они сосредоточены в точно очерченных рощах. Две-три группы манговых деревьев видны среди полей. Некоторые деревья дают материал для построек и поделок (тун, шишам и ним). Манго тоже доставляет такой материал, но это дерево выращивается главным образом из-за его плодов; в этом смысле оно считается очень ценным. Если дерево находится неподалеку от нивы, его тень будет мешать растущим хлебам; поэтому земледельцы стараются по возможности засадить деревьями те впадины и склоны, которые не особенно пригодны для жатвы.

Тенистые деревья вроде знаменитого баньяна или пипала можно видеть в самой деревне и на ее окраинах, но не на полях. Часто в их тени ютятся часовни племенного или местного бога, а в дуплистых стволах обитают змеи. Так как эти последние признаются священными, а иногда даже играют роль гения-покровителя деревни, жители не только не обижают их и не питают к ним страха, но и иногда поят их молоком.

На ветвях деревьев мы найдем сложную семью пернатых. Голуби, горлицы, майны⁸⁸, зеленые попугаи, воробьи, вороны и совы — обычные жильцы этих деревьев; а полосатая

красивая белка, с игривой живостью прыгающая с ветки на ветку и доверчиво спускающаяся на землю, чтобы подхватить крошки хлеба, бросаемые деревенским мальчуганом, оживляет ленивый животный мир.

Стада антилоп обитают в междудеревенских пространствах; они почти ручные и позволяют местному жителю подходить чуть ли не на пятнадцать — двадцать шагов, но при виде охотников они ведут себя много осторожнее. Несмотря на свои спиральные рога до семидесяти сантиметров длиной, антилопы легко пробивают себе дорогу через густые чащи сахарного тростника. Житель деревни смотрит на них как на безобидных друзей, за исключением случая, когда они слишком близко подходят к нивам, прилегающим к деревне, и начинают поедать молодые побеги драгоценной жатвы. Но едва житель прогонит этих своих «друзей», как появляются группы обезьян; с этими справиться куда труднее. При подходе человека они взбираются на деревья, но, едва угроза минует, тотчас же вновь спускаются к колосьям.

Подойдем теперь к деревенским обиталищам. Они обыкновенно располагаются на некотором возвышении (род покато́го холма); столетия жизни деревни на одном и том же месте оставили след в виде разных накоплений и осадков, поднявших местность над прилегающими пространствами. Если углубиться в эти наносы, то можно натолкнуться на следы жизни предков современного жителя деревни: медные и серебряные монеты, женские браслеты, куски глиняной посуды и т. д. Но пройдем мимо этих археологических остатков и подойдем к жителю деревни.

Перед нами человек в голубом кафтане и красном тюрбане, с длинной бамбуковой палкой в руках. Палка до двух метров длиной имеет медные набалдашники на краях и достаточно увесиста, чтобы в рукопашной схватке усмирить пару-другую нарушителей общественного порядка. Собственник оружия высоко несет свою голову и, по-видимому, смотрит на свою палку как на эмблему божественной власти. Это гордое существо — местное начальство и по совместительству деревенский ночной сторож, по-местному чаукидар; его месячное жалованье очень невелико, придатком к нему он получает небольшую долю зерна после жатвы.

Но чаукидар в незамысловатом воображении обитателей деревни — фигура крупная и мыслится как представитель сильной центральной власти. Закон дает чаукидару даже право ареста виновных в случае маловажных проступков. А так как чаукидар далеко не законник, то он нередко переходит границы предоставленной ему власти. Но деревня, куда и ветром не заносит знающих закон, не станет критиковать эти «превышения власти» и даже не будет осуждать нарушителя, лишь бы он в своей начальнической суровости не переходил границ, необходимых ему для поддержания своего достоинства. А если он эти административные функции сочетает с несколько грубоватым юмором и наставительностью, то его престиж поднимается много выше того, который чувствует чиновник перед особой даже самого губернатора.

В выполнении своих полицейских функций чаукидар проявляет обычно много искусства, энергии и находчивости. Однако он не только «полицейский» — он еще регистратор рождений и смертей. Дело не из легких, так как чаукидар совершенно безграмотен, а между тем ему дается тетрадь, в которую должны заноситься указанные явления, случающиеся в деревне. Обычно чаукидар прибегает к услугам деревенского счетчика или учителя. Когда книга в итоге оказывается веденной правильно, чаукидар искренно принимает на свой счет выпадающие блага и благодарности, но, если встречаются ошибки или промахи, он умело сходит со сцены и кивает на своего помощника-грамотея.

Чаукидар обычно человек низкой касты, очень часто даже из касты профессиональных воров или преступников. Ведь брахман, оказавшись он на месте чаукидара, был бы наверняка поставлен в трудное положение необходимостью арестовать провинившегося ассенизатора.

Следующим лицом, заслуживающим нашего внимания, будет деревенский счетчик, или писарь, по-местному патвари (в Северной Индии и Центральные провинциях), кулкарни (на западе), карнам (на юге) и т. д.⁸⁹ Он до некоторой степени представитель правительства, но он не располагает какими-либо правами и в глазах деревни менее почтенен, чем чаукидар. Счетчик — человек образованный, он умеет оперировать с большими и запутанными деньгами не хуже

банковского клерка. Поземельное обложение, один из главных доходов правительства, собирается с деревни часто до крайности миниатюрными долями; без счетчика этот сбор с безграмотного и темного населения был бы невыносим.

Но это лишь одна сторона его работы. Внутри самой деревни раскладка платсжей на разные дворы и долговые обязательства представляют собой дело очень сложное. Например, владельцы поземельных участков, сами не обрабатывающие землю, но сдающие ее в аренду, едва ли без счетчика могли бы определить размеры причитающейся им ренты, и с кого именно. Арендаторы никогда между собой не установили бы, сколько каждый из них арендует земли по официальному учету (хотя на глаз и по своим выкладкам они, может быть, и хорошо это знают) и сколько на долю каждого выпадает арендных денег. Наконец, некоторые собственники земли часть ее обрабатывают сами, часть отдают в аренду; в этом случае расчетный узел затягивается еще туже, и один только счетчик в силах его распутать.

Но этого мало. Деревня имеет свои специальные расходы и траты. В прежние времена деревня старалась приютить странников (особенно богомольцев), калек, нищих и т. д., которые систематически приходили к ее порогу. Из этого правила до наших дней дошел обычай кормить брахманов и нищих. Часто в деревню наезжает чиновный люд с ревизиями, обследованиями, в порядке надзора, и политика заставляет обитателей проявить к гостям возможное внимание. Вытекающие расходы по тонкой линии между подкупом и законными тратами может провести только мудрый счетчик. Особенно характерны из деревенских издержек расходы на цыган и акробатов или странствующих бардов (в раджпутских деревнях), воспевающих прошлое и предков. Отстоять издержки, умно их мотивировать, защитить их даже перед судом и свести годовой баланс, учитывая их, — все это составляет одну из тонких обязанностей деревенского счетчика.

Но он не только представитель правительства и представитель деревни перед правительством — он неотъемлемое колесо в многогранных нуждах деревни, так или иначе связанных с письменностью. Он ведет корреспонденцию со всеми

«далекими» (это нужно понимать «живущими вне деревни») родственниками и друзьями, читает адресатам полученные письма, пишет жалобы в суд, отписки на разные требования властей, он — поверенный всех сердечных дел, выходящих за пределы деревни, и т. д.; словом, для безграмотного люда деревни он — величина необходимая. И счетчик знает себе цену: сверх месячного жалованья, которое раза в два больше, чем у чаукидара, он получает подарки разного вида за оказываемые услуги и, кроме того, вымогает некоторые суммы путями, ему одному ведомыми; в результате он в пять-шесть раз увеличивает сумму официально получаемого содержания. Он может принадлежать к любой из каст, но чаще всего это будет или брахман, или кайястх.

Но все же главная персона в деревне — это ламбардар⁹⁰, или староста. Он является представителем в деревне обеспеченного класса. Обычно ламбардар — наиболее богатый из зажиточных людей деревни, то есть фактически хозяин пяти — десяти акров земли. У иного ламбардара будет даже каменный дом, покрытый черепицей, — может быть, единственный в деревне дом этого рода, так как остальные — это простые мазанки, тесно примыкающие одна к другой. Дом ламбардара содержит в себе иногда несколько особых комнат, имеющих выход на улицу и служащих местом сбора для деревенской публики. Если деревня достаточно велика, чтобы иметь школу, но еще недостаточно велика, чтобы правительство такую школу построило, дети обычно собираются в «общественных апартаментах» ламбардара. Здесь же принимаются всякого рода подати и налоги. Когда приходит время сбора поземельного налога, деревенский счетчик садится по одну сторону комнаты со своими ведомостями, пером и чернильницей, а ламбардар — по другую, а посыльные ламбардара (обычно его арендаторы) бегают по всей деревне, собирая запоздалые гроши, и приносят их начальству, дабы последнее могло вовремя отчитаться перед правительством. Если ламбардар — друг бедных и защитник нуждающихся и бездомных, что в деревенском обиходе случается, то его дом в эти дни осаждается просителями разных типов, которые с криком, слезами, биением в грудь будут повествовать ему о своих горестях и нуждах.

В тех же апартаментах собираются деревенские политики и сплетники, чтобы поговорить о деревенских событиях, узнать новости и вообще так или иначе расширить свои сведения; тогда комнаты ламбардара превращаются в клуб и несколько заменяют газеты, о которых деревня имеет лишь смутное представление. Ламбардар обычно имеет наготове около полдюжины трубок, дабы гости могли покурить во время разговора. Факиры и другие религиозные аскеты, проходящие через деревню, уверенно стучатся в дверь ламбардара и всегда найдут приют в его апартаментах.

Рядом с апартаментами ламбардар имеет и свой частный дом. К нему интересно присмотреться ближе, так как он является прототипом каждого из деревенских домов с той лишь разницей, что имеет бóльшие размеры и лучшую обстановку. Внутри дома находится двор, который совершенно открыт солнечным лучам днем и лунным или звездным ночью; эти небесные фонари достаточно реально выполняют свои обязанности освещения. Вокруг двора с трех сторон группируется известное число, так сказать, внутренних комнат. Одни из них служат кладовыми, другие — стойлами для скота. Ламбардар редко держит лошадь для себя лично — обычно он слишком грузен для верховой езды, но у него часто имеется небольшая лошадка для почетных гостей, а иногда ею пользуется счетчик, когда отправляется в штаб-квартиру округа по делам службы.

Комнаты мужской половины дома ламбардара не представляют собой чего-то отдельного, как в европейских домах; чаще они вместе выглядят как длинный сарай, покрытый крышей и без дверей, в лучшем случае будут висеть разгораживающие циновки. Здесь мужчины проводят время, курят, спят ночью.

Женская половина расположена во внутренней части дома, по возможности обособленно, и снабжена дверями. Но не нужно делать заключений, что женщины наглухо отсоединены от мира. Деревенская женщина, насколько это ей нужно, свободно ходит по улицам и полям, хотя ее жизнь все же протекает более замкнуто, чем жизнь мужчины, которая вся на глазах. Здесь, во внутренней части дома, сложено наибо-

лее ценное достояние ламбардара — хранится, например, его платье и все, что требует защиты дверями.

Обстановка всех комнат самая простая. Имеется несколько кроватей, так называемых чарпай, — четыре доски, соединенные невысокими ножками, которые используются для сидения, сна, чтобы положить на них одежду, ребенка и т. д. В комнатах нет ни столов, ни стульев, ни картин, ни обоев на стенах. Полы земляные, разве иногда покрытые плетенками из соломы или тонкого хвороста. Кухонный инвентарь сводится к обычным горшкам, металлическим сосудам для питья (чаще медным) и к значительному числу глиняных сосудов; наиболее пористые из них в дни жары будут наполнены водой, которая благодаря процессу непрерывного испарения охлаждается.

В комнате простого, а тем более бедного деревенского жителя все описанное выше должно быть уменьшено в числе и понижено в качестве; в результате мы получим одну-две комнаты, скромнейшую утварь, чтобы только не пить воду ладонями, лохмотья вместо одежды, отсутствие хозяйственного инвентаря и, может быть, коровы, да и украшений у жены не увидим — разве что медные...⁹¹ Здесь бедность и лохмотья смотрят на вас со всех сторон комнаты, вмещающей людей и животных вместе. Существование этих людей всегда висит на волоске, они никогда не знают, что значит поесть досыта, и сводят свои нужды до исключительного минимума, побивая, вероятно, мировой рекорд дешевой жизни. Но как ни убога их жизнь, она все же выглядит бодрее и уютнее, чем жизнь городского бедняка, в которой полно риска и борьбы за существование.

Зерно хранится на дворе в ямах, которые по заполнении покрываются сверху землей, хворостом и т. п., и берется по мере надобности. Ламбардар часто бывает доверенным соучастником в труде и поэтому имеет значительное число ям. Некоторые из них вмещают от 100 до 165 центнеров зерна, и этого запаса хватило бы деревне на несколько лет, если бы зерно не было бы единственной валютой, которой люди располагают для расплаты с долгами и всяких экстраординарных расходов — похорон, свадоб, приемов гостей

и т. д. Все богатство деревенских жителей исчерпывается скотом, запасами зерна, скромным земледельческим инвентарем и украшениями, носимыми женою и детьми. В деревне нет ни банков, ни сберегательных касс, и всякое сбережение хранится в виде серебряных или золотых украшений. Эти украшения — последний резерв крестьянского хозяйства, пускаемый в ход в минуты большой нужды, а особенно в голодные годы.

Обратимся теперь к деревенскому лавочнику и ростовщику (банья, махаджан), которого так часто называют тираном, хищником и кровопийцей. Его лавка представляет собою небольшой глиняный сарай, где по полкам расположены сорок — пятьдесят корзин; в них зерно разных видов, выращиваемых в деревне, соль, перец и другие приправы, а также обычные в деревне бакалейные товары. Банья является постоянным посредником между ламбардаром и соседними базарами, на которых он пролает плоды деревенского урожая. Он снабжает зерном беднейших земледельцев. Последние живут круглый год впроголодь и редко имеют шансы терпеливо дожидаться исхода ближайшей жатвы; очень часто до нового урожая бедняков докармливает тот же банья. Конечно, деревенский банкир наживает хорошие проценты, сто и более⁹², но народ, которому он дает деньги, так убийственно беден, что банья не только лишен шансов получить долг в определенное время, но часто вместо этого вынужден кормить своих должников под новый долг, чтобы поддержать надежду на получение долга вообще в неопределенном будущем. Банья едва ли грамотен в обыкновенном смысле слова, как, например, счетчик, но тем не менее он ведет сложные записи или, вернее, заметки, его расчеты сводятся к непостижимым мелочам (не копейки, а десятые, сотые доли копейки), он держит в голове сотни должников за длинный ряд лет, повторные перекладки и переносы долгов, все помнит, все рассчитает в свою пользу, показывая исключительный образчик арифметики на память. Иногда банья становится богатым человеком, тогда он бросает лавку, приобретает землю и нередко делается даже ламбардаром.

Оценивая личность и роль баньи, исследователи индийской жизни, как это ни странно на наш европейский взгляд,

находят в нем не одни лишь темные стороны, но не прочь подчеркнуть и некоторые положительные, даже светлые. Вот что пишет по этому поводу А. Юсуф-Али: помощь бани как капиталиста и финансиста в нескладном и беспомощном кругообороте деревенской экономики весьма ценна, и если он подчас и не прочь надуть, то делает это не потому, что он хуже своих односельчан, но только потому, что у него больше к тому возможностей и он полностью ими пользуется⁹³.

Индийская деревня как самоуправляющаяся единица всегда в своей среде, кроме земледельцев, имела представителей разных ремесел и искусств: кузнеца, плотника, горшечника, прядильщика, ткача, маслобойщика, ассенизатора, прачку, а также жреца, цирюльника (он же врач, сват и т. д.), астролога, поэта (рассказчика, рапсода) и девадаси. Некоторые из них имеют небольшие наделы земли, которые обрабатываются их женами и детьми, но большинство получают долю от коллективного сбора урожая, то есть живут за счет общего кошелька деревни. И если староста деревни или брахман получают свои крупные доли, а за ними несколько более скромные — сторож и распределитель оросительных вод, то дальнейшие доли будут уменьшаться по своему размеру, завершаясь скромной долей девадаси — балерины, певицы, жрицы любви и духовной жены местного бога.

Рассказывая о деревне, нельзя обойти молчанием факира — ее странное дополнение. Он обычно живет в какой-либо маленькой мазанке или пещере, в стороне от деревни. Что он делает, толком никто не знает. Факир — существо, окутанное тайной; он появляется иногда в наброшенном на тело небольшом куске ткани, которая прикрывает грудь, спускаясь к коленям; он всегда задумчив и сосредоточен, внешне безразличный к хвале и брани мира. Он редко вступает в беседу об обыденных делах, и те дары, которые он получает — чаще это простая пища, — никогда не будут следствием его вымогательства, а наоборот — это униженное подношение со стороны его учеников и почитателей. Народ смотрит на факира с суеверным страхом не потому, что знает что-либо из его жизни, но потому, что своей личностью и образом жизни тот представляет идеал живущего внутренней жиз-

нюю аскета, отказавшегося от мира и склонного к самоистязанию. Факир носит четки, и, появляясь на улицах, он непрерывно повторяет «Рама, Рама», если он посланник этого воплощения Вишну. У факира нет стремления учить людей началам добра и правды, он просто маньяк, охваченный мыслью о призрачности всего мира и всего человечества, — для него существует только одна реальность, заключенная в имени Рама. Эта несложная мания внушает к себе уважение людей, они чтут ее как недостижимое для себя безумие.

Внешне безразличный ко всему, что происходит вокруг, факир тем не менее — острый наблюдатель; он внимательно следит за людьми и событиями и часто хитро умеет, выглядывая из своего одинокого угла, примирить споры, требующие глубокого знакомства с обстановкой, выручить людей из затруднительного положения, указать место пропажи и т. д. Иногда как бы вдруг он налагает на себя обет молчания и выдерживает его с фанатическим упорством до семи лет или же предпринимает путешествие к святым местам Индии, что может включать в себя расстояния от Бадринатха⁹⁴ у ледниковых долин Гималаев до омываемых морем берегов Западной Дварки⁹⁵ или до знойных пространств Рамешварама⁹⁶ на дальнем юге. И эти пространства во много тысяч верст факир пройдет пешком, с четками в руках, один, без традиционной свиты поклонников. Вся его жизнь — загадка для посторонних, а его существование в наше время для поверхностных наблюдателей индийской жизни еще большая загадка. Конечно, этот фанатик и маньяк, практически глубокий бездельник, не заслужил бы и строчки внимания, если бы он не был идеалом для народной массы, направляющим мечты и верования людей.

Насколько социальная жизнь мужчин объединяется в приемной комнате ламбардара, настолько социальная жизнь женщин сосредоточивается около деревенского колодца, из которого они черпают воду. Грациозная фигура деревенской девушки с одним или двумя горшками на голове (самый маленький сверху), удаляющейся от колодца, — это обычная картина деревенской жизни. Но гораздо интереснее разговоры, новости, пересуды — словом, вся та устная

деревенская летопись, которую у колодца может услышать внимательный исследователь.

Но нужно обрисовать колодец. На поверхности земли колодец имеет вид крытой приподнятой платформы с отверстием посередине и приспособлением для блока с веревками, чтобы было удобнее вытягивать воду; вокруг отверстия иногда устраивается деревянная решетка, чтобы предохранить людей от нечаянного падения. Колодец, как правило, пять — десять метров глубиной, в зависимости от уровня подпочвенной воды, и обыкновенно обложен камнем. При постройке колодца, когда заканчивается эта каменная облицовка, совершается церемония, аналогичная той, что происходит при переходе невесты в дом будущего супруга. Колодец признается живым существом, и он как бы выдается замуж за местного бога; никому не позволено пить из колодца, пока эта церемония не выполнена в должной форме. Этот процесс обставлен живописными сценами и является ярким событием в скромной истории деревни.

Обычные разговоры женщин утром и вечером совершаются возле колодца; иногда это типичные женские клубы. Разговор старых чаще всего вертится около тем о распущенности и нерадивости их снох, а когда место старух занимают молодые женщины, то разговор берет иное направление: предметом обсуждения становятся мачехи, свекрови и золовки, и не всегда в привлекательных тонах. Колодец, неразрывно связанный с социальной историей деревенской женщины, многое мог бы поведать о ее судьбах, если бы действительно был живым существом; недаром с ним связано так много легенд и народных картин. Излюбленная форма самоубийства деревенских женщин — чаще всего под гнетом свекрови — топиться в колодце.

Мужчины также приходят к колодцу, но в середине дня, поскольку утро и вечер традиционно отданы женщинам. В этом отношении в деревне соблюдается такт. Хотя деревенская женщина свободно ходит всюду, она никогда не рискует подвергнуться со стороны мужчины не только какой-либо грубости или обиде, но даже какой-либо неделикатности; мужчины, на свой, быть может, простой и грубоватый манер, оказываются не ниже любых европейских

джентльменов. Все преступления против женщин в деревне — какого бы они ни были вида — совершаются не ее жителями, а посторонними.

Но если мужчины не черпают воду из колодца (это дело женщины — готовить воду для питья и кухни) и имеют свой клуб в доме ламбардара, то зачем они вообще приходят к колодцу? Дело в том, что у колодца совершаются ежедневные омовения, составляющие яркую особенность восточной жизни. Предполагается, что индус привилегированной касты должен совершать омовение перед каждой едой⁹⁷, но он не моется дома, а идет к колодцу, сбрасывает с себя все одежды, кроме повязки вокруг бедер, и обливает водой голову и плечи. Все это спокойно проделывается на открытом воздухе, обыкновенно на платформе, недалеко от колодезного отверстия, причем грязная вода порою сбегает в колодец. Это — одно из проявлений деревенской антисанитарии, которая вместе с отсутствием дренажа улиц и каких-либо вообще мероприятий в этом направлении составляет немалое зло деревни. Но, несмотря на это, нужно высказаться против существующего мнения, будто простой народ Индии очень грязен и неряшлив в своем обиходе; это совершенно ошибочно. Наоборот, люди скорее злоупотребляют купанием, и лично каждый индус так же чист, как любой европеец; все окружающее он также содержит в возможной чистоте — комнаты, двор; все это к тому же предписывается ему религией. Но идея общественной санитарии, относящаяся к значительной массе людей и распространенная на значительную территорию, для народа почти чужда, а солнце Индии, ее грифы и шакалы не всегда справляются с отбросами.

В деревне нет тайн; каждый живет в открытую, говорит открыто и спит открыто. Лишь относительно еды блюдет известную интимность, обуславливаемая идеями чистоты и касты. На жителе индийской деревни лежит яркая печать его тесного общения с природой, с миром животных и растений. Для этого жителя его халупа — лишь покров от непогоды и лучей солнца, а его настоящий дом находится среди скота, диких животных и птиц, под крышей голубого неба, где в качестве пола выступает беспрерывный ландшафт полей.

Вот почему он возражает против убийства фазана ради спортивного интереса, вот почему больному или умирающему животному он спешит обеспечить покой...

Простой обычай спокойного, лишенного какого-либо чванства гостеприимства во времена благодатной жатвы и бесконечная терпеливость в годы лишений и голода, нежная любовь и дружба в кругу своей семьи, глубокое сознание того, что на земле у каждого человека, начиная от уборщика и кончая ламбардаром, своя доля и своя миссия... — эта своеобразная совокупность простоты, сердечности и печального фатализма внушает стороннему наблюдателю большие, хотя и не лишённые грусти симпатии. Это столь привлекательное своей простотой и искренностью мировоззрение примиряет индусов с окружающей иногда довольно безрадостной действительностью и исключает желание что-либо в этой действительности менять.

Семья

От деревни подойдем к ее ячейке — семье. Здесь все общее, все на виду. Без общего согласия ничего нельзя ни отнять, ни прибавить. Все члены семьи живут вместе, и еще недавно считалось идеалом соединить под одной крышей пять—семь поколений.

Старший в семье является общим главою и пользуется патриархальным авторитетом. Все заработанное и приобретенное переходит в распоряжение главы, и он удовлетворяет нужды всех, растит молодежь, женит, отдает замуж, ведаёт хозяйством и т. д. Авторитет главы абсолютный, он имеет некоторую аналогию с отцом древнеримской семьи, хотя мягкость народного характера не позволила отцу индийской семьи дойти в своей власти до права на жизнь ее членов. В случае смерти отца власть переходит к старшему сыну. Закон давно уже пытается подорвать авторитет отца и лишить его права распоряжаться общей собственностью⁹⁸, но древняя традиция оказалась весьма живуча. Во всяком случае, авторитет отца и поныне очень силен в индусской

семье, он поддерживается не только естественной подчиненностью и традиционным уважением детей, но и приниженным положением в семье женщины, которая должна смотреть на мужа как на своего господина, не смея даже называть его по имени⁹⁹.

Но остановимся на некоторых подробностях жизни отдельной семьи сельского жителя. Представим себе его возвращающимся после тяжелого рабочего октябрьского дня домой. Он занят был посевом пшеницы. Весь черный, голый, исключая окутанных в полотнище бедер и покрытой тюрбаном головы, он медленно шагает за своей парой быков. Он носит усы, но не бороду, сквозь складки его тюрбана видно, что голова его вся брита, за исключением чуба на макушке. Быки ташат соху — орудие первобытного типа, с небольшой металлической оправой в конце сошника, причем ярмо охватывает их шею, и верхний край его налегает на шею животного впереди его горба. Крестьянин приближается к деревне, и перед его взором за деревьями появляется ряд глиняных лачуг. Над деревней стелется горизонтальными слоями дым, выходящий из труб и уходящий далеко в поля. Воздух свеж, а для туземца даже холоден. Жены заняты приготовлением ужина, и, когда муж заворачивает к дому, он чувствует запах сжигаемого навоза. Минувя на пути массивное фиговое дерево, покрывающее тенью целую группу незамысловатых домов, он через ворота в белом заборе заворачивает быков на свой двор.

Первое, что мы видим здесь, — это прилепленные к одной из стен для просушки толстые, плоские и округлые куски кизяка, приготовленные женой из коровьего помета, перемешанного с соломой и водой¹⁰⁰. В сильно населенных районах дров нет совершенно, и кизяк — единственный выход для земледельца.

Дворы обычно имеются даже у самого бедного, так как иначе некуда помещать скот и утварь, но в Южной Индии попадаются хижины и без дворов. Крыши домов разные, в зависимости от климатической обстановки. В Северной Индии крыши плоские, но только в тех районах, где выпадают умеренные дожди. По мере приближения к подножию Гималаев, где дожди бывают сильные, на сцену выступают

черепичные крыши, а в Бенгалии мы вместо плоских крыш найдем крыши с крутыми скатами. В то время как в Пенджабе дома лепятся тесно друг к другу, образуя сплоченную массу, в Бенгалии крестьяне живут каждый около своего поля, и поэтому дворы разбросаны довольно просторно. В Декане крыши чаще черепичные, дома разбросаны меньше, чем в Бенгалии, но часто окружены садом.

Хижины содержатся в большой чистоте. Стены и пол время от времени вымазываются смесью коровьего помета и глины, что, как ни странно, оказывается хорошим дезинфицирующим средством. Вообще индусы лично очень чистоплотны; систематическое купание, сбривание волос на теле, внимательное отношение к зубам¹⁰¹ и т. п. говорят о хорошо усвоенных правилах гигиены. В комнатах бедноты мало утвари или ее почти нет: одна-две циновки, несколько низких плетеных стульев и одна или две веревочные кровати. Хозяйка обычно горда скромным запасом медной посуды для варки пищи и еды и держит эту посуду в исключительной чистоте. Стекло, а тем более фарфор здесь не в ходу; едят из глиняной посуды или из медных чашечек, а чаще всего на пальмовых (или иных) листьях.

В более сухих частях Индии, где рис не растет, то есть на Индо-Гангской равнине, к западу от Патны и в западной части Декана, обычная пища крестьян — пресный хлеб из пшеницы, ячменя или проса, который едят с какою-либо зеленью и бобовыми. Горох перед употреблением толкут. В тех районах, где изобилует рис, он и есть главная пища, а к нему добавляют рыбу; последняя водится в изобилии, и ее ловят разными способами, порою очень остроумными. Горные племена живут на мелком просе или на так называемом карликовом рисе.

Еда в Европе цементирует общество, в Индии она является показателем его раздробленности. Правда, бывают кастовые обеды, на которые сходятся сокастники для совместной трапезы; обычно же, а особенно вне дома, индус ест один, молча, уединяясь от товарищей. Он выбирает отдельную, удаленную от посторонних площадку, где делает небольшой очаг в форме подковы из обожженной глины или просто земли; он снимает свой тюрбан, верхнюю одежду и башма-

ки, подходит к очагу и садится на корточки для приготовления пищи. Площадка священна, как классический храм или святилище, а приготовление пищи и ее потребление похоже на религиозную церемонию. Ничья чужая нога не смеет вступить на площадку; если чужая тень промелькнет над ней, пища, даже уже приготовленная, должна быть опрокинута¹⁰². Даже дома большинство мужей не едят со своими женами; те прислуживают своему мужу, а сами ждут, пока он встанет из-за стола.

Дети — истинная радость индусской семьи. Некоторые наблюдатели склонны приписать им какие-то особенности: молчаливость, сосредоточенность, деловитость в играх и т. д. Однако дети Индии точно такие же, как и дети всего мира. Они развиваются раньше европейских сверстников, но это результат нужды, в которой живут их семьи, — индийские дети слишком рано начинают трудиться, и им становится не до забав. Не редкость видеть работающих детей пяти-шести лет от роду — они ухаживают за животными, собирают дрова, нянчат младших брата или сестру. Интересную, но, по существу, грустную картину представляет какой-либо еле заметный от земли пузырь, который гонит перед собою пару огромных буйволов.

Женщины

Чтобы понять индийскую семью и индийское общество в целом, нам необходимо с некоторой подробностью остановиться на женщине Индии, и притом не на мусульманке или исповедующей индуизм, на богатой или бедной, знатной или крестьянке, а на обычной средней женщине. Конечно, есть некоторая разница между мусульманкой и индуисткой, и еще, может быть, большая разница между брахманкой и женой пария, однако имеется основа, связывающая всех этих женщин, наличествует что-то общее в их судьбах, и это общее желательно выделить.

Вот раздается крик повитухи: «Девочка, девочка». Раз «она не мальчик», ее рождение не сопровождается ни кри-

ками радости, ни шумом, ни иллюминацией или выстрелами; девочка появляется на свет при тихой и печальной, даже сумрачной обстановке. Не значит ли это, что рождение девочки несет с собою огорчение? Нет, индусы отличаются особенной любовью к детям, и едва ли их родительское сердце бьется разное в зависимости от пола ребенка, но социально-бытовые и экономические условия заставляют их и окружающих все же по-разному переживать весть о рождении мальчика или девочки¹⁰³.

Начнем с переживаний матери. Женщина — по законам и традициям Индии — имеет цену лишь как потенциальная или действительная мать сына; ее восхваляют наравне с отцом лишь тогда, когда она родит мальчиков, но, если она родит только девочек или остается бездетной, муж даже может с ней развестись¹⁰⁴, и это ввергнет ее на дно социальной пропасти. Отсюда мы легко поймем всю важность первого вопроса матери о поле новорожденного и тот грустный ток мыслей, который возникает у нее при вести о девочке¹⁰⁵.

Но девочка мало устраивает не одну только мать. Напомним, что в круге индийских идей сын играет гораздо большую роль, чем в других социальных системах. Сын в фольклоре часто называется создателем бессмертия. Мысль, связанную с этим, надо понимать так, что отец никогда не достигнет высшей жизни по завершении своей земной дороги, если он не оставит после себя сына, который выполнит все похоронные обряды и воздаст должное приношение богам, чем и введет умершего в обитель счастья. Поэтому рождение сына знаменует собою осуществление заветных дум индуса, связанных с потусторонним миром. Девочка бессильна с точки зрения этих высоких материй: если она в будущем и родит «создателя бессмертия», то он будет таковым уже для другой семьи. Да и с хозяйственной точки зрения девочка представляет собой чистый разор для семьи, ее породившей. Ее выдают замуж ребенком, когда она еще не успеет вырасти в ценного работника, устройство ее свадьбы потребует больших расходов, а свой труд она отдаст другим людям. Вот почему рождение девочки не вызывает тех радостей и веселого шума, какой создается вокруг появления на свет мальчика.

В деревенском обиходе есть несколько способов показать радость по поводу рождения ребенка. Если родится сын, то, как бы ни была бедна семья, в небо будут палить из ружей. Сосед, располагающий оружием, ждет рождения ребенка с большим нетерпением и молит богов, чтобы родился сын, так как за салют из ружья в честь будущего «владыки дома» ему перепадет несколько грошей. Раньше, извещая о рождении, трубили в раковину — индийскую замену трубы. При этом звуке соседи, родственники и зависимые люди устремляются к дому с поздравлениями в надежде получить подарки, так как «щедроты льются потоком». Когда родится дочь, события идут более спокойно, но зато, можно сказать, красиво; в этом случае в дом несут поднос, полный сладостей, и предлагают их сначала мамке, а затем сестре матери, то есть тетке ребенка, а затем и всем остальным. Матери сласти не позволяют — может быть, потому, что она уже получила вознаграждение, дав приращение семье.

После того как сласти распределены и принесены поздравления родителям ребенка и близким, толпа зависимых (слуги, арендаторы) заявляет претензию на получение подарков натурой. Другие высказывают желание «видеть лицо» ребенка, за что они сами должны дать мамке и членам семьи какие-либо красивые подарки. Закон взаимных даров очень строг в индийской социальной жизни. Подарки при первой возможности будут возмещены ответными подарками, и притом равного качества. В деревне такой обмен местными ценностями протекает непрерывно, прочно удерживается в памяти и часто отвечает реальному товарообмену. Много есть тонких способов напомнить о забытом или предопределить качество и размеры подарка.

Теперь настает очередь определить гороскоп родившегося. Индусы не делают серьезных шагов в жизни, не спросив указаний у звезд¹⁰⁶. Солнце, Марс и Сатурн (Солнце по индусской астрономии значится в числе планет) — несчастливые планеты, Венера, Луна, Меркурий и Юпитер — счастливые. Сутки каждого дня недели строго делятся на периоды, и все они имеют свой астрологический смысл. Одно гхари¹⁰⁷ хорошо для дела, другое — пагубно, ибо оно уничтожит того, кто его выберет; третье — сулит хороший исход

всякому делу; четвертое — приносит разочарование; есть гхари нейтрального свойства: можно попытаться сделать что-либо, если имеется нужда, но спокойнее воздержаться, если нужды нет.

Раз в мире существует такой строгий порядок вещей, до крайности важно, чтобы точно было отмечено время рождения девочки, так как от этого будут зависеть ее имя, брак и вся будущность. Гороскоп должен быть точно установлен; руководящая планета и расположение звезд тщательно определены и отмечены. Не только надо знать благосклонную планету как определяющую характер дарования и прелести ребенка, но также важна противостоящая звезда, потому что она определяет характер поведения женщины по отношению к ее врагам. Также должно быть определено известное число малых звезд и созвездий, так как они или вредят, или помогают влиянию руководящих звезд и планет. Когда же звездная конфигурация в момент рождения ребенка точно и обстоятельно установлена, брахман или пандит делается способным предопределить историю ребенка от рождения до того заключительного момента, когда он будет «отозван обратно».

Но помимо этого определения судьбы с гороскопом связаны хотя и более скромные, но зато более конкретные результаты. Никакое имя не может быть дано, пока гороскоп не будет рассмотрен и изучен. Но «что в имени тебе моем?» — спросим словами поэта. Очень многое и очень важное. Как звезды определяют судьбу индусской женщины, так ее историю определяет полученное раши — астрологическое имя. Правда, практически имя заменяет какое-нибудь прозвище, ласкательная или пренебрежительная кличка и т. д., в результате чего индуски часто имеют два имени. Одно имя — это то, которым они называются в обычной жизни¹⁰⁸, а другим, настоящим именем будет раши, слишком священное, чтобы осквернять его ежедневным употреблением. Раши, конечно, известно родителям и жрецу, но сама носительница узнает его, лишь когда достигнет определенного возраста; иногда же ей вовсе не доводится его узнать.

В обществе и в деревне женщина известна почти исключительно под своим бытовым именем — часто довольно-таки сложным, в то время как раши остается религиозным

секретом. Сложность бытового имени определяется традицией, благодаря которой оно представляет собой афишу, возвещающую и класс, и положение, и религию носительницы. Юсуф-Али приводит такой пример. В соседней комнате находятся семь индийских женщин, они не видны для наблюдателя, но их имена известны: Дхукиа, Мариам, Ширин Бай, Сарасвати Бай, Пхул Мани Даши, Карамат-ун-низа и Парамешри Деви. Для человека, знающего Индию, эти имена дают уже очень многое. Сейчас же он выделит Ширин Бай как парсийку. Ширин — одна из героинь персидского эпоса. Сарасвати Бай он определит как женщину из Южной Индии, вероятно маратхку: Бай — добавок, характерный для Южной и Западной Индии, а Сарасвати, имя индусской богини, свидетельствует, что носительница не парсийка. Карамат-ун-низа, без сомнения, будет мусульманкой одного из более высоких классов, которые считают признаком родовитости применять звучные арабские имена, являющиеся, по существу, титулами; это особое имя значит: «чудо между женщинами». Мариам будет мусульманка простого класса, до которого не проникают тонкости арабской культуры; она же может оказаться и туземкой христианкой, превратившей европейское имя Мария в более подходящую восточную форму. Дхукиа — вероятно, индуска низкого класса, может быть, крестьянка. У сельских жителей такие повседневные имена часто просто насмешливые прозвища, иногда набор слогов, не имеющий никакого смысла. Пхул Мани Даши, вероятнее всего, бенгальская дама высокого класса, но не брахманка, так как прибавка Даши («рабыня») может относиться лишь к небрахманским именам, чтобы отличать их от имен брахманок, которые имеют прибавку Деви («богиня»). По этой прибавке мы и узнаем брахманку под именем Парамешри Деви. Она может оказаться даже прислугой Пхул Мани Даши, которая, несмотря на рабскую прибавку, может быть рани (княгиней).

Словом, внимательное изучение имен подскажет исследователю очень многое. Имя может указать на религию или племя, выделить высокую или низкую касту и намекнуть на социальное положение, степень богатства или бедности.

Такие имена, как Рамазан Биби, говорят о месяце, в котором человек родился. Другие, означающие подарок определенного бога или богини, намекают на обет родителей посвятить дитя, если оно родится, местным божествам. Впрочем, эти обеты приносятся почти всегда из-за мальчиков. Если случится, что семья потеряла нескольких детей, она начинает думать, что злые духи настроены против семьи или слишком увлекаются красивыми детьми, имеющими к тому же привлекательные имена; поэтому, чтобы сделать детей менее привлекательными и даже, может быть, отталкивающими, родители, не властные сделать их уродами, дают им отвратительные, грязнящие имена — например, «кусок», «грошцена», «рыжая», «куча навозу» и т. д. — в расчете на то, что духи не увлекутся столь малопривлекательными объектами. Но, обманув таким путем злых духов, родители, кроме того, дают ребенку счастливое и особенно красиво звучащее раши, которое держится в еще большем секрете.

Наречение именем сопряжено с церемониями религиозными и социальными, причем для этого должно быть назначено определенное время, указанное астрологическими правилами.

Получив имя, девочка растет и развивается на свободе, как трава в поле и не как дитя одной семьи, а как ребенок всей улицы, если даже не всей деревни. Дети в индийской деревне растут общей кучей. Исключая очень маленьких крошек, постоянно носимых матерями на руках или спине, остальные растут на коллективном женском попечении.

Описанную картину необходимо хотя бы в двух словах дополнить, рассказав о рождении ребенка в семье парии. Это событие не вызывает никакой религиозной церемонии и не пробуждает особой радости независимо от того, родится ли мальчик или девочка, поскольку появление лишнего элемента часто воспринимается как помеха в многотрудном существовании. Половина этих несчастных детей умирает в первые же месяцы: большинство от недостатка внимания, остальные же от жестокой руки родителей или близких. Едва только мать родит ребенка, она делает в углу своей берлоги дыру в земле, покрывает ее сухой травой и листьями, кладет туда новорожденного и, не беспокоясь более

о его криках, занимается своим обычным делом; мать начинает кормить ребенка грудью лишь на другой день. Дабы в ее отсутствие ребенок не был изъеден мухами, комарами или другими насекомыми, мать, уходя из дома, заваливает дыру большим камнем, оставляя лишь небольшое отверстие для прохода воздуха.

Часто бывает, если хижина расположена в джунглях, что, возвращаясь домой, мать находит камень отодвинутым и дыру пустой — это означает, что ребенок унесен шакалом или гиеной, которые были привлечены его криками.

Та изнурительная работа, которой отягощена жена пария, и побои мужа приводят к тому, что молоко у матери держится не более одного-двух месяцев, после чего она начинает подкармливать ребенка кашкой из риса или проса. А когда семья слишком бедна и для этого, она заменяет кашку ассортиментом из корней и трав, которые разваривает до степени жижицы, которую ребенок может проглотить. Ребенок растет, предоставленный себе; в один прекрасный день, пользуясь руками и коленями, он выползет из своей дыры и отправится греться на солнце у дверей родительского шалаша. В шесть лет дитя начинает уже выполнять какую-либо работу, и, может быть, только с этого момента отец удостоит его известной доли внимания.

Но возвратимся к людям не столь отверженным. Важной стадией в жизни маленькой женщины, казалось бы, должно быть хождение в школу, но, к сожалению, для обыкновенных девочек школ почти не существует. Их и для мальчиков недостаточно, а против учения девочек можно услышать даже много возражений, причем отовсюду. Простой народ скажет: «Что девочка получит своим учением? Разве оно даст ей кусок хлеба?», а представители более высоких каст: «Что она, какая-нибудь девадаси, чтобы учиться?»¹⁰⁹ В результате подавляющая масса женщин безграмотна. Некоторый процент их — из лучшего класса — получит кое-какое образование, но оно будет чисто домашним.

С возрастом подходит важный момент, когда девочка должна усвоить систему парды и начать закрываться от взора мужчин. Обыкновенно с восьми-девяти лет носят покрывало, с двенадцати-тринадцати лет закрывают тело полно-

стью, а для замужних это обязательно. Замуж, кстати сказать, выходят очень рано, а обручение совершается еще раньше. Обручение является брачным контрактом, который в исключительных случаях может быть даже заключен родителями прежде, чем дети родились¹¹⁰.

Впрочем, обручение, если оно даже и произошло, есть просто набросанный — хозяйственно и астрологически¹¹¹ — проект, который может не осуществиться. Действительный брак обычно заключается по достижении детьми двенадцати-тринадцати лет. Возраст варьируется в зависимости от религии, общественного положения и т. д. У мусульман вступающие в брак несколько старше возрастом, чем у индуистов, а та большая народная группа, которая в религиозной статистике значится под рубрикой анимистов, живет полудикой, но свободной жизнью и в брачных отношениях подчиняется здоровому чувству; ее мораль, пожалуй, и не высока, но она соответствует природе. Среди привилегированных классов наиболее частый возраст брачующихся — между двенадцатью и шестнадцатью годами, но многие семьи считают для себя позором, если их дочь не выйдет замуж до наступления шестнадцати лет¹¹².

Все свадебные расходы в случае, наиболее предпочитаемом общественным мнением, берет на себя отец невесты, или расходы делятся поровну (иногда в каких-то долях) между отцами молодоженов, или, наконец, — это худший случай — все расходы берет на себя отец жениха, что бывает, лишь когда семья невесты очень бедна; при таком раскладе родители невесты даже иногда выпрашивают себе подарки или небольшое денежное содержание.

Сама церемония брака весьма разнообразна в зависимости от достатка и касты молодоженов, особенно сложна она у брахманов, у которых много живописных и изяшных обрядов. Главным моментом церемонии считается хождение жениха и невесты вокруг жертвенного очага или дерева, надевание женихом на шею невесты ожерелья тали¹¹³ и общая еда новобрачных с одного листа. Индуист обязан пригласить на свадьбу всю касту или общину в пределах доступного расстояния, в то время как исламская свадебная церемония весьма проста; Впрочем, большинство

индийских мусульман дополняют ее обычаями, заимствованными от индусов, а некоторые даже применяют видоизмененную форму бхаунри¹¹⁴. Свадьбы, как правило, сопровождаются длинейшими угощениями под музыку, громким шумом (может быть, это даже более подходящее слово) и не обходятся без процессий воинственного вида (пережиток умыкания невест). Если свадьба очень богата, то новобрачные (да и гости) будут передвигаться на лошадях, слонах, в колясках или переноситься на паланкинах; по пути будут разбрасываться монеты, с жадностью и драками подхватываемые детьми и взрослыми более бедных классов.

Девушка одевается на свадьбу со всей роскошью, которую позволит достаток семьи; роскошь, естественно, будет разная. Но особенности ее костюма, почти всюду повторяемые, будут такие: за исключением иногда голых рук платье плотно окутает ее тело, начиная от шеи и кончая чуть ли не пятками. Украшения покроют все места, где только можно их прицепить: руки будут на запястьях несколькими ярусами, пальцы рук покроются кольцами, надо лбом повиснет кулон, шею и затылок охватят ряды бус, сережки будут в ушах и в носу и, наконец, низ ног охватят большие кольца, а пальцы ног — малые. Кроме всего этого, невеста вся потонет в цветах, свисающих длинными гирляндами и прикрепленных группами букетиков. Жених будет одет скромнее, иногда до пояса почти гол, но тоже унизан цветами; все нужные кастовые знаки на нем будут выведены свежо и ярко. Дух общины, царствующий в деревне, здесь скажется в том, что для пиршества будут снесены с деревни вся посуда, ковры и даже съедобные предметы, а чтобы пышнее украсить невесту, ей временно предоставят всяческие украшения. Свадьбу празднует, в сущности, вся деревня, празднует часто бедно, но ярко, шумно и искренно. Надо заметить, однако, что между церемонией брака и переходом невесты в дом мужа часто бывает значительный интервал.

Свадьба париев протекает без особых формальностей. Свобода половых отношений среди молодежи и вообще предложение девочек¹¹⁵ родителями случайному путешественнику или богачам снимают со свадебных процессов всякую иллюзию свежести, стыда и искренности. Все сводится

к тому, что, достигши шестнадцатилетнего возраста, мужчина-парий должен обзавестись собственным хозяйством, для чего ему нужна жена как основная работница и двигатель всех хозяйственных процессов. Когда его выбор остановится на какой-либо девушке, он первым делом начинает накапливать зерно, коренья и особенно каллу (перебродивший сок кокосовой пальмы), чтобы быть в состоянии угощать родителей и родственников будущей жены в течение договорного времени. В этом кормлении досыта, обильном питье и веселье и состоит у париев свадьба, а предсвадебные разговоры главным образом ведутся о продолжительности пиршества.

Окруженный своими родными и друзьями будущий муж приходит к родителям невесты и говорит: «Отдай за меня свою дочь, у меня есть чем угостить вас (буквально «порадовать ваш живот») в течение месяца». После этих слов начинается торг: родители хвалят дочь как рабочую силу (столько-то в день наберет хворосту или сплетет корзинок и т. д.) и требуют удлинения пиршеств, а будущий зять, наоборот, старается его сократить. Когда стороны приходят к согласию относительно будущей церемонии, отец невесты перед двумя свидетелями, приведенными женихом, произносит фразу: «Я отдаю тебе эту женщину, и пусть якши (злые духи) возьмут ее к себе, если она не будет подчиняться тебе, как раба». Фактически муж и ищет себе рабу, притом способную работать с утра до вечера: неустанный труд и слепое повиновение — идеал жены пария; эти качества обеспечат ей сносную семейную жизнь, хотя и не спасут от побоев.

После этих переговоров валлува (род жреца) соединит жениха и невесту, вложив им во рты по шепотке соли и вымазав лбы пеплом кизяка, при этом жрец будет шептать какие-то молитвы и время от времени бить в барабан, чтобы отогнать злых духов. А затем начинается пиршество, сопровождаемое пьянством, разгулом и всегда продолжающееся короче установленного срока, так как заготовленное съедается быстро и неводержанно. Свадьба протекает вообще без нарядов и украшений, и разве только природа внесет в эту тусклую картину свои краски и южную прелесть. Судьба парийки в каком-то смысле мало меняется при переходе из хижины родителей в хижину мужа: там она работала

на родителей, вынося побои от них и своих братьев, здесь она будет работать на мужа и будет терпеть от него побои в ожидании, пока вырастут сыновья, которые также не всегда будут к ней милосердны.

Если же женщина все-таки пользовалась какой-то долей свободы в доме матери, то в новом доме все это будет потеряно: здесь она только сноха. Свекровь достаточно одиозное понятие во всех странах мира, но в Индии она является ярким и утонченным типом. Ее притязательность и враждебное, деспотическое отношение к снохе усиливается тем обстоятельством, что в случае спора юный муж вряд ли будет защищать молодую жену. Самоубийства молодых женщин — явление столь обычное в Индии — часто приписываются губительному влиянию свекрови. Впрочем, молодую женщину давят и прессуют со всех сторон, как полевое зерно между жерновами, и свекровь — лишь авангард этого семейного гнета, она — лишь последний повод, толкающий женщину на дно деревенского колодца.

Официальный закон глубоко немилосерден к женщине Индии. Ввиду важности этого вопроса приведем из «Падмапураны» наиболее яркое: «Муж, хотя бы урод, старик, калека, отталкивающий своими грубыми манерами, насильник, буян, безнравственный, пьяница, игрок, посетитель скверных мест, развратник с другими женщинами, не думающий о домашних делах, бегающий повсюду как демон, живущий бесчестно, будь он глухой, слепой, немой или урод... словом, какой бы ни был, он для жены бог, которому она должна поклоняться, постоянно о нем заботиться, блюсти его веселое настроение...» «Жена не может есть, как только после мужа...»; «Муж перестает есть, жена также, муж не смазывает головы, жена также...»; «Если муж отсутствует, жена никуда не будет ходить, не будет до его возвращения делать омовений, не помажет маслом головы, не будет чистить зубы, не оправит ногтей, не наденет нового платья и не положит на лоб обычных меток; есть будет только один раз в день...»; «Если муж ее наказывает, даже побьет ее несправедливо, жена будет отвечать ласково, будет целовать его руки, станет просить прощения, но не поднимет криков и не побежит из дома...»; «Если муж близится к смер-

ти, жена тоже готовится умереть...»; «Так как жена меньше привязана к сыну и внукам, чем к своему мужу, она должна после его смерти сжечь себя живой на одном с ним костре»¹¹⁶.

Правда, все это в абсолютной точности не исполняется. Как горные реки Индии сглаживают и округляют в своем течении уродливые и неуклюжие глыбы, оторванные от прибрежных скал, так и жизнь людей — практическая, повседневная и могучая в своем непреложном влиянии — смягчает и облагораживает, делает терпимыми самые болезненные продукции человеческого мозга. Хотя официально женщина не смеет на людях разговаривать с мужем, называть его по имени, но в более тесном кругу, а особенно наедине, отношения между мужем и женой спускаются до степени нормальных, и, конечно, не редкость случаи, когда женщина берет верх над мужем.

Индийская семья — замкнутая корпорация, в исключительных случаях она может дойти до ста членов. Номинальный ее глава — старший мужчина, но старшая женщина также имеет власть. В семью могут входить три или четыре сына со своими женами, дядья и тетки, внуки и правнуки нескольких поколений. Есть индийская поговорка, считающая человека благословенным судьбой, если он доживет до семи поколений, собранных под одной крышей. Практически глава семьи оказывается придавленным тяжестью обязанностей и часто выпускает из рук бразды правления, но в таком случае растет авторитет старшей женщины. Несомненно, этому способствуют юные девочки — жены сыновей, играющие по отношению к свекрови роль послушных рабынь. В семье, этой сложной коммуне, полно ссор и интриг.

Исключительно драматична и полна печали судьба индийской женщины, когда она остается бездетной вдовой. Выход вдовы замуж категорически запрещается высокими кастами. Англичане любят подчеркнуть, что уничтожили в Индии обычай сати, но облегчили ли они этим жребий индусской вдовы? То, что ей обещали брахманы и книги на том свете в случае выполнения сати, и ужас, ожидавший ее на земле, создавали внушительный контраст, который и объясня-

ет сати как религиозно-законодательную необходимость, с одной стороны, и как сносный исход для загнанной в тупик женщины — с другой.

Едва ли есть необходимость останавливаться подробно на особенностях, характеризующих жизнь вдовы, — они являются лишь внешним отражением ее униженного положения. Она — внекастовое существо, «моунда», то есть «стриженная голова»¹¹⁷, она живет в уединении, ест один раз в сутки, некоторые периоды постится совершенно, она ходит в рубище, лишённая каких-либо украшений, не присутствует на церемониях, не кладет себе на лоб установленных знаков, не смеет жевать бетель — немалое лишение для индусов. Но чем более мы убеждаемся в этом ужасе, тем с большим удивлением мы констатируем его упорную устойчивость. Закон 1856 года, легализовавший браки вдов, остался почти мертвой буквой. Нет ни одного общественного движения, ни одной религиозной реформы, за ничтожными исключениями, которые не отставали бы брака вдов, но все эти усилия разбивались об упорную глыбу народного суеверия.

Лишь на склоне своих лет индийская женщина находит покой, почет и отдых. Чуждая страстей, выполнившая задачи материнства, поднявшаяся над тривиальностями повседневной жизни, она, по словам Юсуфа-Али, «с тихим достоинством и возвышенной грацией носит корону из поревевших седых волос»¹¹⁸. Уважение к старым людям в Индии является исключительным: каждый считает своей обязанностью быть для них приятным и оказать те или иные услуги. Это хорошо отражено в индийском фольклоре и в известной поговорке: «Спешите выглядеть старухой».

Смерть индийской женщины, если она не старуха или не старшая в доме, отмечается скромностью и кратковременностью обрядов по сравнению с похоронами мужчины, причем иногда похороны отличны не только подробностями, но и существом обряда. Например, в Курге тела мужчин сжигают, а женщин и мальчиков моложе шестнадцати лет хоронят в земле; или, например, на костер, где сжигают труп мужчины, идет сандаловое дерево, а для женщины сгодится и коровий навоз...

Обряд похорон

Нужно заметить, что многие обычаи в Индии, когда-то исполняемые с удивительной пунктуальностью, постепенно приходят в забвение или теряют былую отчетливость. Но ни один индус не осмелится пренебрегать похоронными церемониями и ежегодной шраддхой (поминками). Нищий, просящий подаяние, неизменно повторяет, что ему не на что совершить шраддху по отцу или матери, и это всегда поможет собрать ему милостыню. Монье-Вильямс так толкует существо поминальных обычаев: «Выполнение похоронных обрядов считается самой положительной и неотложной обязанностью. Это долг, состоящий не только в признательном почитании предков, но и в совершении актов, необходимых для их счастья и дальнейших преуспеваний в потустороннем мире. Умершие родственники по крайней мере трех ближайших поколений для живущего на земле являются наиболее дорогими божествами, и они должны быть почтены ежедневными молитвами, иначе кара в том или ином виде, несомненно, постигнет семью»¹¹⁹.

Поминальные обычаи в Индии необыкновенно пестры и разнообразны. Мы остановимся на тех из них, которые сопровождают смерть брахмана, так как они являются более или менее типичными и представляют собой тот образчик, к которому стремится правоверный индус при первой возможности.

В тот момент, когда брахман близок к смерти, его снимают с кровати и кладут на пол¹²⁰. Но если возникает опасение, что данный день является даништапанчами (неблагополучным), умирающего человека выносят из дома и кладут или на дворе, или на пиале (приподнятая веранда). При этом произносятся некоторые молитвы. Задача последних облегчить выход «жизни» через разные части тела. Душа, по существующему верованию, должна уйти через одно из девяти отверстий в теле, сообразно с особенностями и достоинством умирающего. Душа хорошего человека покидает тело через брахмарандхру (вершина черепа), душа дурного — через анальное отверстие.

Тотчас же после смерти тело оmyвается, на лоб накладываются религиозные метки, и подсушенный падди (рис в шелухе) и бетель разбрасывается сыном по трупу и около него. Так как предполагается, что брахман постоянно имеет огонь с собою, то возжигается священный огонь. В этой стадии совершаются некоторые очистительные церемонии, если смерть случилась в неблагоприятный день, или час, или в полночь. Затем труп оборачивается в новую одежду, и при этом прочитываются положенные молитвы. Выбираются четыре носильщика, которые понесут тело к месту сожжения. Пространство между домом умершего и местом сожжения делится на четыре части: при конце каждой делается остановка, причем сыновья и племянники ходят вокруг трупа и молятся. В это время они распускают свои кудумы (узел волос на маковке), и бьют себя по бедрам¹²¹. Немного вареного риса предлагается тропинке как патхибали («приношение дороге»), чтобы умилишить злых духов.

Как только тело доставляют на место, распорядитель похорон бросает в дрова четверть анны*. Четыре отверстия в трупе смазываются гхи (очищенное коровье масло), затем труп осыпают рисом, а также вкладывают рис в рот. Затем сын умершего берет факел, зажженный от священного огня, и подносит к дровам. После этого все родственники умершего садятся, скорчившись, на землю, лицом на восток, берут немного травы дхарба и, разрывая ее ногтями на мелкие кусочки, бросают в воздух, все время повторяя очень громко и протяжно ведические стихи; особенно громко это положено делать на похоронах уважаемого старика.

Сожжение трупа представляет собой наиболее частый тип похоронного обряда, но из-за обезлесения Индии оно стоит дорого. Поэтому погребение в земле распространяется все шире, но считается уделом и бедняков, и наименее привилегированных членов семьи, то есть женщин и детей.

* Анна — разменная индийская колониальная монета, равная 1/16 рупии. После обретения независимости Индией и Пакистаном оставалась разменной монетой до их перехода на десятичную систему: Индии — до 1957 года, Пакистана — до 1961 года.

По возвращении с похорон домой люди совершают два обряда: нагна («голая») шраддха и патана стхапанам («утверждение камня»). Дух после сожжения тела считается голым. Чтобы одеть его, приносятся в жертву вода и вареный рис, а если речь идет о брахмане — одежда, лампа и деньги. Воздвигаются два камня: один — в доме, другой — на берегу пруда; камни символизируют дух умершего. В течение десяти дней совершаются перед камнями возлияния водой, смешанной с семенами кунжута и риса. Число возлияний должно быть равно семидесяти пяти, начинаясь тремя в день и возрастая с каждым днем на одно.

Вдова брахмана снимает свое тали (брачное ожерелье) на десятый день по смерти мужа, при этом она должна обрить себе голову и носить затем белое платье. В течение целого года после смерти человека каждый месяц совершается шраддха; в подробностях она похожа на годовую, которая должна совершаться регулярно и непрерывно, если только не будет совершено паломничество в Гаю — в последнем случае ежегодные поминки делаются необязательными. Для выполнения этих годовых поминок ближайший родственник умершего зовет трех брахманов, которые представляют собой соответственно Вишну, божество (Dēvata*) и умерших предков. Иногда участвуют в службе только два брахмана, и Вишну будет тогда представлен камнем шалаграмой**. В крайнем случае может служить и один брахман, но тогда два других брахмана будут представлены травой дхарба. Зажигается священный огонь, и в жертву огню приносятся гхи, небольшое количество сырого и вареного риса, овощи. Затем брахманы

* Девата — любое существо божественной природы. Это обозначение относится как к богам вообще (во множественном числе, нередко в собирательном значении), так и — в особенности — к низшим богам.

** Шалаграмы — ископаемые раковины-аммониты, которые почитаются индусами и играют видную роль в некоторых обрядах и церемониях брахманов; употребляются при умиловительных жертвах богу Вишну, при похоронах и т. д. У вишнуитов шалаграмы являются символами бога Вишну или его супруги, у шиваитов — символами Шивы.

моют ноги и садятся за трапезу. Но прежде чем они вступят в помещение, где им приготовлен обед, здесь разбрызгивается вода и разбрасываются кунжут и рис, чтобы прогнать злых духов. Когда обед кончен¹²², шарик из риса, называемый «ваяса шинда» («пища ворон»), приносится духам предков трех поколений и бросается воронам. Если последний не станет есть рис, то это считается плохим признаком. Хорошо накормленные брахманы получают сверх того бетель и деньги как плату за свои услуги¹²³.

Отпущение грехов умершего, которое составляет неотъемлемую принадлежность всех похоронных ритуалов мира, присутствует и в индусском ритуале. Тёрстон записал подобное отпущение у одного племени Южной Индии; они произносились нараспев и очень быстро старшим членом племени. Вот наиболее интересные места из этой записи:

Все, что сделал человек в этом мире,
Все грехи, совершенные его предками,
Грехи, совершенные дедами,
Грехи, совершенные его родителями,
Все грехи, совершенные им самим:
Удаление своих братьев,
Перенос пограничной линии,
Захват участка соседа,
Изгнание братьев и сестер,
Рубка украдкой дерева калли,
Рубка дерева мулли вне своей ограды,
Срывание колючих веток дерева котти,
Подмстанис метлой,
Обламывание зеленых веток,
Вырывание рассады,
Выдергивание молодых деревьев,
Бросание птенцов кошкам,
Огорчение бедного или уroda,
Брызганье грязной водой на солнце,
Отход ко сну после захода луны,
Зависть к хорошему урожаю других,
Зависть при виде буйволицы, дающей много молока,
Перенос пограничных камней,
Захват теленка, отпущенного при похоронах на свободу,
Загрязнение воды нечистотами,
Испускание мочи на горячую золу,

Неблагодарность по отношению к жрецу,
Лжесвидетельство высоким властям,
Ложь людям,
Отравление пищи,
Отказ накормить голодного человека,
Отказ дать огонь замерзающему,
Убийство змей и коров,
Убийство ящериц и пиявок,
Указание неверной дороги,
Сон на кровати, в то время как тесть спит на полу,
Огорчение снох,
Спуск воды из озера,
Спуск воды из водоемов,
Зависть к счастью других деревень,
Ссора с людьми,
Обман путников в лесу, —
Хотя бы было триста таких грехов,
Пусть уйдут они все с теленком, отпущенным сегодня
на волю,
Пусть все грехи будут удалены,
Пусть все они будут прощены¹²⁴.

В этом тексте отражена деревенская мораль и перечислено все то, что, по воззрениям индуса, является грешным, что влечет за собой кару в потустороннем мире и о прощении чего люди живущие молят богов и умерших предков. Сопоставление актов действительно безнравственных или экономически губительных, как, например, «огорчение бедного или уroda», «отказ накормить голодного человека», «отказ дать огонь замерзающему» или «загрязнение воды нечистотами», «отравление пищи», «спуск воды из озера» и т. д., с такими, как «подметание метлой», «брызганье грязной водой на солнце», «убийство ящериц и пиявок», способно вызвать улыбку, но надо понимать, что здесь перемешаны отражения реального хода жизни и суеверия, которые формировались веками.

Индусское погребение протекает очень шумно, с криками, стонами и плачем; чисто театральная демонстрация горя, умелые речитативы, красиво рисующие величие потери и вызванного ею несчастья, вырывание волос, биение себя в грудь, паданис в судорогах на землю — все это считается

не только приличествующим случаю, но и обязательным. Во всем этом гораздо больше этикета, чем действительных переживаний. Тем не менее чем женщина истеричнее, чем она громче и разнообразнее причитает, тем больше она заслуживает похвал. Про неудачницу в этом отношении говорят: «Она, должно быть, глупа... она только плачет». Молодые женщины и даже девочки внимательно приглядываются к этой показной скорби из чисто практически соображений: когда-то и им придется исполнять эту роль.

Наряду с этими причитаниями по вдохновению существуют весьма мастерски составленные похоронные песни, которые поются в Южной Индии всеми кастами, включая и брахманов. Маленькие девочки заучивают их наизусть, а взрослые женщины поют не только непосредственно после смерти родственника, но и по крайней мере не реже одного раза в две недели. Каждая женщина должна знать хотя бы одну такую песню в память дедов, родителей, братьев и сестер, супруга, детей, свекра или свекрови...

Эти песни так и называются: «Песня вдовы в честь умершего супруга», «Песня матери над умершим ребенком», «Горе дочери над умершей матерью» и т. д. Они полны меланхолической прелести; особенно сильна песня вдовы, проникнутая грустным драматизмом, — вдовы, которая со смертью мужа теряет действительно все и перестает существовать как член общества. Авторство многих песен приписывается знаменитому тамильскому поэту Пугхалентхи Пулавару¹²⁵. Песни эти заслуживают внимания изучающих Индию, так как кроме высокой художественности, им свойственной, они содержат в себе богатейший бытовой материал.

У париев обряд похорон проходит почти незаметно. Часто труп просто отдается на съедение диким животным или бросается в реку. Вот что говорится в одной из песен париев. После описания похорон вайшьи с их пышным погребальным шествием, слезами и криками делается такое интересное заключение: «Если есть что-либо более лживое, чем молитвы брахманов, милосердие царей, честность богачей и верность женщины, то это слезы наследников. Когда труп пария бросают в джунгли, его сын не плачет, ибо знает, что ему никто не заплатит за его слезы»¹²⁶.

Пословицы

Чтобы глубже понять нравы и обычаи народа, проникнуть в его образ мышления, постичь его внутреннюю жизнь, для этого лучше всего послушать, что он сам о себе говорит. В этом случае народные пословицы и поговорки представляют собой неистощимый источник.

Народ Индии располагает неизмеримым запасом пословиц, поговорок, крылатых словечек, афоризмов и т. д. Обобщая их одним названием пословиц, мы в них можем уловить два типа: одни сходны с пословицами Европы, Америки, Азии... короче, всего мира и по духу универсальны. Другие же отражают мысли только жителей Индии; такие пословицы часто окрашены духом времени, когда они созданы, и национальным местным колоритом; они хороши для своей родины, но не годятся для всего мира. Из второго типа особенно многочисленны пословицы, касающиеся касты. Это показывает, сколь велика роль касты в повседневной народной жизни.

Исследователю бросается в глаза необыкновенно живой характер индийской пословичной философии, исключительная свобода пословичного творчества от какого бы то ни было педантизма или формализма, свойственных индийской литературе. Кажется, что меткие, всегда красочные пословицы легко и свободно вылетают из уст деревенского жителя. Исследователь, руководствуясь этим бесхитростным, но обширным материалом, может представить себе индийскую деревню как живую, со всеми ее каждодневными тревогами, огорчениями и радостями.

Пословицы показывают, что крестьянин Индии всецело зависит от капризов погоды и прихотей муссона. Упадет дождь в нужный момент, и его жена получит лишние сережки, но, с другой стороны, какие-нибудь две недели засухи несут с собою страшную беду, когда «бог сразу отнимает все» и барышник-банья разживается, продавая залежавшееся зерно, а земледелец опускается до нищеты...

Наиболее частый объект пословиц — брахман, «существо с веревкой вокруг шеи» (намек на брахманский шнур). Риф-

мованная пословица насчитывает трех кровопийц: клопа, блоху и брахмана. «Раньше, чем умрет брахман, царские сундуки опустеют». «Дай ему хлеба, а собственные дети пусть лижут жернов». «Он просит милостыню, хотя в его кармане лакх (100 000. — А. С.) рупий, а подаяния он собирает в серебряный горшок». «Он стирает свой шнур, но не очищает своей совести». «Брахман надувает самих богов». «Вишну достаются одни пустые молитвы, а все получает брахман». Таким рисует брахмана народная мудрость.

Видной фигурой в галерее народных портретов является банья — ростовщик, торговец зерном и лавочник, который так же заправляет материальным миром, как брахман духовным. «Его сердце, — говорит народ, — не больше семени кунжута»; «Ему нужно меньше верить, чем тигру, скорпиону или змее»; «Он входит, как игла, а выходит, как меч»; «Если банья на той стороне реки, оставьте вашу ношу на этой, иначе он ее украдет»; «Если соберутся четыре баньи, они ограбят весь мир», «Если банья тонет, он делает это из какой-то выгоды»; «Банья ведет свой счет такими знаками, которых не поймет сам бог»; «Если вы займете у баньи, ваш долг будет расти, как навозная куча, или скакать галопом, как лошадь»; «Банья не пьет грязной воды и боится убить муравья или блоху, но не побоится убить человека во имя наживы».

Много оценок получил в народной летописи кайястх. Он — человек чисел, он живет своим пером, в его доме даже кошка будет знать буквы. «Кайястх — натура ловкая, где нет тигров, он станет охотником»; «Если кайястх станет ростовщиком, то из него выйдет самый бессердечный ростовщик»; «Пьянство приходит к кайястху с молоком матери».

Несмотря на преобладание в Индии земледельческого населения, пословиц, касающихся больших земледельческих каст, сравнительно немного. Подробно обрисован разве лишь джат, типичный земледелец Восточного Пенджаба и западных округов Соединенных провинций. Народ говорит: «Найти доброе в джете — что долгоносика в камне»; «Он ваш друг, пока у вас в руках палка»; «Если он не может вас обидеть, он, по крайней мере, проходя мимо вас, испортит воздух»; «Быть с ним любезным — это все равно что дать меду обезьяне».

Кунби^{*} характеризуется не так резко, как джат, но и на его долю выпали некоторые неприятные оценки. «Скорее можно вырастить на камне ползучее растение, чем сделать кунби верным другом»; «Если он получил ячмень на глазу, он становится диким, как бык»; «Он такой упрямый, что сажает колючие растения поперек тропинки».

О деревенском цирюльнике, который является также сватом, сводником, доктором и колдуном, говорится: «Среди людей самый фальшивый — цирюльник, среди птиц — ворона, среди водяных животных — черепаха»; «Бейте цирюльника по голове хоть башмаком, он не перестанет болтать»; «У цирюльника всюду прибыль и нигде нет риска».

О ювелире народ говорит: «Не верь золотых дел мастеру, он — враг человека, и слово его не имеет цены»; «Если вы не видали тигра, посмотрите на кошку, — не видали вора, взгляните на ювелира»; «Ювелир готов обокрасть свою мать и сестер, он способен выкрасть золото из носового кольца собственной жены»; «Если ювелир не может украсть, его брюхо лопается от тоски».

К горшечнику народ более снисходителен; он не упрекается в бесчестии, но высмеивается за простоватость. «Если горшечник поссорится со своей женой, он в утешение треплет осла за уши»; «Если вы будете учтивы с горшечником, он перестанет вас уважать и откажется продать вам горшок»; «Горшечник может спать спокойно, никто не украдет его глину»; «Домашняя посуда горшечника состоит из битых горшков»; «В захудалой деревне и горшечник писарь».

Лохар (кузнец) как человек очень полезный в деревне часто обрисовывается положительными красками: «Один удар кузнеца стоит сотни ударов ювелира». Но «Лохар плохой друг, он или сожжет вас огнем, или задушит дымом»; «Его кузница всегда в беспорядке, словно в ней валялись ослы»; «Он такой добряк, что и обезьяна выпросит у него пару ножных браслетов».

«Столяр думает только о дереве, а его жена ходит и говорит в такт с рубанком». «Если столяр без дела, он начинает стругать заднюю часть своего друга».

^{*} Кунби — земледельческая каста в Западной Индии.

«Маслобойщик, пока маслобойня в ходу, бездельничает, придумывая грязные истории». «Несчастный бычок маслобойщика всегда слепой, он идет версту за верстой, не продвигаясь вперед»; «Жена маслобойщика экономит масло по капле, а дочка строит из себя барышню и не знает, что такое жмых»...

Во всех частях Индии немало пословиц посвящено ткачу, особенно ткачу-мусульманину (джулаха): «Если у ткача завелся горшок с зерном, он считает себя раджей»; «Если компания в двенадцать человек благополучно перешла вброд реку, ткач насчитает только одиннадцать, забыв посчитать себя, и решит, что он умер и уже похоронен»; «Джулаха сядет в лодку и, забыв поднять якорь, проработает веслом всю ночь; застав себя утром у своей деревни, он сочтет, что она последовала за ним, питая к нему особые симпатии»; «Джулаха слушает чтение Корана и заливается горькими слезами, а на вопрос, какое место его особенно тронуло, отвечает: борода муллы тряслась совсем так, как у моего любимого козла, которого я потерял».

До сих пор приводились пословицы, касающиеся более или менее привилегированных членов деревни. А как народная молва понимает презренные низшие касты? Чамары — кожевники, башмачники, старьевщики — являются объектом резких оценок: «Он хитер, как шакал, но все же настолько туп, что будет сидеть на собственной игле и бить себя за ее кражу»; «Он горюет, что не может дубить собственную кожу»; «Он не знает ничего, кроме своей колодки, и лучший способ разговора с ним, это бить его по голове башмаком, который он изготовил»; «Кожа и кости издохшего скота — доход чамара».

Домы, среди которых мы находим чистильщиков, пожирателей червей, делателей корзинок, музыкантов, профессиональных ночных воров, вероятно, представляют собою остатки дравидского племени, разгромленного завоевателями-ариями и осужденного на рабский труд и «унизительные» занятия. Насмешливый язык пословиц называет домов «владыкою смерти», так как они доставляют дрова на индусский похоронный костер. Очень распространенная и очень

резкая форма брани сказать человеку, что он «съел объедки дома». Целая серия пословиц подчеркивает дружбу домов с членами разных каст и добрые или плохие от сего результаты: «Канджар крадет у него собаку, и гуджар обирает его дом, но зато цирюльник бреет его даром, и глупый джулаха шьет ему платье». «Дом в паланкине, брахман — пешком» — так описывается ситуация, когда все вверх дном.

На западе Индии место домов занимают махары и дхеды. В маратхских деревнях, окруженных и поныне валами, махар является ассенизатором, сторожем и привратником. Присутствие махара оскверняет, почему ему не разрешается жить внутри деревни: его убогий шалаш обычно приткнут к деревенской стене снаружи. Но он властен впустить и не впустить в деревню чужого человека; за это и другие услуги он пользуется разными подачками. Пословицы подчеркивают его бедность и забитость, например: «Махар приносит своему богу в жертву старое одеяло, а игрушками его ребенку служат кости». Позиция дхеда столь же низка: если он взглянет на кувшин с водой, то опоганит содержимое; человек, который случайно коснется его, должен выкупаться. Пословицы относятся к нему с презрительной сухостью: «Если вы обидите дхеда, он начнет швырять вам в лицо пыль»; «С его смертью мир делается чище»; «В хижине дхеда вы ничего не найдете, кроме груды костей».

Парии живут в особом гетто, в крошечных и грязных хижинах, сложенных из пальмовых листьев. «Каждая деревня, — говорит пословица, — имеет свой квартал париев». «Пальма, — говорит другая пословица, — не имеет тени, а у пария нет касты и правил». Народная оценка морали пария выражается словами: «Тот, кто нарушает слово, — сердцем парий». Но в пословице: «Если парий принесет в жертву рис, разве бог не примет его?» — можно увидеть указание на равное отношение бога к все кастам.

Анимистические племена оказались вне внимания творцов пословиц — может быть, потому, что они не занимают определенного места в общинной жизни деревни. Лишь бхил — охотник и разбойник, — очевидно, произвел своим обликом большое впечатление на население Западной

Индии и Раджпутаны: «Бхил — царь джунглей, его стрела летит прямо»; «Если вы понравились ему, он — бхил, если стали поперек дороги — сукин сын».

Относительно дикарей Ассама имеется характерная поговорка: «Жена нага рождает ребенка, а муж нага принимает лекарство». В этих словах, может быть, звучит воспоминание о куваде¹²⁷, может быть, перед нами просто намек на недалекость нага.

Целый ряд поговорок характеризует касты с точки зрения их сходства или расхождения. Сопоставление каст часто бывает очень причудливое и неожиданное. Приведем несколько образчиков этих поговорок. «Не верьте черному брахману или белому парию», — намек на нарушение чистоты крови, ставшее следствием аморального поведения. В том же духе: «Черный брахман, красивый чухра (каста ассенизаторов. — А. С.), женщина с бородой — все трое невероятны»; «Кунби умирает, увидев духа (намек на суеверие. — А. С.), брахман — от обжорства, ювелир от желчи»; «Брахманы созданы для еды, бхавани (каста актеров. — А. С.) — чтобы играть и петь, коли (каста в Гуджарате. — А. С.) — чтобы воровать, а вдовы — чтобы плакать»; «Дом, брахман и козел — бесполезны в годы нужды»; «Жена кшатрия всегда родит мальчика, жена брахмана — иногда»¹²⁸; «Если сборщиком налогов будет джат, ростовщиком брахман и правителем страны — банья — значит, бог прогневался»; «Джатов, гусениц и вдов надо держать впроголодь; если они будут есть вволю, они причинят какое-либо зло»; «Тели (маслобойщик. — А. С.) знает толк в масличных семенах, шимил (портной. — А. С.) — в сплетнях, деревенский сторож — в ворах, а лингаят — во всем на свете».

Немало поговорок посвящено религиозным служителям. В Индии, как и в средневековой Европе, лицемерие, безнравственность и бесстыдная жадность аскетов и религиозных нищих вызывают всеобщее негодование: «Нищенство — покров, скрывающий льва»; «Дружба аскета несет разорение его друзьям»; «Деньги могут купить самого благочестивого из святых»; «Если человек не может добыть жену, он превращается в святого»; «Йоги и развратники проводят бессонные ночи»; «Она пришла к факиру поучиться добродетели, а свя-

той муж стянул с нее шаровары»; «На лбу знак секты, вокруг шеи десять четок, с виду святой, а влюблен в проститутку»; «Ничего не обещай брахману, а нищему — еще меньше».

Есть пословицы, описывающие взаимоотношения племен, религий или даже провинций. В подробностях они малоинтересны, но важны как свидетельство о глубоком расчленении, взаимном недоверии и каких-то неизжитых противоречиях между группами населения. Особенно резки пословицы, которые касаются народностей, чьи обычаи несходны с традициями основной массы населения. «В один момент святой, в следующий дьявол — таков патан¹»; «Кровь за кровь — девиз белуджи²»; «Никто не скажет доброго слова о брагуи³».

Наконец, интересно присмотреться, как народная мудрость относится к касте как учреждению. Авторитет ее, в общем, признается неопровержимым. «Когда тарелки перепутаны» (речь о совместной трапезе людей разных каст) — это индусское выражение для чего-то невозможного. «Потерять свою касту — как потерять нос». А вот так пословица рекомендует проявлять осмотрительность: «Напившись воды из чьих-либо рук, глупо спрашивать его о касте». «Человек низкой касты похож на мускусную крысу — его узнают по запаху». «Говор приспособляется к касте, как гвоздь к постройке» — смысл тот, что высокая каста видна по правильному выговору и изяшным оборотам. «Я продал вам мои руки, но не мою касту», — говорит слуга господину, если тот приказывает исполнить что-либо противное касте слуге.

Но рядом с этими афоризмами, подтверждающими прочность идеи о необходимости и ненарушимости касты, мы находим другие, которые напоминают об иных народных представлениях: «Любовь смеется над кастовыми преградами»; «Каста вытекает из поступков, а не из рождения»; «Касты могут различаться, добродетель везде одинакова»; «Вайшьи и шудры явились первыми, от них произошли

¹ Патан — народность в Непале.

² Белуджи — иранский народ, живущий в Пакистане, Индии, Иране, Афганистане.

³ Брагуи — дравидский народ в Пакистане.

брахманы и кшатрии»: «Каждый дядюшка считает свою касту лучшей»; «Теперь деньги — каста»; «В старые времена люди думали о касте, когда женили своих детей, теперь думают только о деньгах».

Одежда

Одежда индийцев заслуживает хотя бы небольшого упоминания. Еще недавно каждому углу Индии довольно отчетливо соответствовал тот или иной тип костюма, но фабричное производство несколько сгладило это разнообразие. Тем не менее иногда одного взгляда на одежду достаточно, чтобы определить место рождения, религию и социальное положение человека. Решающим фактором, определяющим различия, является все-таки религия; особенно сильно ее влияние проявляется в некоторых подробностях, почти ускользающих от европейского глаза, но хорошо полмечаемых местными жителями.

Жаркое солнце Индии требует, во-первых, очень легкого одеяния и, во-вторых, белого цвета. Здесь, как правило, носят один слой одежды — кусок ткани, охватывающий тело, или рубашку со штанами; нижнее белье под одежду надевают редко (обычно люди, имеющие достаток не ниже среднего); наконец, тройной покров, то есть еще и верхнее платье, носят лишь в самое холодное время, и позволить себе это могут только обеспеченные люди.

Особенно пестры и разнообразны головные уборы, в которых с большим упорством сохраняются традиционные привычки: по головному убору легче всего узнать религию или национальность носителя. Обувь много проще и однообразнее; она имеет общеиндийский колорит.

Костюм бедных людей не отличается разнообразием: народ ходит босым, редко изменяя этой привычке; головы обычно не покрыты, а тело закутано в белое полотнище настолько пышно или разнообразно, насколько позволяют размеры материала; но чаще всего они невелики, и поэтому прикрыта лишь средняя часть тела. В некоторых местах как

мужчины, так и женщины ходят обнаженными по пояс, причем у последних это указывает на их принадлежность к низкой касте. Обнажение верхней части тела женщины на юге Индии прежде считалось даже обязательным: когда в первой четверти XIX столетия женщины, обращенные в христианство, хотели прикрыть себя выше пояса, то это привело к народным волнениям¹²⁹. Европейцам подобное обнажение женщины рисуется как акт унижительный, вызывающий в последней чувство стыда и стеснения, но в Индии к этому отношение иное.

Тамилки и тода, по рассказу Тёрстона, при антропометрических измерениях старались так распределять верхнюю одежду, чтобы прикрыть грудь, между тем как малабарка без всякого стеснения оставалась с открытой грудью. А найярки — те так вообще никогда не прячут грудь, поскольку в их племени это указывает на низшую касту.

Одежда мусульман

У мусульман мы находим большое разнообразие в одежде, что можно отчасти объяснить требованиями климата и сохранением старых традиций, занесенных из совершенно иной обстановки. В старое время покроя платья индийских мусульман сильно разнился в зависимости от их происхождения; ныне эти различия сгладились.

Голова мусульманина, согласно хадисам*, должна быть бритой, а борода иметь «узаконенную» длину семь-восемь дюймов. Борода нередко окрашена хной или индиго. Ношение бакенбардов при бритом подбородке, могольская мода в XVII и XVIII веках, теперь встречается только у деканских мусульман. Усы индийских мусульман обычно коротко подстрижены, так что губы открыты. Волосы на теле, за исключением груди, всегда удаляются.

Одежда мусульман состоит из трех главных частей: головного убора, платья и обуви. Головной убор бывает двух видов:

* Хадисы — высказывания, переданные устным или письменным путем. Сумма хадисов составляет сунну, второй после Корана источник мусульманского законодательства.

тюрбан (чалма) и шапочка (тюбетейка или феска). Первый носится главным образом в Северо-Западной Индии, вторая — в Ауде и Соединенных провинциях.

То, что в Европе называется тюрбаном (от персидского слова «сарбанд», то есть головная повязка), делится в Индии на два типа. Первый тип, состоящий из куска материи 50–75 сантиметров шириной и 4–6 метров длиной, обертывается вокруг головы так, что остается открытым небольшой кусок лба и затылка. Этот тюрбан, обыкновенно белого цвета, называется «амамах» у арабов и «дастар» у иранцев — у тех и других его носят по преимуществу духовные лица; разновидности этого тюрбана называются «шимли» или «шамла», «сафи», «люнги», «села», «румаль», «допатта». Самый роскошный тюрбан — это села; его носят только знатные и очень богатые люди. Люнги делается из специальной материи голубого цвета с особой каемкой. Патаны и иногда пенджабские мусульмане наматывают чалму вокруг головы, на которую надета высокая красная коническая шапочка куллах — она возвышается над чалмой. Концы тюрбана при этом часто свешиваются на плечи.

Второй тип тюрбана известен под названием «пагри». Он состоит из отдельного полотнища 15–20 сантиметров шириной и 7–10,5 м длиной. Пагри также наматывается на голову, но не плотно и не глубоко, так что его можно снимать и вновь надевать. Делают это разными способами, каждый из которых имеет свое название¹³⁰.

Из шапок в Индии приняты допалпляри — шапка-чепец, киштинума — шапка-лодка, безви — шапка-яйцо, сигошия — треуголка, чаугошия — четвероуголка и т. д. Некоторые шапки называются по местам их изготовления. В Бенгалии и Западной Индии в большом ходу барашковая персидская шапка (ирани куллах), имеющая форму тарбуша (о нем чуть ниже), но без кисточки наверху. Шапки, носимые в холодную погоду, называются «топи», «топа» или «каптар» (наушник). Шапки в большом употреблении среди мусульман Дели, Агры, Лакхнау и других городов Соединенных провинций.

Высокая цилиндрическая шапка тарбуш (или турки-топи) в ходу среди мусульманской интеллигенции и учащейся

молодежи. Снять головной убор, безразлично какого вида, считается на Востоке актом неделикатным, сорвать же его с головы у кого-то — значит нанести этому человеку глубокое оскорбление.

Относительно одежды мусульмане должны следовать указаниям пророка Мухаммеда¹³¹, но в Индии так поступают лишь особенно усердные из них, например ваххабиты или улемы*. Уклонение от традиций возникло еще при Моголах, в начале XVIII века, особенно заметно оно сделалось при Мухаммаде Шахе^{**}; тогда же мусульмане стали носить цветное платье, золотые украшения и шелковые одежды.

На верхнюю часть тела мусульмане надевают курту — род безрукавной рубашки, открытой спереди. Когда-то курта завязывалась веревочками, но позже стала застегиваться посредством гхунди (пуговицы) и тукмах (петли). В Южной Индии, в Гуджарате и Соединенных провинциях курта вообще не отличается от европейской рубашки, но на северо-западе она становится длиннее, просторнее, пока у патанов не достигает шиколотки, и приобретает очень широкие рукава.

Мусульмане всегда носят штаны, которые называются «изар» (арабское слово) или «пайджама» (персидское). Штаны бывают или всюду просторные, или всюду узкие, а иногда просторные до колен и тесные ниже. У талии они закрепляются шарфом или поясом, называемым «камарбанд» или «изарбанд». Виды штанов: шараи достигают до лодыжки и напоминают европейские образцы; руми имеют ту же длину, что и шараи, но бывают гораздо шире европейских (их чаще носят шииты); танг или чуст от колен книзу плотно охватывают ноги; если чуст засучены на концах, они зовутся «чуридары» — их носит простой люд. Шаровары, широкие у талии и сшивающиеся широкими складками, встречаются у патанов, белуджей, синдхов, мултанцев и некоторых других народов.

Верхнее платье называется «анга» или «ангаркха», «чапкан», «ачкан» и «шервани». Анга и чапкан напоминают

* Улемы — собирательное название знатоков теоретических и практических сторон ислама.

** Мухаммад Шах (1701—1748) — падишах Империи Великих Моголов с 1719 года.

собою род женской кофты, длиною несколько ниже колен; шьются они из разной материи. Анга считается старомодной одеждой и больше носится старыми и религиозными людьми. Поверх нее иногда набрасывается чога — очень просторное одеяние, свободно ниспадающее ниже колен. В холодную пору патаны и другие горцы носят постины (или полушубки) из овечьей шерсти, обращенной внутрь. Далее к югу в холодное время года носится дагла. Это та же анга, но подбитая ватой. В Индии приняты жилеты, но носят их не под сюртуком, как в Европе, а поверх анги или чапкана. Жилет бывает трех видов: безрукавка садари, нимастин, имеющий короткие рукава, и мирзан с полными рукавами.

Одежда мусульманок, по существу, не отличается от мужской, но она, как правило, изящнее, и скроена из более тонкого материала яркого цвета; при этом есть разница между костюмами девушки и женщины. Их головной убор называется «рупатта» (или «допатта»)¹³²; это род покрывала разных цветов и из разных материалов длиной около двух метров и шириной около метра; рупатта спускается через левое плечо. Считается, что покрытая голова — это признак скромности. Как правило, замужние носят более яркие цвета, нежели девушки. В Кашмире женщины покрывают голову небольшой шапочкой (голтопи). В некоторых местах пользуются кассавой — платком, который повязывают вокруг головы и завязывают позади узлом; женщины носят кассаву дома, чтобы держать волосы в порядке.

Весьма популярна у мусульманских женщин короткая жакетка с застежками сзади и с короткими рукавами — она может быть из любого материала. В Синде и Западной Индии эта жакетка называется «чоли», более же распространенное ее название — «ангия»; другие названия — «махрам» и «синабанд» («покрыв груди»). Женщины, как и мужчины, носят курты; молодые замужние женщины надевают курту поверх анги. У патанов два сорта женских сорочек: гирадана-кхат — темно-красного или голубого цвета, вышитая спереди, — носится замужними и джалана-кхат — не столь яркая и пышная — носится девушками.

Шаровары у женщин те же, что и у мужчин, и называются так же: «пайджама» или «изар». Разница лишь в том,

что женские шаровары шьются из шелка или другой более тонкой материи. У патанов они зовутся «партог» или «партек»; девушки патанов носят шаровары белого цвета, замужние женщины — цветные. Ношение изара — главное отличие мусульманки от индуски. Но в Шахпуре и других округах, где мусульмане усвоили индусские обычаи, мусульманки вместо шаровар носят маджлу, полотнище в два метра длиной и метр шириной, которым они плотно обматывают поясницу, спуская до колен складки; мужчины также носят маджлу.

В Раджпутане, Гуджарате и на юге Пенджаба женщины иногда носят льхенгу или гхагру — рубашку без шаровар. Тиллаком, или пешвазом, называется одежда, сочетающая рубашку и корсаж, сделанные из одного куска обыкновенно красной или иной цветной материи: тиллак обычен в Гуджарате, Раджпутане и округе Сирса. Кстати, в тиллаках обычно танцуют баядерки, не имеющие к исламу никакого отношения.

В Дели, Лакхнау, Агре и других городах Пенджаба и Соединенных провинций мусульманская невеста надевает специальное подвенечное платье; оно должно быть приготовлено без применения ножниц. Вне дома здесь мусульманки носят бурку — длинную и просторную накидку, совершенно укутывающую голову и все тело; в бурке имеются лишь два отверстия для глаз.

Мусульманки подводят глаза углем или сурьмой и окрашивают ладони и ногти хной. Кольцо в носу женщины — признак замужества.

Одежда индуистов

Кастовое деление, по-видимому, не оказывает на одежду индуистов большого влияния. Костюм мужчины обычно состоит из 1) головного убора, 2) дхоти, 3) кафтана, 4) чаддара (покрывала) 5) купального костюма. В гардероб женщины входят: 1) дхоти, 2) жакетка и 3) шаль.

Индуист, исключая раджпутов, бреет голову, оставляя только чуб на макушке. Он также бреет бороду и тело¹³³. Раджпут носит бороду и бакенбарды. На головах индуисты носят тюрбаны и иногда шапочки; в первом случае это всегда

будет пагри и никогда амамах. Индуисты повязывают пагри теми же способами, что и мусульмане. В Бенгалии носится особый сорт пагри, который может сниматься с головы, как шапка. В Гае в дождливую погоду носят особую шапочку, сделанную из листьев тала; называется она «гхунга». Бенгальцы — будь то брахманы или иные касты — часто ходят с непокрытыми головами.

Из одежды наибольшее распространение имеет дхоти, ее носят и мужчины, и женщины. Это очень древняя одежда; на старых скульптурах боги одеты именно в дхоти. Делается дхоти так: берется простой кусок материи, обыкновенно белого цвета, и обвязывается вокруг бедер, причем конец пропускается между ног спереди назад и подтыкается на спине за пояс. Простой народ носит дхоти уменьшенного размера, называемый «ланготи», который доходит до колен; в ланготи бедные люди работают по дому, в поле и т. д. Дхоти брахмана и некоторых других каст спускается намного ниже колен, у раджпутов — до лодыжки. В некоторых частях Индии лишь половина дхоти обматывается вокруг бедер, а другая перебрасывается через левое плечо.

Многие индусы носят ангарку — короткую куртку, доходящую лишь до пояса, — но в отличие от мусульман, которые делают застежки на левой стороне, у них застежки справа.

Для брахманов обязателен шнур, сделанный из крученых хлопчатобумажных ниток; он изготавливается с большими церемониями. Шнур носится через левое плечо и спускается до правого бедра. Пока брахман холост, шнур состоит из трех ниток, а после женитьбы — из шести или девяти. Он должен быть длиной в 96 ладоней и иметь узлы. Раджпут носит шнур той же длины, но узлы на нем другие.

Индуистов отличают друг от друга также кастовые и сектантские метки. Полезно выделить две, самые важные. Шиваиты проводят по лбу белые горизонтальные линии, числом от одной до трех, иногда с точкой между ними или над ними. Вишнуиты проводят на лбу три линии, сходящиеся внизу в одну точку: крайние — белого цвета, средняя — красного; средняя иногда заменяется точкой.

Индуистки носят поверх головы орхну, или вуаль, конец которой перебрасывается через левое плечо таким способом,

чтобы он прикрывал грудь. На верхнюю часть тела иногда надевается курта. Носится также корсаж, который закрывает грудь и плечи; он имеет очень короткие рукава и сзади закрепляется веревочками. В Бенгалии, Мадрасе и Бомбее женщины не носят рубашек, а только чоли и сари. Последнее одеяние представляет собой длинный кусок хлопчатобумажной или шелковой материи. Половина сари драпируется вокруг талии и свешивается складками к ногам, а остальная часть перебрасывается через левое плечо или набрасывается на голову.

Одежда сикхов

Одежда сикхов несколько отличается как от мусульманской, так и от индусской. Сикхи не бреют и не стригут волос. Борода у них раздваивается посередине, и концы ее загибаются вверх. Волосы сикх собирает в узел на темени или на затылке — это важный отличительный знак сикха.

Правоверный сикх должен носить на себе какой-либо предмет из железа. В остальном сикхи напоминают или индусов, или мусульман, но всегда имеют отличия, которые местные жители заметят без труда.

Сикхи очень любят всякие украшения и носят сережки.

Одежда сикхских женщин мало отличается от индусской, хотя обитательницы округа Сирса заметно склоняются к мусульманской одежде.

Резко бросается в глаза одежда акали, они же ниханги*. Она вся насыщенного голубого цвета, тюрбан также голубой, высокий, с прикрепленными к нему тремя стальными дисками. Иногда этот тюрбан пронизывают несколько стальных клинков. Акали носят плоские железные кольца на шее и на руках.

Одежда парсов

Парсы выделяются своей одеждой среди остального населения Индии.

* Ниханги, акали — члены военизированной организации сикхов.

Одеваются парсы в садру, священную рубашку с поясом (касти). Поверх садры носят сюртук из хлопчатобумажной материи, опускающийся чуть ниже пояса. Штаны парсов схожи с мусульманскими.

Держать голову непокрытой считается у парсов грехом; поэтому парсы обоего пола ходят в головных уборах даже дома. Дома парс носит тубетейку, а на улице — кхоку, высокую шапку, сделанную из жесткого блестящего материала. Юное поколение предпочитает круглые шапочки с мерлушкой по краям.

Парсийка собирает свои волосы в узел, подобно древней гречанке. Она одета в садру, как и мужчины. Деревенские парсийки носят плотно охватывающий корсаж без рукавов и шаровары из цветной материи. Поверх всего этого они набрасывают шелковое сари; оно пропускается между ног, и конец перебрасывается через правое плечо. В городах сари между ног не пропускают, а свешивают свободными складками, закрывая штаны.

Обувь

Относительно обуви нет никакой разницы между индустами, мусульманами, сикхами или парсами, но первые не станут носить обувь, изготовленную из коровьей кожи. Башмаки у мусульман называются «джути», а у индуистов — «джоре» или «зоре». Башмаки обычно называются по материалу, из которого они сделаны: нарика-джути — кожаные башмаки, банати-джути — войлочные и т. д. Имеется большое число видов башмаков, в общем похожих на обычные европейские туфли, но отличающихся формой носков, задников, высотой и т. д. Обувь женщин отличается более тонким материалом и разными вышивками.

Всякая обувь снимается при входе в храмы. Как правило, ее снимают и на пороге дома. Восточные люди обычно сидят на полу, предпочитая сго всяким креслам и стульям; отсюда необходимость, чтобы ковры, маты и циновки, покрывающие пол, оставались чистыми. Но хотя считается

неприличным входить в дом, не сняв предварительно обувь, для тех индийцев, которые носят сапоги или ботинки, делается исключение.

Местная интеллигенция, особенно бенгальская, давно носит европейскую обувь, надевая ее на белые носки или чулки.

Суеверия и приметы

Простые люди Индии до сих пор живут в непролазном плесу всяческих суеверий: предзнаменования, сглазы, приметы, заклинания, колдовство, обеты, предохраняющие формулы и т. д. и т. п. пропитывают мировоззрение индийца, влияя на его частную жизнь и даже на экономику страны в целом. Возникает вопрос: почему в Индии, имеющей значительный культурный слой, так упорно задерживаются и продолжают жить эти пережитки средств борьбы человека за свое существование — притом задерживаются столь упорно, как едва ли в какой другой стране мира? Ответ, наверное, может быть только один: просвещающее влияние властей, интеллигенции и школ плохо доходит до толщи народной массы, а с другой стороны, природа Индии даже теперь держит крестьянский люд в трепете, грозя ему стихийными бедствиями.

Люди в Индии часто прибегают к «науке предзнаменований» и стараются руководствоваться их указаниями. Это очень давняя традиция. «Атхарваведа», переполненная всякими охранительными заклинаниями и предупредительными формулами, содержит сведения о том, сколь большое значение придавалось в Индии всяческим предзнаменованиям еще за тысячу лет до наступления нашей эры.

Немало о приметах говорит индийский эпос. Например, в «Рамаяне» описывается, какие несчастья постигли Ситу, после того как она переступила черту, обведенную вокруг нее Лакшманом, чего делать было ни в коем случае нельзя. В «Шакунтале» царь Душьянта, чувствуя подергивание в руке, принимает это за предзнаменование и смиренно

говорит: «...Тому, что судьбой предназначено, двери открыты везде». Шакунтала говорит: «О, почему дергается правый мой глаз?» — на что Гаутами отвечает: «Да отвратит небо дурной знак, дитя мое. Счастье да будет с тобою». Эти слова показывают, что в V веке н. э. царствовали те же представления, что и ныне. И теперь ощущение дрожи в правой руке означает в будущем брак с прекрасной женщиной, а подергивание правого глаза предрекает несчастье.

Самым серьезным образом толкуются сны. Благоприятными снами считаются езда на корове, быке или слоне, вход в храм или дворец, подъем в гору или лазанье на дерево, употребление спиртного и мяса, объятия с женщиной, применение благовоний и т. д. Если человек видит во сне брахманов, царей, цветы, драгоценности, женщин или зеркало, он вылечится от болезни. В случае благоприятного сна человеку надлежит как можно скорее встать, дабы вновь не заснуть и не перечеркнуть приснившееся дурным сном.

Индусы очень озабочены, чтобы в первое утро нового года увидеть благоприятные предметы, так как это обстоятельство предопределяет качество всего года. На Малабаре, например, накануне нового года одну из комнат обычно украшают гирляндами цветов и туда же приносят разного рода сласти, плоды, драгоценности и золотые монеты... Дверь в эту комнату с вечера оставляют закрытой. Рано утром обитатели дома встают и с закрытыми глазами подходят к дверям, открывают их, и их глазам являются благоприятные предметы.

Доброй приметой для целого дня считается, если муж утром первым делом увидит лицо своей жены¹³⁴, но также полезным может оказаться вид своего лица в зеркале, лицо богатого человека, хвост черной коровы, морда черной обезьяны... В то же время, если человеку поутру в качестве первых объектов попадутся светлокожий парий или чернокожий брахман, это сулит несчастье.

Отправляясь в дорогу или на серьезное дело, индус внимательно смотрит, кто или что встречается ему на пути; благоприятные объекты — это замужняя женщина, девушка, про-

¹³⁴ Калидаса. Избранное. М., 1956. С. 88, 141.

ститутка, деньги, корова, похоронная процессия, две рыбы, бык, слон, лошадь, мед, попугай и т. д.; неблагоприятные — вдова, кожа, собака (но только лающая, задрав морду), заяц, змея¹³⁵, слепец, тигр, прокаженный, нищий и т. д.

Идущие навстречу два брахмана, или девушка, или корова с теленком, звук ведийских гимнов, звон колокольчика — обещают хорошие перемены; а вот тот, кто увидит калеку, труп, разбитые сосуды, цирюльника, вдову, змею, кошку, евнуха, пария, пепел, должен готовиться к неприятностям.

Обедать с другом или родственником можно лишь в понедельник, среду, пятницу и субботу; обед во вторник может принести охлаждение, в четверг — вражду, а в воскресенье — нескончаемую взаимную ненависть.

Спать нужно в определенном положении, ибо сон головой на восток принесет богатство и здоровье, на юг — долгую жизнь, на запад — славу, а на север — болезнь. Последней позиции надо избегать во что бы то ни стало¹³⁶. Для путешествий также надлежит выбирать определенные дни, худшими будут вторник, суббота и воскресенье¹³⁷.

Чихнуть один раз — хороший знак, два раза — дурной, больше двух — значения не имеет. Зевок показывает, что злые духи пытаются войти внутрь, поэтому многие из брахманов после зевка шелкают пальцами, чтобы лишить духов удачи¹³⁸.

Существуют несчастливые числа, которых стараются избежать. Например, у народа телугу считается несчастливым «семь», так как второе значение этого слова на языке телугу означает «рыдать». У тамилгов за несчастное число слывет «десять», так как на десятый день после смерти мужа жена снимает с себя все эмблемы брачной жизни. «Лабха» по-санскритски значит «прибыль», «выгода», и индусы при счете употребляют это слово для обозначения несчастливого числа «один»¹³⁹.

Даже для умащивания тела определены счастливые и несчастливые дни: делать это в воскресенье — значит потерять красоту, в понедельник — стать богатым, в четверг — потерять разум. Для девушки считается добрым знаком достичь зрелости в понедельник, среду, четверг и пят-

ницу¹⁴⁰, даже месяц, на который выпадает первый признак зрелости, указывает на будущую судьбу женщины: месяц вайкаси (май — июнь) сулит благоденствие, ани (июнь — июль) — мальчиков, маси (февраль — март) — счастье, маркажи (декабрь — январь) — благонаправных детей, пантуни (март — апрель) — долгую жизнь и много детей.

Существует поверье, что вид или дыхание мусульманина в момент, когда он только что произнес свои молитвы, принесет выздоровление больным детям. На этом основании женщины располагают детей у входа в мечеть, когда ее покидают правоверные.

Весьма распространена в Индии вера в дурной глаз. Чтобы предупредить сглаз, в определенных местах располагаются безобразные фигуры, сделанные из дерева, камня, глины или соломы. Эти фигуры, которые, по мнению индийцев, принимают сглаз на себя, особенно в ходу при храмовых или брачных церемониях.

Нет нужды говорить, что внезапная болезнь или потеря аппетита ребенком также чаще всего приписываются сглазу и, чтобы его отвести, матери рисуют черные пятна на лбу или подбородке своих детей или чернят им ресницы. Для устранения последствий сглаза, выполняется ряд мероприятий — ребенка окуривают, размахивают перед ним разными предметами, мажут его различными составами и т. д.

Запрещение брахману есть на виду у представителей низких каст или некоторых животных, повторяемое многими священными книгами¹⁴¹, тоже связано с опасением сглаза.

Майсурские холея*, если человек другой касты вступит в хижину, имели обыкновение нападать на него; в лучшем случае дело заканчивалось изорванной одеждой. Брахманы почитали за счастье, если им удавалось без вреда для себя проскользнуть через холейскую деревню, так как это грозило гибелью.

В деревнях — и не только холейских, а любых — чужому не позволяют присутствовать при дойке коров: дурной глаз может уменьшить количество или изменить цвет молока.

* Холея — одна из каст неприкасаемых. Майсур — город в Индии, в штате Карнатака.

Сглазу противопоставляются священные формулы, при помощи которых, как считается, можно даже управлять самими богами. Эти формулы, по убеждению индийцев, излечивают болезни, помогают при родах, развивают женскую грудь, лечат бесплодие, лишают силы дурные метки на теле и т. д. Чтобы уберечь скот, магическая формула вырезается на каменном столбе, который ставится посреди деревни.

В большом распространении любовные напитки и порошки, приготовленные из очень причудливого материала — это могут быть, например, глаза газели, мозг умершего перворожденного ребенка, менструальная кровь девушки, дохлые мыши, пауки и т. д. Болезнь и даже смерть — очень частые результаты употребления этих снадобий. Среди париев и других каст суеверия столь сильны, что перворожденный мальчик в случае смерти погребается или близко от хаты, или в самой хате — иначе тело его выкрадут для приготовления разных колдовских препаратов.

Много суеверий и всяких примет связано с животными. Особенно важные роли играют собака и шакал: от того, что они делают или сделали, в какую сторону лают, а также что держит во рту первая, зависит целая серия неизбежных явлений: болезнь, пожар, женитьба и т. д. Шакал, как известно, не имеет рогов, но в Индии в большом ходу «шакальи рога», которыми пользуются как талисманом, обещающим удачу во всех мероприятиях. В Махараштре имеется особая группа людей (курувикараны), которые занимаются охотой на шакалов и изготовлением упомянутого талисмана.

Мясо шакала, имеющего якобы сильные легкие, вылечивает от астмы. Укус же крысы, кошки или обезьяны, наоборот, астму вызывает.

Увидеть кошку утром сулит исключительное несчастье, откуда пословицы: «Я видел этим утром кошку» и «Неужели сегодня утром вы видели кошку?» Если кошка пересечет парию дорогу в день свадьбы, то он вполне может отказаться от невесты.

По всей Индии, а особенно на юге страны¹⁴², большое внимание придают разного рода пятнам на шкурах лошадей и быков — они могут повысить или понизить цену животного; характер, объем и направление этих меток могут при-

нести собственнику счастье или горе. Народ столь сильно держится этого суеверия, что редко приобретает лошадь с дурными метками или позволяет своей кобылице сойтись с жеребцом, имеющим неподходящие приметы. Главные из этих пятен (на быках и лошадях) очень точно описаны — они имеют специальные названия и свой соответствующий индекс счастья или несчастья¹⁴³.

Одни животные дают добрые предзнаменования, если, например, человек их видит двигающимися слева направо, другие также несут счастье, но в случае их движения в противоположном направлении.

Очень полезна, по воззрениям народа, обезьяна — ее моча, смешанная с чесноком, излечивает от ревматических болей, а камни, на которые помочилось это животное, продаются как лекарство. Некоторые горцы, страдающие хронической лихорадкой, пьют обезьянью кровь. Мясо черной обезьяны (нильгирский лянгур) продается на базарах как средство против коклюша.

Жир павлина лечит суставы.

Если скорпион укусит беременную женщину, то родившийся ребенок гарантирован против всяких укусов. Но если все-таки скорпион укусит, то существуют целебные мази, в состав которых входят экскременты ящерицы. Существует поверье, что людей, имеющих родимые пятна, формой похожие на силуэт скорпиона, это насекомое не кусает.

Ворона то знаменует собою несчастье, то намекает на гостей. На поминках воронам бросают вареный рис и ждут благополучия, если вороны его клюют. Если человек урали (тамильская сельскохозяйственная каста) выгнан из касты и желает вернуться назад, он бросает на крышу хижины угощение; если вороны съедят его, человек будет прощен. Совокупление ворон предвещает верную смерть; чтобы ее избежать, надо, увидев ворон в столь интересном положении, тут же уведомить родственников о своей якобы уже свершившейся смерти. Гонды никогда не убивают ворон, так как это может привести к гибели друга.

Воробей приносит счастье дому, где он устраивает гнездо. Поэтому его всячески стараются заманить на подворье.

С напряженным вниманием следят в деревне за совами, ибо, если сова сядет на крышу или сук близкого дерева, несчастья не избежать. Один крик совы предсказывает смерть, два — успех в ближайшем предприятии, три — замужество и прибыль в доме, четыре — беспокойство, пять — путешествие, шесть — появление гостей, семь — умственное расстройство, восемь — внезапную смерть и девять — успех. Особый вид совы — пуллу — самая страшная птица: она приносит детям всевозможные болезни, включая чахотку. При звуке ее голоса на детей надевают защитные амулеты и спешно прячут их в комнатах, а на крышах домов вывешивают тряпки, разбрасывают битые горшки и т. д., чтобы сову отпугнуть¹⁴⁴.

Исцеление больному принесет коршун, если его угостят кусками мяса; тень коршуна, упавшая на кобру, приводит змею в оцепенение. Это тем более важно, что змея занимает в суевериях индуса видное место. Как уже говорили, змея — это могучий бог, страшный и милостивый, проникающий разными способами в быт туземца, дарующий по каким-то изгибам суеверной мысли или изломанных традиций индусской семье деторождение; дети же — предмет страстного желания каждой семьи, а сын — необходимый фактор, устанавливающий, как уже говорилось, бессмертие отца и оправдывающий существование женщины. Поэтому почитание змеи в Индии — наиболее популярный культ.

Толпы молящихся сходятся в особые места в надежде увидеть этих животных. Например, в Раджахмандри, в стороне от большой дороги, имеется старый муравейник, на котором красуется каменное изображение кобры, а кругом — грубые его подобию, вырезанные из дерева. Старая змея, живущая в этом холмике, выползает иногда из своего логовища, чтобы погреться на солнце или поесть яиц или мяса, которые приносят люди. К холмику толпами приходят женщины, молящие о плодородии; если им удастся увидеть змею, они уходят с облегченным сердцем, уверенные, что их молитва услышана. Среди взрослых женщин порою можно увидеть совсем маленьких девочек, заблаговременно молящих о плодородии своего чрева.

Против укуса змеи, как считается, помогают камень, якобы вынутый из ее пасти, специальные мантры, заговоры и пр.

Имеются специальные жрецы, которые кормят змей молоком, плодами, мясом и т. д. и которые переносят их с особыми церемониями из одного места в другое. Еще голландец Вишер в 1743 году подметил, до какой избалованности доходят змеи, которым никто не угрожает: они проползают между ног людей, когда те принимают пищу, и пожирают у них на виду рис из горшка или с листа, а люди сидят окаменелые, пока чудище не насытится и не удалится прочь.

Убить змею — величайший грех, а видеть ее мертвой — знак, предвещающий большие несчастья. Благочестивые малаяны (горное племя Малабара), найдя убитую змею, погребают ее с такими же почестями, какие оказываются только особам, которые принадлежат к высоким кастам: тело змеи покрывается шелком и сжигается на сандаловом дереве; при этом брахман выполняет очистительные церемонии, и производятся должные омовения. На Малабарском берегу отдельный уголок в доме очень часто посвящается змее.

Змеи, как говорят легенды, влюбляются в девушек и преследуют их. Но змея никогда не укусит свою избранницу.

Мы далеко не исчерпали картину индийской жизни. Но она столь пестра и сложна, что охватить ее одним махом не представляется возможным.

Рядом с высокими школами философского мышления и утонченными религиозными системами мы находим примитивные формы демонологии; развитая техника уживается с первобытными способами добывания огня; лаборатории Калькутты и Лахора, дающие блестящие результаты в борьбе с инфекционными болезнями, соседствуют с дикими приемами врачевания и колдовством. Сочетание просвещенного и дикого, передового и глубоко отсталого очень характерно для Индии.

Раздел о суевериях позволяет нам сделать вполне практические выводы. Он иллюстрирует, в каком сумбуре суеверий,

предрассудков, разного рода «необходимостей», глупых опасений, подозрений и прочего, тому подобного, живет народ Индии. Этот раздел ясно говорит, что древние обычаи со всеми их требованиями переплетаются, как спрут, с народным телом Индии и своей могучей, всюду проникающей властью господствуют над думами, трудом, жизнью и судьбами. Быстро оторвать народ от присущего ему быта нельзя ни предписаниями, ни просвещением или другими болсе совершенными мерами, и поэтому суеверия еще долго будут определять жизнь большого числа индийцев...

- ¹ Стих «Ригведы»: «Да сподобимся мы света Савитара небесного, желанного, и сам он да вдохновит наши молитвы» (Ригведа III, 62, 10). Савитара — бог солнца.
- ² Уже в ведах говорится о 33 богах, один раз о 3339; в «Атхарваведе» эта цифра еще увеличивается; одних гандхарв насчитывается 6333, Дюбуа говорит о 330 млн. богов (J. A. Dubois. *Hindu Manners, Customs and Ceremonies*. Oxford, 1906, reprinted 1953. P. 612).
- ³ Книги «брахманы» и представители высшей касты «брахманы» произносятся на санскрите одинаково, исключая окончания.
- ⁴ Эта вторая категория сутр делится, в свою очередь, на грихьясутры, регулирующие домашний ритуал, и на дхармасутры, относящиеся к гражданскому праву и обычаю. Из них происходят позднее дхармашастры, или кодексы законов.
- ⁵ Счет у ариев велся по зимам; человеку желали прожить сто зим.
- ⁶ Сравнение «Авесты» с «Ригведой» показывает ясно, что сома являлся видным фактором в мифологии и культуре еще индоиранского периода; у иранцев (в «Авесте») сома называется «хаома».
- ⁷ Богине посвящено около 20 гимнов, полных красоты и вдохновения, витающих на границе между религией и поэзией. В этом восхвалении много восточного колорита, иногда непонятного европейскому читателю. Ушас — и юная красавица, наряженная матерью, и богато убранная танцовщица, и пестро разодетая жена перед своим супругом, и женщина, выступающая из купальни, улыбающаяся и уверенная в непреодолимой силе своих прелестей, обнажающая грудь перед взором людей.

- ⁸ «В детстве ей полагается быть под властью отца, в молодости — мужа, по смерти мужа — [под властью] сыновей: пусть женщина [никогда] не пользуется самостоятельностью» (Ману V, 148).
- ⁹ Например, Ману изрекал такую истину: «Муж, совершивший священнодействие, сопровождаемое чтением мантр, всегда — и в [надлежащее] время и не вовремя — доставляет счастье жене и в этом мире и в будущем», или еще сильнее: «Муж, [даже] чуждый добродетели, распутный или лишенный добрых качеств, добродетельной женой должен быть почитаем, как бог» (Ману V, 153–154).
- ¹⁰ Концепции «Ригведы», более отчетливые о рае и очень туманные об аде, в «Атхарваведе» расписаны яркими и конкретными узорами: рай с небрыкающимися и готовыми всегда доиться коровами и пленительными апсарами не уступит раю ислама, а ад, где грешники сидят в лужах крови, едят человеческое мясо, а пьют или слезы обиженных ими, или воду, служившую для омовения покойников, сам по себе не менее внушителен.
- ¹¹ Особенно в этом отношении знаменит гимн X, 18, например слова: «Расступись, земля! Не дави его! Дай ему легко и быстро погрузиться, укрой его краем [своей] одежды, как мать [укрывает] своего сына» (Ригведа X, 18, 11).
- ¹² «Те болезни, которые следуют из рода за сверкающей свадебной процессией невесты, да уведут их достойные жертв боги снова туда, откуда они пришли» (Ригведа X, 85, 31). Факт столь значительных биологических знаний ариев может дать известную нить в изучении вопроса о происхождении каст.
- ¹³ Обвязывание женихом вокруг шеи невесты тали или ботту (брачное ожерелье), ныне считающееся важнейшим моментом церемонии (как надевание колец христианами), в ведах не упоминается.
- ¹⁴ Ригведа X, 90.
- ¹⁵ Тех, что не совпадают с гимнами «Ригведы».
- ¹⁶ Ригведа III, 34, 9.
- ¹⁷ В «Ригведе» чувствуется уже борьба между употреблением мяса в пищу и растущим принципом святости коровы; последняя носит эпитет *aghnya*, то есть «не подлежащая убийству», но при некоторых торжественных обрядах в честь богов, предков, при возлиянии сомы животные, по-видимому, еще долго убивались; однако забивание коровы в честь гостя уже в период сутр стало выходить из обычая. В этом случае над коровой заносился нож, но гость должен был сказать фразу: «Не убивайте безвинную корову; она —

Адити — богиня». И далее: «Пусть она идет и ест траву» (Параскара Грихьясутра I, 3, 26–28).

¹⁸ Ману специально упоминает только Курукшетру и Ганг: «Если у тебя нет разлада с тем сыном Вивасвата, божественным Ямой, который обитает в твоём сердце, можешь не ходить ни к Гангу, ни к [жителям] Куру» (VIII, 92).

¹⁹ В наши дни преобладающее место среди богомольцев, как и в далекие дни истории, занимают женщины, хотя законы всегда неодобрительно относились к религиозным странствованиям женщины, а иногда прямо их запрещали.

²⁰ История едва ли когда знала другой пример столь высоко поднятого класса над всей народной массой. Приведем примеры. Властитель народа (царь), по Ману, обязан был заботиться о народе, не отступать в бою и почитать брахманов (VII, 88). Брахман имеет право на счастье в 20 раз большее, чем обычный смертный. Предельное наказание для брахмана — исключение из касты. Десятилетний брахман и столетний кшатрий относятся один к другому, как отец и сын, но из них двоих брахман есть отец (II, 135). Есть два рода богов — «дева» и «брахманы» (см. также I, 100, 101; VIII, 37, 124, 380, 417; IX, 31, 85, 317). «Шатапатха брахмана» говорит: «...солнце не вставало бы, если бы жрец не совершал жертвоприношения». Но нужно заметить, что так о брахманах говорили сами брахманы. В народной массе они определялись в другом колорите, недаром народный театр, поговорки, басни и т. д. чаще всего рисуют брахмана в виде глупца, обжоры, бездельника, сладострастника и т. п. Так забавно корректируется народной фантазией возвышенная брахманская теория.

²¹ Это подчеркивание первенства Брахмы мы находим на многих страницах Ману: «Соединение с высочайшим Брахмой» — лучшая награда; «Мир Брахмы»; «Пребывание в Брахме»; «Слава Брахмы»; «Вечный Брахма — высочайшее существо» и т. д. (См. Ману I, 50; II, 82–84; III, 70–89; IV, 182–260; VI, 32, 79, 81, 95; VII, 14; VIII, 81; XII, 102, 123, 125).

²² О четырех периодах жизни брахмана см.: Ману II–VI.

²³ «Махабхарата» говорит: «Некогда, собравшись, божественные мудрецы положили на весы с одной стороны четыре веды, а с другой — “Махабхарату”. И тогда [последняя] по величине и весу оказалась превзошедшей [веды]» [I, 1, 208–209. См.: Махабхарата. Адипарва. Книга первая]. Отсюда название «Махабхараты» — «пятая веда».

- ²⁴ Брахманам запрещалось священнослужение; брахманы, исполняющие жреческие функции, считаются принадлежащими к низшим классам, и брахманы из классов более высоких относятся к ним с презрением, хотя бы они были одного религиозного толка.
- ²⁵ Он якобы был сыном брахмана и девушки из касты рыбаков.
- ²⁶ Шива чтится как Вишвешвара, то есть господь вселенной; под этим титулом Шива является и теперь главным предметом поклонения в современном городе Шивы — Варанаси.
- ²⁷ Арии, вторгшиеся в Индию, в туземцах (дасью) нашли людей, резко от них отличных, особенно по религии. По-видимому, дасью или некоторые из них были поклонниками фаллоса (шишнадева). В «Ригведе» имеются два места, в которых дасью осуждаются за почитание фаллоса, а в дни «Махабхараты» (последний период развития ее) мы находим фаллос уже на пути к культу индуизма. Почти несомненно, что культ фаллоса относится в Индии к далекому, доисторическому, временам.
- ²⁸ Помимо широкого географического распространения по городам, селам, лесам (один Варанаси насчитывает тысячи линг) этот символ является самым частым домашним идолом, особенно чтимым. Мы находим его сделанным из золота, серебра, бронзы, железа, меди, цинка, у бедняков — из камня и глины; сплав ртути и олова — наиболее частый материал. Бедняки и в деле созидания бога предоставлены собственной изобретательности: грубо отшлифованный камень или глина помогают им утолить свой религиозный голод.
- ²⁹ Судьба Шанкарачарьи, величайшего философа и мыслителя Индии, по полету мысли и по постановке моральных проблем не уступавшего Будде, полна драматизма. По Шанкаре, «брахманы придумали идолов и засорили все великое беспочвенной и вычурной схоластикой». Умер на 24-м году жизни, но успевший создать труды, предвосхищавшие мысли Канта, Шанкара по воле истории оказался основателем шиваитских сект, давно забывших или никогда не понимавших смысл учения философа и представляющих собою очень часто тип идолопоклоннических религий, полных грязи, формализма и ужасов.
- ³⁰ Символ того, что члены секты обладают тройным могуществом — над своими словами, мыслями и действиями; нищие этой секты носят палку с тремя сучками.
- ³¹ Воплощение и олицетворение творческой или разрушительной способности того или иного божества в виде парного ему боже-

ства женского пола, богини-супруги: рядом с Вишну — Лакшми, с Брахмой — Сарасвати, у Шивы — целый сонм. «Шакти» — санскритское слово, означающее «сила», «энергия». Применительно к жене бога понятие говорит о его энергии в проявлении божественных функций.

³² Говоря о Шиве, Реклю замечает: «Однако чувство, преобладающее в культе несчастного, вечно угнетенного народа, есть чувство ужаса» (E. Reclus. Nouvelle Géographie Universelle. La terre et les hommes. Tome VIII. P., 1883, p. 679).

³³ «Бхагавадгита» («петые божеством откровения») — заглавие религиозно-философской поэмы, составляющей часть VI книги «Махабхараты». Кем она создана и когда, не известно, но, по-видимому, она является более поздней вставкой в эпос и сложилась в первых веках н. э.

³⁴ Например, шестое воплощение Вишну в богатыря Парашураму («Рама с топором»), который истребил зазнавшихся кшатриев — «трижды семь раз очистил землю от воинского отродья и наполнил пять озер их кровью» — и отдал землю брахманам, очевидно, является отголоском борьбы брахманов с кшатриями, закончившейся победой первых.

³⁵ Раньше относили создание этой пураны к 1045 году н. э. (см. «Vishnu Purana». Transl. by H. H. Wilson. L., 1840, p. LXXII), но теперь считается почти доказанным, что она старше лет на 500.

³⁶ Один из них был кожевник, другой цирюльник, а наиболее знаменитый из учеников, как говорили, был сыном ткача.

³⁷ При его смерти, как говорит легенда, индусы и мусульмане заявили претензию на его труп, но когда сняли покров, то не нашли ничего, кроме груды цветов; индусы взяли половину себе и сожгли в Варанаси; мусульмане погребли другую половину около Горакхпура.

³⁸ По традиции врачи. В Бенгалии одна из высоких каст, следующая за раджпутами.

³⁹ Своеобразным примером превращения представляется случай в Барагаоне (Бихар), где крестьяне приносят козлов в жертву Будде, превращенному ими в Рукминн (супругу Кришны), официальный культ которой также никогда не был кровавым.

⁴⁰ Достаточно побывать несколько часов, как это выпало на долю пишущему эти строки, в преддверии Золотого храма в Варанаси (или в его внутренних покоях), чтобы наблюдать нервную картину экстаза, истерики, жестов, вскриков и бесчисленных исцелений. Храм Вишвешвара, то есть храм владыки мира, носит название Золотого, вероятно, из-за своего позолоченного верха.

- ⁴¹ Ганг упоминается уже в «Ригведе» (X, 75, 5). Греки отчетливо выделяли культ реки Ганга — настолько, очевидно, он был распространен (см.: Страбон XV, I, 69).
- ⁴² Они производят свое имя от «панч пир», то есть пять святых. Некоторые исследователи связывали этот культ с пятью Пандавами, героями «Махабхараты», однако чаще всего в качестве основателя секты фигурирует Гази Мийян, предполагаемый племянник Махмуда Газневи, погибший за веру в Бахрайче (Ауд) в 1034 году с четырьмя своими последователями. Вообще же список основоположников меняется от округа к округу и представляет знаменательную смесь мусульманских священных хроник, надстроженных над традициями анимизма. Так, одним из пяти святых иногда выступает Аминасати, дух какой-то преданной вдовы, сожженной на костре супруга, или Бхайрон, который, по крайней мере по имени, представляет собою Шиву в одной из ужасных форм (Бхайрава, то есть безжалостный) и, вероятно, является следом какого-либо местного бога, занесенного в индуизм.
- ⁴³ Это было имя Будды в домашнем быту. Современники знали его как монаха-проповедника под именем Гаутамы или Шакьямуни («мудрец из рода Шакьев»). Позднейшему миру он известен под именем Будды, то есть «пробудившегося», «познавшего».
- ⁴⁴ К этому же периоду относятся постройки крупнейших храмов — таких, как, например, монастыри и ступы в Санчи и Бхархуте (Центральная Индия), которыми начинается история индийской архитектуры.
- ⁴⁵ На Идаямперурском синоде (около Кочина) в 1599 году. Один из оригинальных приемов утеснения инаковерующих сводился к так называемой «епископской блокаде»: владея морем, португальцы не пропускали несторианских епископов из Персии. Это прекратилось с утратой португальцами господства на морях.
- ⁴⁶ Например, Роберто де Нобили, Констанций Бресчи аббат Дюбуа. Вообще иезуиты оставили по себе богатую литературу, которая имеет исключительную ценность с точки зрения исторической, бытовой, историко-географической и т. д.
- ⁴⁷ Сикхам запрещается идолопоклонство, но и в этом направлении они постепенно отошли от своих наставников, сближаясь с поклонниками Шивы — Вишну.
- ⁴⁸ Молодой британский офицер показал одному из фанатичных джати воду под микроскопом, открыв бедному подвижнику, сколько он губит живых существ с каждым глотком воды. Несчастный был так поражен, что перестал пить всякую жидкость и умер от жажды.

- ⁴⁹ Вероятно, от этого периода в современном парсизме сохранились обычаи, взятые когда-то от индуизма, как, например, опоясывание мальчика по достижении им семи лет и омытие его коровьей мочой, вообще омовение ею утром, после сна, при родах или принятие внутрь «с целью очищения», браки малолетних и т. д. Скорее всего, в это же время они оставили свой родной язык и усвоили язык гуджарати.
- ⁵⁰ До этого времени жрецы не понимали авестийского и читали «Авесту» только в пехлевийском переводе, хотя и могли разбирать оригинальный авестийский алфавит. В настоящее время у парсов в Индии есть духовные семинарии, где будущие жрецы изучают авестийский, пехлеви и персидский. Ныне высший класс жрецов (дастуры) хорошо знает свою религию и отличается ученостью; средние жрецы (мобеды) и низшие (гербады) по-старому невежественны.
- ⁵¹ Тут будет иметь место даже целый цикл манер и приличий, которые должны быть усвоены и выполняемы членами касты в зависимости от пола, возраста, общественного положения и т. д.
- ⁵² В Южной Индии старшина деревни часто бывает столь низкой касты, что не смеет входить в хижины некоторых из своих подчиненных; когда же он собирает на совещание свой штаб, то помещает представителей его на почетное место, а сам садится в сторону и подальше, на голую землю.
- ⁵³ Священные книги индусов различают восемь форм законного брака.
- ⁵⁴ Махарана Удайпура, первый из князей Раджпутаны, свое право на первенство основывал на том, «что в его крови нет ни капли посторонней крови».
- ⁵⁵ Что каста может соединить богача и бедняка, профессора и земледельца, на это часто напевают индийские исследователи касты, подчеркивая ее достоинства как объединяющего начала.
- ⁵⁶ E. Senart. *Les castes dans l'Inde, les faits et le système*. Paris, 1896. P. 23.
- ⁵⁷ H. H. Risley. *The People of India*. Calcutta — London, 1915. P. 68.
- ⁵⁸ Это понятие очень условно: есть касты, члены которых не могут жениться вне пятнадцати семейств.
- ⁵⁹ См.: M. Kovalevsky. *Tableau des origines et de l'évolution de la famille et de la propriété*. Stockholm, 1890. P. 119; русск. пер.: М. Ковалевский. *Очерк происхождения и развития семьи и собственности*. М., 1939.

- ⁶⁰ E. Senart. *Les castes...* P. 232.
- ⁶¹ «Махабхарата» и «Рамаяна» говорят о касте как о древнем учреждении, а зерна этих эпосов, особенно второго, ко времени Александра Македонского были, конечно, налицо. Для суждения о касте времен Александра Македонского см.: Страбон. География XV, 1, 39–41, 46–49.
- ⁶² Он смешивает понятия лишь в одном случае (Ману X, 31), так что, может быть, перед нами просто ошибка.
- ⁶³ Ману IX, 329.
- ⁶⁴ Ф. Ленорман (Руководство к древней истории Востока до персидских войн. Т. II, вып. 3. Индийцы. Киев, 1879. С. 317–318) упоминает о кушитских племенах, вошедших в Индию за дравидийской волной и принесших с собой высокую культуру Халдеи и Южной Аравии; эти кушиты, или нарики (теперь найяры), были первым народом, на который наткнулись арии и на который они произвели впечатление степных варваров. В «Махабхарате» упоминается удивление вторгшихся ариев перед роскошью жизни и промышленной деятельностью кушитов. Догадка Ленормана об этике народов, встреченных в Индии ариями, сомнительна и вообще требует подтверждений, но их более высокая культура по сравнению с ариями едва ли оспорима.
- ⁶⁵ Ману говорит, что пока вайшья не отказывается от скотоводства, другие не должны им заниматься (Ману IX, 328). Он же упоминает, что, хотя некоторые считают земледелие прекрасным делом, оно порицается добродетельными людьми (плуг, разрезая землю, разрезает живые существа) (Ману X, 84).
- ⁶⁶ Автор предупреждает брахманов высокого толка не селиться в той стране, где правители — шудры (Ману IV, 61).
- ⁶⁷ Ману XI, 34.
- ⁶⁸ Ману IX, 179.
- ⁶⁹ Ману X, 32–39.
- ⁷⁰ Ману X, 47–49.
- ⁷¹ Апапатра — лицо столь нечистое, что прикосновение его к сосуду делало последний нечистым: сосуд должен был быть разбит, дабы им никогда не воспользовался арий.
- ⁷² Ману X, 51–56. Чамары, домаы, махары, дхеды, парии и т. п. и поныне живут согласно этим правилам. Это отражается и в народных поговорках, например: «Махар приносит своему богу рваные одеяла, а куклами у его ребенка служат кости».
- ⁷³ Ману VII, 42.

- ⁷⁴ Ману X, 64.
- ⁷⁵ Идеей чистоты крови проникнуты все сборники дхармы, и чем они старше, тем она выступает ярче. Например, как у древних евреев, жена умершего может «восстановить семья мужа, воспользовавшись его братом» (Гаутама XVIII, 4; Апастамба II, 2–3, 10, 27; Ману IX, 59–60); или такая фраза: «Мужья... следите за женами и бойтесь семени иностранца, старательно следите за рождением ваших детей, чтобы семья чужестранца не попало в вашу семью» (Гаутама XVIII, 9) и т. д.
- ⁷⁶ Ману VIII, 88.
- ⁷⁷ Наказания разные: понижение статуса до уровня шудр, потеря брахманства и наказание адом, потеря искупления, неприглашение на поминки и т. д. Одна из шлок (двустийшей, которыми написаны основные произведения древнеиндийской литературы) гласит: «Для целующего шудрянку, для оскверненного [ее] дыханием, а также для породившего от нее потомство не предписывается искупления» (Ману III, 19).
- ⁷⁸ Сравни еврейское законодательство (Левит XX, 10 или Второзаконие XXII, 20–22), наказующее мужа или жену, совершивших блуд, смертью, а мужчину и обрученную девицу побиением камнями.
- ⁷⁹ Ману VIII, 364, 366.
- ⁸⁰ Ману VIII, 374, 376–377.
- ⁸¹ Шерринг, один из наиболее тщательных исследователей касты, насчитывал 1886 одних лишь «брахманских племен» (M. A. Sherring. *Hindu Tribes and Castes: Together with an Account of the Mahomedan Tribes of the North-West Frontier and of the Aboriginal Tribes of the Central Provinces. Vol. II. Calcutta, 1879. P. XXII–XLVI*).
- ⁸² После того как раджпуты в X–XV столетиях сдали свои политические позиции мусульманам, многие из них разбрелись по разным углам Индии в качестве авантюристов, начальников отрядов, специалистов военного дела и т. д. Отсюда стремление объявить себя раджпутом часто имело под собой значительное историческое основание.
- ⁸³ В пуранах и «Махабхарате» изложена легенда о том, как шестое воплощение Вишну — Парашурама («Рама с топором») избил кшатриев и восстановил привилегированное положение брахманов.
- ⁸⁴ Более мелкие подразделения касты, в пределах которых строго воспрещаются брачные сношения.
- ⁸⁵ Чаще всего разумеется употребление мяса, вина, дозволение вдовам второго брака и т. п.

- ⁸⁶ Слова М. Элфинстона (M. Elphinstone. The History of India. The Hindu and Mahomedan Periods. L., 1857. P. 63).
- ⁸⁷ G. Le Bon. Les Civilisations de l'Inde. P., 1887. P. 637.
- ⁸⁸ Майна (*Acridotheres tristis*) — один из видов скворцов, наиболее популярных в народе.
- ⁸⁹ В Северной Индии патвари назначаются извне, получают специальную подготовку, а на юге страны должность карнама до последних дней оставалась наследственной. На севере патвари часто работают на несколько деревень, но их, во всяком случае, больше, чем учителей, так как один учитель иногда приходится на 15 деревень и более.
- ⁹⁰ Титул составлен из двух слов: ламбар (испорченное от *англ.* number — номер) и дар — владелец, носитель; ламбардар — владелец номера. При переустройстве системы поземельного обложения британское правительство назначало людей, которые следили за сбором налогов. Каждое из этих лиц значилось под определенным номером. Ламбардар сравнительно новое название для деревенского старшины. Более старые местные названия: патель — по всей Центральной и Западной Индии, мандал — в Бенгалии, мукадам — на севере; имеется много других местных названий (В. Н. Baden-Powell. The Land Systems of British India. Vol. I, L., 1892. P. 22).
- ⁹¹ Это еще не предел несчастья; перед нами все же член деревни, которому помогут и которого будут кормить до урожая. А вот что говорит «Авадана-шастра» о нечистых кастах: «Чандалы — порождение блуда, кровосмешения и преступления. Их покровом может быть только одежда мертвых, посудой — разбитые горшки, украшениями — железо, культом — демоны. И пусть бродят они неустанно с места на место. Так сказал Ману».
- ⁹² Процент, взимаемый баньей, — предмет редко удовлетворяемого любопытства ученых. Конечно, он чудовищен; 37 процентов годовых — самая низкая ступень, но куда он идет, это вопрос, который всегда ускользает от наблюдения. В Мадрасе обычная норма процента колеблется между 30 и 70.
- ⁹³ См.: A. Yusuf-Ali. Life and Labour of the People of India. L., 1907. P. 62–63.
- ⁹⁴ Пик в главном хребте Гималаев, на отроге которого в 85 км к северо-востоку от Сринагара стоит храм Вишну, посещаемый пилигримами со всех концов Индии; на главный праздник иногда собираются до 50 тыс. человек. Сезон молений держится от мая по октябрь, когда монахи зарывают дары и на зиму возвращаются

в Джошимат, где находится известный монастырь Джьётирмат, основанный в начале IX века.

- ⁹⁵ Порт и место паломничества на полуострове Катхиавар в штате Гуджарат.
- ⁹⁶ Остров и город у Манарского залива со знаменитейшим храмом, привлекающим десятки тысяч богомольцев.
- ⁹⁷ Для брахманов это очень сложный и полный тончайших формальностей процесс.
- ⁹⁸ Санскритский кодекс «Даябхага» признает отца абсолютным собственником всего семейного достояния; сыновья могут делиться лишь по смерти отца. Законодательный трактат «Митакшара» (около 1060 года) считает сыновей и отца общими хозяевами и тем самым допускает дележ.
- ⁹⁹ Пока нет детей, жена называет мужа как-нибудь иносказательно, а с рождением ребенка она называет его «отец такого-то» (имя одного из детей).
- ¹⁰⁰ Коровий помет священен как продукт божества. Его применение разнообразно, но особенно он используется как средство очищения (см.: Н. Glasenapp. Indien. München, 1925. S. 50).
- ¹⁰¹ Чистка зубов — не только внимательно исполняемое правило гигиены, но даже религиозная обязанность. В храмах боги ежедневно подвергаются этой операции; чистка божьих зубов занимает видное место в храмовом ритуале (Н. Glasenapp. Indien. S. 49).
- ¹⁰² В деревне обед готовится на небольшой печке, сложенной из глины или ила; ее располагают у наружной стены, недалеко от двери. Так как окон нет, дым идет или через дверь, или через отверстие в потолке.
- ¹⁰³ «Атхарваведа» содержит мольбу, чтобы не родилась девочка, а одна из брахман подчеркивает, что «иметь девочку — несчастье». Современная поговорка гласит: «И слепые сыновья — опора родителей, но даже царские дочери — обуза в семье».
- ¹⁰⁴ «Законы Ману» на этот счет категоричны: «Если жена не рождает детей, может быть взята другая на восьмом году, если рождает детей мертвыми — на десятом году, если рождает [только] девочек — на одиннадцатом, но если говорит грубо — немедленно» (Ману IX, 81).
- ¹⁰⁵ Среди высших, в частности раджпутских, каст раньше существовал обычай убийства новорожденных девочек. Брахманы способствовали часто жестокому отношению к девочкам: они нередко создавали для них отрицательный гороскоп, и тогда этих пасынков небесных созвездий бросали на растерзание диким зверям.

К. Майо (K. Mayo. *Mother India*. L., 1927. P. 78–79) описывает очень характерную сцену. Молодая женщина, уже родившая двух мертвых детей, в больнице (для родных неожиданно) рождает мальчика. Все существо матери меняется. Она отдает приказ: «Пошлите в деревню и скажите отцу моего сына, что я желаю его присутствия». В результате муж и родные десять дней ждут эту женщину возле больницы и затем торжественно провожают домой.

¹⁰⁶ У старых путешественников по Индии, проявлявших особенный интерес к владыкам страны, мы часто найдем указание на эту астрологическую манию. Да и теперь можно слышать о таких случаях, как какой-либо важный человек, который должен прибыть на поезде в определенный день, опаздывает на два-три дня. Дело объясняется просто: в день его отъезда царил неблагоприятная планета и он ждал, пока ее не сменила другая, более благоприятная (A. Yusuf-Ali. *Life and labour...* P. 259).

¹⁰⁷ Гхари (гхадхи) — шестидесятая часть суток, 24 минуты.

¹⁰⁸ Среди низких каст в этих именах отражается все униженное положение женщины; вот, например, имена: Ши-ши («фу-фу»), Гхирка («презренная»), Арно («перестань») и т. д. (Г. Г. Эверс. *Индия* и я. М., 1924. С. 52).

¹⁰⁹ Приведем в пояснение слова Дюбуа: «Куртизанки, чьей профессией являются танцы в храмах и во время общественных церемоний, и проститутки — это единственные женщины в Индии, которым разрешается учиться читать, петь и танцевать. Для уважаемой женщины считается бесчестьем учиться читать. А если она умеет читать, было бы позорно это умение обнаружить» (J. A. Dubois. *Hindu Manners...* P. 337).

¹¹⁰ Обручение является актом очень сложным, предусматривающим очень многие стороны дела, главными между которыми являются два вопроса: хозяйственный, устанавливающий степень общих издержек каждой из сторон, и биологический — степень соблюдения чистоты крови при заключении брака. На этом фоне интересы двух будущих супругов, которые могут еще и не родиться, отходят куда-то назад.

¹¹¹ Процесс сближения двух гороскопов — очень сложная материя, при которой должны быть выполнены десять условий «соответствия».

¹¹² Какие зверские формы получает это суеверие, показывает обычай, существующий у некоторых групп Южной Индии: если девушка, не вышедши замуж, достигла зрелости и умерла, то находит-

ся человек, который совокупляется с ее телом, дабы в тот мир она явилась выполнившей свои обязанности. Аналогичное мы находим у Тёрстона: «Та же церемония (церемония похорон. — А. С.) совершается над телом замужней женщины, у которой не было детей. Муж исполняет свои мужские обязанности в последний раз в тиетной надежде, что женщина, может быть, принесет потомство на небесах (E. Thurston. *Ethnographic Notes in Southern India*. Madras, 1906. P. 179).

- ¹¹³ Тали снимается после смерти мужа и бросается в воду. Отсюда самое сильное проклятие между женщинами: «Да будет брошено твое тали в воду!»
- ¹¹⁴ Бхаунри — главный обряд в брачной церемонии высших каст — семикратное хождение вокруг дерева или очага или семь шагов, сделанных одновременно женихом и невестой.
- ¹¹⁵ Жаколио говорит: «Я не верю, что во всей Индии можно встретить девочку-парию, оставшуюся девственницей в шесть лет» (L. Jacoliot. *Le Pariah dans L'humanité*. Paris, 1876. P. 38).
- ¹¹⁶ Весьма чтимая в народе книга, приписываемая аскету Васиштхе (Цит. по: J. A. Dubois. *Hindu Manners...* P. 344).
- ¹¹⁷ Бритье волос — очень древний вид наказания в Индии, признававшийся очень позорным.
- ¹¹⁸ A. Yusuf-Ali. *Life and labour...* P. 277.
- ¹¹⁹ M. Monier-Williams. *Religious Thought and Life in India*. Pt. I, *Vedism, Brahmanism and Hinduism*. L., 1885. P. 276.
- ¹²⁰ Исследователи упоминают о двух курьезных обычаях, приуроченных к моменту умирания: о вложении в рот умирающего немного панчагавьи (пяти продуктов коровы) и о подведении к его постели разукрашенной коровы, чтобы умирающий в последний момент жизни подержался за ее хвост.
- ¹²¹ Если дети во время игры распускают свои кудумы и бьют себя по бедрам, их обыкновенно начинают ругать, считая, что их игра профанирует похороны.
- ¹²² Нужно заметить, что обеды эти устраиваются с возможным разнообразием и обилием. Брахманы хорошо этим пользуются. Первый вопрос жены и детей брахмана после его прибытия с таких поминков: «Хорошо ли вы наполнили желудок?»
- ¹²³ Если описанный обряд сравнить с «Ригведой» (X, 18) и с обрядом, как он описан в грихьясутрах Ашвалаяны, то упорная сохранность некоторых его сторон поражает.
- ¹²⁴ E. Thurston. *Ethnographic Notes...* P. 193—194.

- ¹²⁵ Он родился в деревне недалеко от Мадраса, был придворным поэтом пандийского царя Варагуны и в качестве приданого за его дочь, выданной за принца Чолы, был отправлен в это государство. Здесь он был оклеветан местным бардом и посажен в тюрьму, где развлекал себя, сочиняя похоронные песни... Этим песням он научил женщин, которые ходили мимо него, направляясь к пруду за водой.
- ¹²⁶ См.: H. Risley. *The People of India...* P. 305–333.
- ¹²⁷ Имеется в виду обычай, в силу которого муж после родов жены представляется больным, ложится в постель, принимает особую пищу и т. д. Этот обычай встречается на Фиджи, у ряда племен юга Африки и Северной Америки (см. также: Ф. Ратцель. *Народоведение*. Т. I. СПб., 1900. С. 264; Т. II. СПб., 1901. С. 21).
- ¹²⁸ Намек на обычай убийства новорожденных девочек в среде высших каст. Особенно неукоснительно соблюдался в семьях раджпутов (кшатриев). (Сохранение этого обычая в 1920-х годах упомянуто в *Census of India*. 1921. Vol. I, pt. I, Appendix VI, p. XVII–XVIII; M. L. Darling. *The Punjab Peasant in Prosperity and Debt*. Oxford, 1925. P. 58–59; цит. по: K. Mayo. *Mother India*. P. 71.)
- ¹²⁹ G. T. Mackenzie. *Christianity in Travancore*. Trivandrum, 1901; цит. по: E. Thurston. *Ethnographic Notes...* P. 529.
- ¹³⁰ Араби — арабский способ; мансаби — способ, принятый в Декане; мушахки — способ, употребляемый шейхами; шакридар носится хаджи, то есть теми, кто посетил Мекку; хиркидар — высоко намотанное пагри, носится людьми из свиты знати; латудар имеет вид горки, носится кайястхами; джоридар похож на ряд веревок, носится крестьянами Пенджаба и т. д.; чира — пагри из клетчатой материи; мандиль — пагри из золототканой и вообще драгоценной материи, носится знатью.
- ¹³¹ Согласно хадисам, пророк, например, говорил: «Носите белые одежды, ибо они поистине полны чистоты и приятны на взор», или: «Для женщин моего народа вполне законно носить шелковые одежды или украшения из золота, но это запрещено мужчинам: тот из них, кто будет носить шелковые одежды на этом свете, не будет их носить на том», или: «Бог не будет милосерден к тому, кто из тщеславия носит длинные штаны», то есть достигающие шиколотки.
- ¹³² Для этого покрывала существует много названий: орхна, орхни, почан, почни (Белуджистан и Западная Индия), чундри, рео (Синд), сипатта, такраи и чадар (патаны); среди бедных людей

покрывало называется пачоли. Южнее, если оно сделано из плотного материала, его называют чадар. Имеются и другие названия.

- ¹³³ Кроме того, существует в Индии религиозное бритье. О нем упоминает уже Афанасий Никитин, русский путешественник конца XV в.
- ¹³⁴ Существует легенда, что Сита вставала всегда рано утром и, выкупавшись и красиво одевшись, предстала перед очами своего супруга Рамы, дабы он мог увидеть ее лицо и запастись счастьем на целый день.
- ¹³⁵ В быту туземца змея, пересекая дорогу, заставляет его поворачивать с быками домой и в этот день совсем не выезжать в поле. Поверья относительно пересекающих дорогу животных имеют за собою глубокую древность. Зайца, перебегающего дорогу и сулящего несчастье, мы встречаем уже в «Ригведе».
- ¹³⁶ K. Srikantaliyar. Good and Bad Omens in Madras. — «The Indian Antiquary, a Journal of Oriental Research». Vol. XXI. Bombay, 1892. P. 193. Характерно, что позиция для сна рассматривается со вниманием и в священных книгах Индии.
- ¹³⁷ M. J. Walhouse. Archeological Notes. № XXVII. Scrapes of Legends and Folk-lore. — «The Indian Antiquary». Vol. X, 1881. P. 364–366.
- ¹³⁸ M. J. Walhouse. Archeological Notes. Folk-lore Omens, Spells and Charms, Popular Beliefs and superstitions. — «The Indian Antiquary». Vol. V, 1876. P. 21. Еще аль-Бируни заметил об индусах: «Они сплевывают мокроту, нисколько не стесняясь старших... Пускание ветров они считают за хорошую примету, а чиханье — за дурную примету» (А. Бируни. Избранные произведения. Т. 2. Индия. Ташкент, 1963. С. 185). Баудхаяна рекомендует «вкушать пищу... оставив страсть, гнев, жадность и пощелкав пальцами», то есть в Индии шелкают пальцами для охранения от злого духа уже не менее трех тысяч лет.
- ¹³⁹ Казначей, пусть даже кончивший университет, считая деньги, вместо семи говорит «шесть и один». Вообще внимательный взгляд на индийца-интеллигента откроет в нем немало суеверных пережитков. В одном из храмов около Калькутты имеется бог в виде красной обезьяны. Этому богу молятся не только атлеты перед борьбой или купцы перед рискованным предприятием, но и студенты университета перед экзаменами (К. Mayo. Mother India... P. 16). Мусульманские купцы заменяют «один» словом «бисмилла», а купцы народа ория — словом «лабо».
- ¹⁴⁰ Момент достижения девушкой зрелости (имеется в виду появление месячных. — *Ред.*) у некоторых народных групп Индии является днем особого церемониала и торжеств.

- ¹⁴¹ «Чандала, свинья, петух, собака, женщина в период нечистоты и кастрат пусть не смотрят на вкушающих дваждырожденных» (Ману III, 239).
- ¹⁴² J. D. Holmes. Madras Agricultural Bulletin. 1900, II, p. 42; цит. по: E. Thurston. Ethnographic Notes... P. 245.
- ¹⁴³ Некоторые из народных групп, такие, как, например, курубба (скотоводы в Карнатаке), палли (тамильская неприкасаемая каста) и некоторые другие, придают большое значение разным природным меткам на теле или завиткам на голове выбираемой невесты; счастливый или несчастливый смысл этих меток имеет часто решающее значение при выборе (A. F. Cox. A Manual of the North Arcot District in the Madras Presidency. Vol. I. Madras, 1895).
- ¹⁴⁴ О сове как предвестнице несчастья говорит уже «Ригведа».

Содержание

Религии Индии	5
Индуизм	6
Ведизм.	10
Брахманизм	29
Современный индуизм	36
Ислам	61
Буддизм	64
Анимизм	72
Христианство	73
Сикхизм.	75
Джайнизм.	76
Парсизм.	79
Касты Индии	82
Чистые и нечистые	82
История касты	90
Типы каст.	99

Бытовые пейзажи	108
Деревня	109
Семья	123
Женщины.	126
Обряд похорон	139
Пословицы	145
Одежда	152
Обувь	160
Суеверия и приметы	161
<i>Примечания</i>	170

- С53 Снесарев А.
Невероятная Индия: религии, касты, обычаи / Андрей Снесарев. — М. : Ломоносовъ, — 2012. — 192 с. — (История. География. Этнография). ISBN 978-5-91678-109-0

Сколько в Индии насчитывается богов и какие боги самые главные? Какие касты — неприкасаемые? Что пили древние арии? Как взглядом можно испортить еду? Почему при кремации мужчин использовали сандаловое дерево, а женщин — навоз? Почему пожелание выглядеть старухой носит исключительно положительный смысл? Почему индийские последователи зороастризма парсы никогда не снимают головные уборы? Как наматывается чалма? Каким словом замсняется несчастливое число «один»? Сколько раз подряд следует чихать, чтобы не накликасть беду? Что индийцу сулит подергивание правого глаза и дрожь в правой руке и насколько полезно, проснувшись, увидеть хвост черной коровы? Ответы на эти и многие другие вопросы можно прочесть в этой книге.

Андрей Евгеньевич Снесарев (1865—1937) — генерал-лейтенант царской армии, ученый-востоковед, ректор и профессор Московского института востоковедения.

УДК 94(549.1)
ББК 63.5(3)

История. География. Этнография

Андрей Снесарев

Невероятная Индия:
религии, касты, обычаи

Редактор В. Котов
Верстка А. Кашафутдиновой

Подписано в печать 12.09.2012.
Формат 60×90/16. Усл. печ. л. 12,5.
Тираж 1000 экз. Заказ № 9731.

ООО «Издательство «Ломоносовъ»
119034 Москва, Малый Левшинский пер., л. 3
Тел. (495) 637-49-20, 637-43-19
info@lomonosov-books.ru
www.lomonosov-books.ru

Отпечатано в ОАО «Можайский полиграфический комбинат»
143200, г. Можайск, ул. Мира, 93

www.oaompk.ru, www.оаомпк.рф тел.: (495) 745-84-28, (49638) 20-685

Андрей
Снесарев
Невероятная
Индия:
религии, касты,
обычаи

Сколько в Индии насчитывается богов и какие боги самые главные?
Какие касты — неприкасаемые?
Что пили древние арии?
Как взглядом можно испортить еду?
Почему при кремации мужчин использовали сандаловое дерево, а женщин — навоз? Почему пожелание выглядеть старухой носит исключительно положительный смысл? Почему индийские последователи зороастризма парсы никогда не снимают головные уборы? Как наматывается чалма? Каким словом заменяется несчастливое число «один»? Сколько раз подряд следует чихать, чтобы не накликать беду? Что индийцу сулит подергивание правого глаза и дрожь в правой руке и насколько полезно, проснувшись, увидеть хвост черной коровы? Ответы на эти и многие другие вопросы можно прочитать в этой книге.

Андрей Евгеньевич Снесарев (1865–1937) — генерал-лейтенант царской армии, ученый-востоковед, ректор и профессор Московского института востоковедения.

ISBN 978-5-91678-109-0

9 785916 781090